

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 5 (834)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

5

выпуск 834

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

5

Issue 834

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Авакова Ю. М.

Морские фразеологизмы в датском и английском языках:
особенности использования в СМИ, проблемы перевода 11

Агранат Т. Б.

Функционирование саамских языков в синхронии
и диахронии 25

Ваняшкин С. Г.

Интерференция английского языка при изучении шведского 34

Воробьева Е. В., Ливанова А. Н.

Коллокации с глаголами говорения в норвежском языке 46

Воробьева Е. В., Рачинская Е. С.

Переводить вдвоем: опыт перевода графической биографии
Стеффена Квернеланна «Мунк» 58

Гурова Е. А.

Способы выражения вежливости в побудительных речевых актах
датского языка 69

Дементьева А. М.

Некоторые лексические особенности аландского варианта
шведского языка 84

Дренясова Т. Н.

Особенности чтения и перевода
нидерландскоязычных газетных текстов 95

Жильцова Е. Л.

Отражение современных общественных процессов
в новой лексике шведского языка 107

Комарова В. В., Осмак Н. А.

Этнофолизм как элемент языка вражды 117

<i>Крылова Э. Б.</i> Датские глаголы tro , syne и mene в функции эпистемических предикатов	128
<i>Литовских Е. В., Рейер И. А.</i> Лингвистические особенности структуры Sturlubók	142
<i>Лукирская М. А.</i> Особенности формирования языковой нормы нидерландского языка через призму исторических реалий	156
<i>Матыцина И. В.</i> Доступный язык (klarspråk) – нестареющий тренд шведской языковой политики	167
<i>Никуличева Д. Б.</i> Грамматические средства перспективизации события в датском языке	180
<i>Ржешевская А. А.</i> Гетерогенность драматургического произведения: фокусирование в репликах персонажей и авторских ремарках	196
<i>Топорова Т. В.</i> «Старшая Эдда» как отражение мифопоэтической модели мира	206
<i>Флакман М. А.</i> Проблемы перевода звукоизобразительной лексики на исландский язык	220
<i>Яковенко Е. Б.</i> Исландские саги и их современные переводы в свете теории эквивалентности	232
<i>Бархатова Э. И.</i> Вербализация событий в новой лексике современного английского и немецкого языков	243

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ломагина А. В.</i> Питер Брейгель старший и интермедийность художественного текста в романе Й. В. Йенсена «Падение короля»	255
<i>Орлова Г. К.</i> «Креатив-нон-фикшн»: о некоторых особенностях перевода с датского языка современной нехудожественной прозы	268

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кондратьева Н. В., Зайцева Т. И.

Художественное своеобразие финской загадки 281

Природина У. П.

Основные экстралингвистические факторы,
обуславливающие динамику шведской антропониимии 294

Россолович К. Ю.

Реалии в художественном тексте как материал для спецкурса
по национальной идентичности 302

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Avakova Yu. M.</i> Nautical Phraseological Units in Danish and English: their Usage in Mass Media and Translation Difficulties	11
<i>Agranat T. B.</i> The Functioning of Saami Languages in Synchrony and Diachrony	25
<i>Vanyashkin S. G.</i> Interference of English in the Usage of Russian Learners of Swedish	34
<i>Vorobyeva E. V., Livanova A. N.</i> Norwegian Collocations Containing Verbs of Speaking	46
<i>Vorobyeva E. V., Rachinskaya Ye. S.</i> Co-Translating: Working on Translation of Steffen Kverneland's "Munch" into Russian	58
<i>Gurova E. A.</i> Politeness Strategies in Danish Directives and Requests	69
<i>Dementieva A. M.</i> Some Lexical Features of Åland Swedish	84
<i>Drenyasova T. N.</i> Specific Aspects of Reading and Translating Dutch Newspaper Texts	95
<i>Zhiltsova E. L.</i> Reflection of Modern Social Processes in the New Swedish Vocabulary	107
<i>Komarova V. V., Osmak N. A.</i> Ethnophaulism as an Element of Hate Speech	117
<i>Krylova E. B.</i> Danish Verbs Tro , Synes and Mene as Epistemic Predicates	128

<i>Litovskikh E. V., Reyer I. A.</i>	
Linguistic Features of the <i>Sturlubók's</i> Structure	142
<i>Lukirskaia M. A.</i>	
Specific Features of Formation of the Linguistic Norm of the Dutch Language through the Prism of Historical Realia	156
<i>Matysina I. V.</i>	
Clear Language Remains a Major Trend in Sweden's Language Policy	167
<i>Nikulicheva D. B.</i>	
Grammar Means of Event Perspectivization in the Danish Language	180
<i>Rzheshevskaja A. A.</i>	
Heterogeneity in Drama: Focusing in the Characters' Cues and Author's Remarks	196
<i>Toporova T. V.</i>	
«Elder Edda» as a Reflection of the Mythopoetic Model of the Universe	206
<i>Flaksman M. A.</i>	
Phono-Iconic Words in Icelandic: Problems of Translation	220
<i>Yakovenko Ye. B.</i>	
Sagas and their Translations Seen from the Point of View of Equivalence Theory	232
<i>Barkhatova E. I.</i>	
Event Verbalisation in New English and German Vocabulary	243

LITERARY STUDIES

<i>Lomagina A. V.</i>	
Pieter Bruegel the Elder and the Intermediality of the Literary Text in Johannes V. Jensen's Novel "The King's Fall"	255
<i>Orlova G. K.</i>	
«Creative Nonfiction»: Translating Contemporary Danish Literature	268

CULTUROLOGY

Kondratieva N. V., Zaitseva T. I.

Poetic Peculiarities of the Finnish Riddle 281

Prirodina U. P.

The Main Extralinguistic Factors Determining the Dynamics
of Swedish Anthroponyms 294

Rossolovich K. Ju.

Realia in a Literary Text
as Material for a Course on National Identity 302

УДК 81'373.72

Ю. М. Авакова

ст. преподаватель каф. языков стран Северной Европы и Балтии
Московского государственного института международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел РФ; e-mail: mp-july@yandex.ru

МОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ДАТСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СМИ, ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена малоизученному феномену – морским фразеологизмам в датском и английском языках и особенностям их использования и перевода в текстах общественно-политической направленности. Дания и Великобритания демонстрируют некоторые схожие особенности культурно-исторического развития, нашедшие отражение в языке, в частности в области фразеологизации морских терминов. С учетом подходов, выработанных в современной специальной литературе по данному вопросу, автор проводит исследование ряда фразеологизмов, содержащих важные «морские» концепты – погодное явление (ветер), часть судна (киль), отличительный знак (флаг) и активно используемых в современном датском и английском языках. Обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод относительно некоторых закономерностей, имеющих значение для перевода. В качестве образцов словоупотребления в статье приведены цитаты из современной англоязычной и датской прессы, снабженные переводом.

Ключевые слова: английский язык; датский язык; идиомы; перевод; фразеологизация морских терминов.

Yu. M. Avakova

Senior Lecturer in Danish, Department of North European
and Baltic Languages, Moscow State Institute of International Relations (University),
Moscow, Russia; e-mail: mp-july@yandex.ru

NAUTICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN DANISH AND ENGLISH: THEIR USAGE IN MASS MEDIA AND TRANSLATION DIFFICULTIES

The article focuses on a scantily researched phenomenon of nautical phraseological units in Danish and English. It deals with the peculiarities of everyday usage in mass media. Both Denmark and the UK share several common historical

and cultural traits – these understandably were reflected in the language through the transformation of purely professional nautical terms into phraseological units with broader meanings destined for broader audiences. The paper attempts at investigating several phraseological units that include important naval concepts present in both languages such as: weather (exemplified by the wind), a structural element of a vessel (keel) and a distinctive symbol (flag) using the approaches that have been developed in special though scarce literature devoted to the subject. The obtained results present enough substance to draw several conclusions pertaining to the emergence of consistent patterns that prove themselves to be of importance for translation purposes. The article includes ample quotations from different mass media (mostly British and Danish) with their subsequent translation into Russian.

Key words: English; Danish; idioms; translation; phraseological transformation of nautical terms.

Введение

Английский и датский языки, помимо общей принадлежности к германской группе индоевропейской семьи языков, имеют много схожих черт, которые объясняются экстралингвистическими факторами. Данное утверждение справедливо и в отношении фразеологии. Примечательно, что в обоих языках прослеживается изобилие морских терминов, прошедших процесс фразеологизации и вошедших в литературный язык. Такие выражения широко употребляемы, достаточно однозначно воспринимаются носителями языка и в большом количестве встречаются не только в устной речи, произведениях художественной литературы, но и в материалах общественно-политической направленности.

Цель данной статьи – показать релевантность исторических и культурных особенностей развития Великобритании и Дании для восприятия современной действительности носителями соответствующих языков с последующей наглядной иллюстрацией прослеживаемой закономерности на конкретных примерах употребления указанных выражений в средствах массовой информации с выделением особенностей, характерных для текстов общественно-политического характера.

Для достижения целей исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть явление фразеологизации морских терминов;
- 2) обобщить факторы исторического и культурного характера, обусловившие широкое распространение «морской» лексики;
- 3) привести конкретные примеры из современных средств массовой информации, где соответствующие выражения имеют

схожее или, наоборот, разное значение с возможными вариантами перевода на русский язык.

В статье использованы фрагменты англоязычных материалов британских, реже – ирландских и американских средств массовой информации, а также цитаты из датской прессы и пресс-релизов, подготовленных государственными органами. В силу наличия взаимосвязи между развитием английских морских фразеологизмов и историческим развитием политико-правового образования на Британских островах, чья культура, в том числе, языковая, была перенесена в Новый Свет, автор посчитал возможным сделать основной акцент на англоязычные британские источники, нисколько не умаляя важность подобных фразеологизмов в американском английском и в других региональных вариантах английского.

1. Подходы к изучению морских фразеологизмов

Попытки осмысления вышеуказанного феномена могут осуществляться с нескольких позиций:

- 1) с когнитивных – с целью экспликации структур знаний, стоящих за концептом «море» в лексикографическом дискурсе [Ильина 2014, с. 89];
- 2) с лингвокультурологических позиций с акцентом на особую значимость экстралингвистических факторов [Павлова 2016, с. 139];
- 3) с лингвокультурологических позиций с акцентом на рассмотрение «моря» в качестве отдельного фрагмента языковой картины мира [Шмелева 2009, с. 248];
- 4) с позиций идеографической классификации с целью систематизации с использованием метода сплошной выборки и фразеологической идентификации, эффективных для целей выявления, обобщения и изучения соответствующих языковых единиц [Яковлева, Першина 2011, с. 63];
- 5) с позиций классификации с целью систематизации по типу зависимости компонентов (с отдельным выделением субстантивных (именных), глагольных, адъективных, наречных фразеологических единиц) [Борисова 2014, с. 191].

Следует признать, что данная категория фразеологизмов (несмотря на очевидность происхождения и частотность использования)

достаточно редко становилась объектом систематического исследования. Материалом исследования (в случае с английским языком) в большинстве случаев служат словарные статьи одноязычных словарей, содержащие употребительные идиомы [Яковлева, Першина 2011, с. 54] или словарные статьи двуязычных словарей, извлеченные путем сплошной выборки [Борисова 2014, с. 192]. Носителям датского языка, профессионалам, осуществляющим преподавание датского, а также студентам, изучающим этот язык, очевидно широкое присутствие морских терминов, подвергшихся фразеологизации, однако отдельного многоаспектного изучения этот феномен пока не получил.

2. Появление морских фразеологизмов

Профессионализмы превращаются во фразеологизмы постепенно:

- 1) то или иное понятие появляется в силу необходимости объективизации нового явления или процесса;
- 2) понятие становится термином, однозначно именуящим какие-либо предметы, действия или отношения, соотносящиеся с другими аспектами действительности, наблюдаемой в специальной сфере;
- 3) в силу распространенности того или иного рода занятий / профессии термин получает широкое бытование;
- 4) термин начинает переосмысляться и распространяться на иные аспекты реальности, не относящиеся к сугубо узкопрофессиональным реалиям;
- 5) в силу многократного и последовательного употребления за термином закрепляется более или менее определенное переносное значение, и именно в таком переосмысленном качестве появляется фразеологизм, имеющий расширительное значение, причем степень понимания изначального смысла «технического» термина лицами, его употребляющими в повседневной речи, может сильно варьироваться.

3. Историко-культурные особенности формирования лексической системы

Что касается историко-культурных особенностей восприятия датчанами и англичанами водной стихии и мореходства, необходимо

отметить следующее: для викингов в целом и датских викингов, в частности передвижение по воде было не только преимущественным способом перемещения, но и основой жизненного уклада. Успехи викингов в области завоевания новых земель были не в последнюю очередь связаны с внезапностью их появления, жестокостью внезапных атак.

Англия, особенно северо-восточная ее часть, в X–XI вв. подверглась серьезному влиянию не только языка, но и правовой системы, привнесенной викингами, а сама территория ее применения получила название Дэнло / Данелаг (Danelaw / Dena lagu).

В более позднее время морские достижения датчан стали гораздо более скромными и редко имели последствия, выходящие за пределы региона (за исключением попыток основания колоний). Позиции же Англии на море упрочились гораздо позднее (при активной помощи голландцев), во времена правления Елизаветы I (1533–1603).

Таким образом, в коллективном восприятии британцев морские победы и развитие флота связываются с периодом активного становления науки в современном ее понимании, техники, теории и практики экспансионизма, но не с преданиями старины глубокой, как у датчан.

Автором статьи была ранее предпринята попытка выявления наиболее частотных датских «морских» фразеологизмов, используемых в общественно-политическом и экономическом контекстах. Для целей данного исследования в качестве примеров будут взяты некоторые выражения на английском и датском языках, содержащие в себе концепты:

- 1) погодного явления, имеющего значение для мореходства (ветер);
- 2) части судна (киль);
- 3) отличительного знака, использующегося на море (морской флаг).

4. Морские фразеологизмы в текстах общественно-политического характера

- **Попутный ветер**

(дат. *medvind*, англ. *fair wind, following wind, tail-wind*):

Svensk valg: Yderste venstre og yderste højre *har medvind* – de store, gamle partier lider (*Berlingske, 09.09.2018*). – «Выборы в Швеции: удача сопутствует крайне левым и крайне правым партиям, крупные старые партии пострадали».

Let's not be toxic like the Labour Party. Let's give a **fair wind** to the new Government (*The Independent*, 08.05.2016). – «Давайте не будем токсичными как лейбористы. Давайте дадим шанс новому правительству».

Eurozone needs strong **following wind** for this to work (*The Telegraph*, 22.07.2011). – «Чтобы это сработало, Еврозона должна демонстрировать положительную динамику».

The move towards a balanced budget in the States shows that there is a political **tail-wind** behind the idea that running a deficit is not within the right of elected representatives (*The Independent*, 17.11.1996). – «Разворот в сторону формирования сбалансированного бюджета в США показывает, что существует политическая поддержка того, что право на создание дефицита бюджета не входит в полномочия членов выборного представительного органа».

- **Встречный ветер**

(дат. *modvind*, англ. *headwind*)

Dansk økonomi er bomstærk ved indgangen til 2019, men der er **modvind** på de globale markeder (*Politiken*, 31.12.2018). – «Экономика Дании по состоянию на начало 2019 года демонстрирует устойчивость, но на глобальных рынках ситуация нестабильна».

More **headwind** from local communities hit CocaCola in the wake of the London Olympics (*The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs*, ed. by Phil Harris, Craig S. Fleisher, 2017). – «Дополнительная критика со стороны местной общественности обрушилась на “Кока-Колу” после Олимпийских игр в Лондоне».

- **Куда дует ветер**

(дат. *hvad vej vinden blæser*, англ. *which way the wind blows*)

Justitsministeren venter med at tage stilling, til vi ser, **hvad vej vinden blæser** (*Information*, 18.01.1999). – «Министр юстиции принял выжидательную позицию».

But listen carefully and you find the Republican candidate for US President changes tune depending on **which way the wind blows** (*The Mirror*, 3.09.2016). – «Внимательно прислушайтесь – и вы поймете, что кандидат на пост президента США от Республиканской партии меняет мнение в зависимости от обстоятельств».

- **Поймать ветер в парус(а)** присутствует в датском – *at få vind i sejlene* (досл. «получить ветер в паруса»)

Islands Piratparti *får vind i sejlene* efter Panamalæk (*Ekstra Bladet*, 6.04.2016). – «Пиратская партия Исландии стала более популярной после публикации “панамского досье”».

В английском же данное действие активное, *to put wind in the sails* (досл. «нагнать ветер в паруса»).

Passion for artisan bread *puts wind in the sails* of Britain’s mills (*The Independent*, 13.05.2012). – «Большой интерес к ремесленному хлебу на руку британским мукомольным комбинатам».

- **Убрать ветер из-под паруса** (дат. *at tage vinden ud af sejlene*, англ. *to take wind out of one’s sails*)

Det er en farlig strategi, som skal *tage vinden ud af sejlene* hos de demokratiske rivaler (*Jyllands-Posten*, 6.02.2014). – «Это опасная стратегия, призванная нанести вред противникам из Демократической партии».

Game over. Trump’s tweet *takes the wind out of the sails* in what might have been a fairly productive week (*The Guardian*, 22.06.2018). – «Игра окончена. Твит Трампа ставит крест на том, что могло стать итогом достаточно продуктивной недели».

Также в датском языке присутствует выражение *at løbe med en halv vind* – «идти в полветра», т. е. «превратно истолковать», «вводить в заблуждение».

Dyremose *løber med en halv vind*: Dansk Metal beskylder TDC’s topchef Henning Dyremose for at omgå sandheden alt for let i forbindelse med fyringen af 630 medarbejdere» (*Jyllands-Posten*, 26.02.2005). – «Дюремосе вводит в заблуждение: профорганизация Dansk Metal обвиняет исполнительного директора компании TDC Хеннинга Дюремосе в слишком вольном обращении с фактами, касающимися увольнения шестисот тридцати работников».

Еще один распространенный английский фразеологизм, *to sail (too) close to the wind*, имеет основное значение **плыть круто по ветру**, в то время как в переносном значении может переводиться как «быть на грани пристойности / порядочности, на грани фола».

The risky strategy pays off for the brand because it is consistent in its reactive content, although it sometimes *sails too close to the wind* (*Marketing Week*, 20.08.2014). – «Рискованная стратегия бренда оправдывает себя, в силу последовательности использования контента на злобу дня, хотя иногда компания балансирует на грани фола».

- **Держаться на ровном киле**

(дат. *at holde (sig) på ret køl*, англ. *to stay on an even keel*)

Antivirus, spamfilter og firewall – det er blot et udpluk af software, der er med til at sikre, at it-systemerne *holder sig på ret køl* i det daglige arbejde (*Berlingske*, 7.10.2010). – «Антивирус, спам-фильтр и файервол – вот всего лишь несколько примеров программного обеспечения, которое позволяет информационным системам исправно функционировать в повседневности».

Officials want to make sure the economy *stays on an even keel* (*The Wall Street Journal*, 28.09.2018). – «Чиновники хотят сделать все необходимое, чтобы экономика осталась стабильной».

- **Сидеть на ровном киле**

(дат. *at være på ret køl*, англ. *to be / keep on an even keel*)

Mærsk-skibet *er på ret køl* efter begivenhedsrigt 2017 (*B.T.*, 9.02.2018). – «Корабль под названием “Компания Mærsk” идет устойчивым курсом после богатого событиями 2017 года».

Until the global economy *is on an even keel*, gold will continue to be a safe haven (*The Guardian*, 25.12.2010). – «Покуда ситуация в глобальной экономике стабильна, золото будет безопасной гаванью для инвестиций».

- **Возвратиться на ровный киль**

(дат. *at komme på ret køl*, англ. *to come to an even keel*) в значении «стабилизироваться», «устаканиться», «прийти в норму».

So I would wait it out until I'd either *come to an even keel* or once again slip into an episode (*BBC*, 30.11.2004). – «В таких случаях я обычно выжидала, придет ли мое настроение в норму или дело снова дойдет до приступа».

Manchester United *kommer på ret køl* – det kan bare tage op til tre år, erkender manager Louis van Gaal (*Ekstra Bladet*, 7.11.2014). – «Ситуация

в команде “Манчестер Юнайтед” начинает исправляться – но процесс займет три года, – признается тренер Луи ван Гал».

- **Поставить на ровный киль** (дат. *at få/bringe/hjælpe på ret køl*, англ. *to put back on an even keel*) в значении «исправить / нормализовать ситуацию»:

Forretninger i hele landet arbejder hårdt for *at bringe økonomien tilbage på ret køl* (*Børsen*, 2.04.2013). – «Предприятия по всей стране работают на то, чтобы исправить ситуацию, сложившуюся в экономике».

The new manager succeeded in *putting the business back on an even keel* (*Cambridge Dictionary*. URL: dictionary.cambridge.org/dictionary/english/on-an-even-keel). – «Новому управленцу удалось вывести компанию из кризиса».

В датском языке очень часто употребляется выражение *i kølvandet på noget* (досл. **в кильватере чего-л.**), английское *in the wake of something* употребляется гораздо реже, но также демонстрирует целый ряд возможных переводов: «на фоне / в свете / вследствие / как результат чего-либо», «вслед за чем-либо».

Det samme gælder den tiltagende vandalisme mod franske kirker, der kun er kommet frem *i kølvandet på* branden i Notre-Dame i Paris (*Jyllands-Posten*, 26.04.2019). – «То же самое касается увеличения числа случаев вандализма в отношении церквей во Франции, о чем стало известно только после пожара в Соборе Парижской Богородицы».

In the wake of Brexit, Amsterdam is the new London (URL: fortune.com/longform/brexit-amsterdam-the-new-london-europe-companies/). – «В свете Брекзита Амстердам становится новым Лондоном».

В свою очередь, **перевернуться вверх килем** (англ. *to keel over*) очень частотно в английском (в значениях «упасть», «покатиться со смеху», «упасть в обморок» «умереть» и т. д.).

But he doesn't believe the economy is about *to keel over* any time soon (*The Irish Independent*, 11.06.2006). – «Но он не считает, что в ближайшем будущем экономика рухнет».

- **Салютовать флагом** (дат. *at kippe med flaget*, англ. *to dip the flag*) существует в обоих языках, но только в датском может

иметь переносный смысл («приветствовать», «положительно относиться к чему-л.»).

Vi kipper med flaget for det nordiske samarbejde (*Udenrigsministeriet. stor-britannien.um.dk/media/Nyheder_udenrigspolitik*). – «Мы приветствуем сотрудничество между скандинавскими государствами».

- **Ходить под флагом** (дат. *at føre/flyve flag*, англ. *to fly the flag*) – в датском языке часто используется фразеологизм *at føre falsk flag* (досл. ходить под чужим / фальшивым флагом) в значении «действовать под прикрытием».

Du siger, at De Radikale ikke *fører falsk flag*. Teknisk set, er det rigtigt. *De fører to flag*. Deres Helle Thorning flag og deres økonomiske flag, der minder om det, Liberal Alliance fører (*Information, 29.08.2011*). – «Вы говорите, что партия “Радикальные Венстре” не имеет альтернативной повестки. С формальной точки зрения, всё так и есть. У партии двойная повестка: та, которую озвучивает Хелле Торнинг-Шмидт, и та, которая напоминает политику, проводимую партией “Либеральный альянс”».

False flag встречается также в английском в значениях «провокация», «тайная операция», «отвлекающий маневр».

The United States will use the false flag poisoning as a casus belli for retaliation, the Russian Defense Ministry said (*The Moscow Times, 18.08.2018*). – «Министерство обороны России заявило, что США используют провокацию с отравлением как повод к войне с целью осуществления возмездия».

Английский глагол *to flag* (рус. **сигнализировать флагом**) может переводиться как «уменьшаться», «таять», «терять силы», «терять сознание».

In France and Britain, finances were strained, food was scarce and morale *was flagging* (*The Wall Street Journal, 17.08.2011*). – «Во Франции и Великобритании финансовая ситуация была напряженной, еды было недостаточно, и настроения в обществе приобретали упаднический характер».

The currency has been rattled this month by signs that the economy *was flagging* (*Reuters, 20.11.2019*). – «В этом месяце курс валюты потерял стабильность из-за признаков спада в экономике».

Allan said they were able to top Benjamin up with a jam sandwich, drinks and a few sweets when he started **flagging** (*Wales Online*, 25.07.2013). – «Аллан сказал, что им удалось поднять уровень сахара в крови у Бенджамина, дав ему бутерброд с джемом и несколько конфет, когда он вдруг начал терять сознание».

В то же время датский фразеологизм **показать флаг** (дат. *at vise flaget*) имеет другое значение – «показать себя», «заявить о себе», «привлечь внимание».

Vi har alle sammen en grund til **at vise flaget** for kræftsagen, nogle har mistet familiemedlemmer eller venner, andre vil gerne støtte forskningen og en del har selv kræft (*Ugeavisen Svendborg*, 8.03.2019). – «У нас у всех есть свои причины, чтобы привлечь внимание к проблеме рака: одни потеряли родственников или друзей, другие хотят поддержать исследования в области онкологии, третьи сами больны раком».

Aviser om dansk deltagelse i Syrien: Vi må **vise flaget** (*Politiken*, 23.08.2013). – «Газеты об участии Дании в военной операции в Сирии: нам нужно заявить о себе».

Выражения **поднять флаг** и **спустить флаг** (англ. *to flag up / down*) используются в английском в значении «привлечь внимание» и «остановить» соответственно.

So using St Patrick's Day **to flag up** statistics on alcohol abuse probably wasn't the greatest idea that the OECD think tank ever had (*The Irish Post*, 16.03.2018). – «Таким образом, использовать день святого Патрика для привлечения внимания к масштабам злоупотребления алкоголем, быть может, было не самой удачной идеей экспертно-аналитического центра ОЭСР».

Cesar Saucedo tried **to flag down** the plane by running onto the tarmac (*The Sun*, 12.08.2016). – «Сезар Сауседо попытался остановить самолет, выбежав на взлетную полосу».

В датском присутствует фразеологизм «пойти на дно с флагом» (дат. *at gå ned med flaget*) с очевидным значением:

Lidt flere virksomheder **går ned med flaget**. 2015 blev indledt med lidt flere konkurrencer end i december 2014 (*Berlingske*, 4.02.2015). – «Несколько большее число компаний было ликвидировано – в 2015 г. дел о банкротстве стало больше, чем наблюдалось по состоянию на декабрь 2014-го».

- **Выбросить / поднять белый флаг** (дат. *at hejse det hvide flag / at stryge flaget*, англ. *to hang out / hoist / show / strike / wave the white flag*).

Комментатор: Samuelsen *har hejst det hvide flag* (*Berlingske*, 19.12.2017). – «Обозреватель: Самуэльсен поднял белый флаг»).

Tim Farron accuses Jeremy Corbyn of *waving 'the white flag'* to Tories on Brexit (*The Independent*, 2.12.2016). – «Тим Фаррон обвиняет Джереми Корбина в том, что тот капитулировал перед «тори» по вопросу о брекзите».

Что касается других цветов флага, в современном английском языке присутствуют некоторые понятия, восходящие к знакам сигнальной системы на море.

- **Черный флаг** (опасность захвата):

British jihadist warns of *black flag of Islam* over Downing Street (*The Guardian*, 14.07.2014). – «Британский джихадист предупреждает о том, что черный флаг ислама будет развеваться над Даунинг-стрит».

- **Красный флаг** (тревога, предупреждение):

Half of women surveyed experienced at least one *red flag* event during labour such as lack of timely access to pain relief (*The Independent*, 16.01.2017). – «Половина женщин, принявших участие в исследовании, сталкивалась с такимистораживающими моментами, как, например, невозможность вовремя получить обезболивание».

- **Желтый флаг** (опасность эпидемии):

Maryland required that the hospital *fly a yellow flag* to warn of a cholera quarantine area (www.sciencemag.org/news/2016/05/studies-intentionally-infect-people-disease-causing-bugs-are-rise). – «В Мэриленде от госпиталя потребовали объявить об эпидемии, чтобы предупредить о введении карантина из-за вспышки холеры».

Заключение

Представленный в статье материал дает возможность сделать следующие выводы:

- 1) близкое родство двух языков;
- 2) общая принадлежность стран к ценностям западноевропейской культуры;
- 3) большая роль мореплавания в становлении и истории двух государств обусловили появление особого пласта профессиональной лексики, который подвергся переосмыслению и фразеологизации.

Приведенные примеры позволяют сделать выводы о наличии в двух языках устойчивых выражений, характеризующих базовые действия / явления, встречающиеся в мореходстве. Одновременно с этим прослеживается и наличие фразеологизмов, нашедших распространение только в одном из двух языков.

Значение одних фразеологизмов очевидно, для понимания смысла других требуется установление смысла конкретного выражения, подвергшегося фразеологизации, в его исконном значении или уточнение такого по словарю / исходя из контекста. В этой связи примечательны еще два обстоятельства: часть фразеологизмов имеет прямые аналоги на русском, часть выражений в русском являются фиксированными, но используются только в речи профессионалов.

В части примеров присутствует очевидная игра слов с попыткой описать всю полноту описываемых явлений морскими терминами (уподобляя компании кораблям, а экономический кризис – непогоде и пр.), что свидетельствует о том, что данные выражения хоть и в большой степени десемантизировались, но все же не настолько, чтобы можно было говорить о полной утрате связи с теми сторонами общественной жизни, которыми они были порождены.

Выбирая стратегию перевода, необходимо учитывать:

- 1) наличие аналогов в русском языке;
- 2) необходимость установления не только тождественности действий, которые описывают фразеологизмы, но и специфику словоупотребления в том или ином языке для каждого конкретного случая;
- 3) область использования указанных выражений в русском языке (исключительно в профессиональной сфере или также за ее пределами);
- 4) особенности общественно-политического перевода, требующего однозначности, четкости и конкретности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Е. Б. Фразеологизация морских терминологических словосочетаний в английском языке // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 1 (15). С. 188–193. [Borisova, E. B. (2014). Transformation of the marine terminological word combinations in English language. *The science of person: humanitarian researches*, 1(15), 188–193. (In Russ.)].
- Ильина Е. В. Этнокультурный компонент концепта море в русской, английской и немецкой фразеологии // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 89–93. [Il'ina, E. V. (2014). The ethnocultural component of the concept the sea in Russian, English and German phraseology. *Lingvokul'turologiya*, 8, 89–93. (In Russ.)].
- Павлова Л. П. Влияние экстралингвистических факторов на формирование культурных символов (на примере «Морских» фразеологизмов нидерландского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1 (65). С. 139–141. [Pavlova, L. P. (2016). The influence of extralinguistic factors on the formation of cultural symbols by the example of “sea” phraseological units in the Dutch language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11-1(65), 139–141. (In Russ.)]
- Шмелёва Е. Е. Репрезентация морской картины мира англичан в языке прессы (на материале газеты «The Times») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 246–254. [Shmelyeva, E. E. (2009). Representation of the sea picture of the world on Englishmen in Newspaper language based on “The Times” newspaper material). *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 119, 246–254. (In Russ.)].
- Яковлева С. Л., Перишина М. А. «Морской» компонент в английских фразеологических единицах // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 54–65. [Yakovleva, S. L., Pershina, M. A. (2011). «Morskoi» komponent v angliiskikh frazeologicheskikh edinitsakh (The “sea” component in English phraseological units). *Vestnik of the Marii State University*, 6, 54–65. (In Russ.)]

УДК 811.511.1

Т. Б. Агранат

доктор филологических наук, доцент;
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания,
Московский государственный лингвистический университет;
ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
e-mail: tagranat@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СААМСКИХ ЯЗЫКОВ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

В статье описываются все живые саамские языки с функциональной точки зрения. Рассматриваются сферы их употребления и функции, в которых они используются в настоящее время. Исследование восточных саамских языков основывается главным образом на полевом материале, полученном автором в ходе экспедиций; для западных саамских языков привлекаются данные, собранные другими исследователями. Кроме того, в статье с опорой на имеющиеся источники, прослеживается история функционального развития саамских языков.

Ключевые слова: саамские языки; функционирование языков; письменность; преподавание; «языковые гнезда».

T. B. Agranat

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences, leading researcher; e-mail: tagranat@yandex.ru

THE FUNCTIONING OF SAAMI LANGUAGES IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

The article describes all living Saami languages from a functional point of view. The scope of their use as well as the functions in which they are currently used are considered. The study of Eastern Saami languages is based mainly on field material collected by the author during expeditions; for Western Saami languages data published by other researchers are used. Available sources have been analysed to trace the history of the functional development of each Saami language.

Key words: saami languages; functioning of languages; writing; teaching; language nests.

Введение

Живые саамские языки, с генеалогической точки зрения, делятся на две группы: западные (уме-саамский, южносаамский, луле-

саамский, пите-саамский, северносаамский) и восточные (инари-саамский, скольтский-саамский, кильдинский, йоканьгско-саамский, бабинский¹). В более ранней традиции южносаамский и уме-саамский языки выделялись в южную группу. В советской традиции саамские идиомы рассматривались как единый саамский язык с множеством далеко разошедшихся диалектов.

Саамские языки распространены на Скандинавском полуострове (север Швеции и Норвегии), в Финляндии (Лапландия) и в России на Кольском полуострове (Мурманская обл.). В Швеции это уме-саамский, южносаамский, луле-саамский, пите-саамский, северносаамский; в Норвегии – северносаамский, южносаамский, луле-саамский, пите-саамский; в Финляндии – северносаамский, инари-саамский, скольтский саамский; в России – скольтский саамский, кильдинский, йоканьгско-саамский, бабинский.

Общее число говорящих на саамских языках около 24 тыс. чел. (по оценкам 2014 г.). Из них максимальное число – свыше 20 тыс. – говорит на северносаамском языке. Этот язык наиболее функционально развитый, употребляющийся во всех сферах.

Носителей луле-саамского не более 2 тыс., южносаамского – около 600 чел., инари-саамского, как и кильдинского – около 300, скольтского саамского – чуть более 400. Оценки численности говорящих на уме-саамском, пите-саамском и йоканьгско-саамском колеблются от 2 до 20 чел.

Впервые саамская письменность на латинской графической основе была создана в XVII в. для всех шведских саамов на базе уме-саамского языка. Норвежские саамы имеют письменность с XVIII в., финские (только для северносаамского языка) – с середины XIX в. (оба алфавита – на основе латиницы). В Российской империи во 2-й половине XIX в. издавались книги для кольских саамов с использованием алфавита на кириллической основе. В 1933 г. для них был утвержден алфавит на латинской основе, в 1937 г. заменен на кириллический, но распространения не получил. В 1980-х гг. разработан новый вариант кириллической письменности для кильдинского саамского (см. также [Агранат 2015]).

Рассмотрим саамские языки с запада на восток.

¹Бабинский язык еще недавно считался вымершим, однако позднее были обнаружены последние носители.

Южносаамский язык

Впервые письменность на латинской графической основе была создана миссионерами в XVII в. для шведских саамов (для уме-саамского); литературный язык, который использовался всеми шведскими саамами, назывался старым шведско-саамским, с XVIII в. он стал называться южносаамским литературным языком. Впервые собственно на южносаамском языке в 1820-е гг. стал писать шведский священник Йонес А. Нансен. В конце XIX в. венгерский ученый И. Халас опубликовал тексты и грамматику. Первую книгу на южносаамском языке выпустили в 1957 г. К. Бергсланд и Г. Хассельбринк. Школьный учебник, написанный К. Бергсландом и Э. Х. Булл, вышел в 1968 г. (переиздан в 1974 г.). К. Бергсланд в 1994 г. выпустил грамматику, а в 1993 г., в соавторстве с Л. М. Магга, – словарь. Художественная литература стала издаваться в конце 1970-х, первая детская книга вышла в 1978 г., первая книга стихов – в 1987 г. (подробнее см. [Kulonen 2005, p. 405–406]).

В Швеции южносаамский изучается в школе как родной язык, в Норвегии – как второй язык небольшим количеством учеников.

Уме-саамский язык

О раннем этапе становления письменности см. предыдущий раздел.

Среди наиболее важных книг, повлиявших на развитие языка, был перевод Нового Завета (1755) и полного текста Библии (1811) на идиом, в наибольшей степени обладавший чертами уме-саамского. Письменность на основе собственно уме-саамского языка появилась в конце XIX в.

В недавнее время для написания уме-саамских топонимов на общественных картах была создана специальная орфография, отражающая уме-саамскую фонологию (см. [Korhonen 2005, p. 421–422]). В официальных сферах не используется.

Пите-саамский язык

Письменность для пите-саамского языка зародилась тогда же, когда и у всех шведских саамов – в XVII в. – на базе уме-саамского языка. В настоящее время письменностью никто не пользуется, остались лишь последние носители – люди старшего возраста.

Луле-саамский язык

С 1839 г. в Швеции было издано несколько книг на литературном языке, сконструированном из южносаамского и луле-саамского. Затем орфография несколько раз менялась. Новый период в развитии языка начался в 1970-е гг., когда языковым строительством занялись сами носители языка. Появились учебники, в 1979 г. вышел словарь. С 1976 г. до конца тысячелетия было издано около 150 книг; большая часть из них используется в преподавании, но есть и художественная литература, и переводы Библии, и периодика, в том числе научно-популярная.

В настоящее время передача языка детям почти прекратилась, лишь немногие из них получают язык в естественной среде. Родители, которые сами не владеют или плохо владеют языком, хотели бы, чтобы их дети выучили язык. В Швеции есть два луле-саамских детских сада, изучение луле-саамского языка как предмета в школе в местах его распространения обязательно. В дальнейшем ученики могут выбирать в качестве языка обучения луле-саамский или шведский. В Норвегии в начальной школе луле-саамский может быть языком обучения, в средней – преподается как предмет.

Луле-саамский язык мало используется в общественных сферах. Радиопередачи на этом языке ведутся 20 минут в неделю из Швеции и 40 минут в неделю – из Норвегии. Спорадически транслируются интервью на луле-саамском языке. Шведские и норвежские телевизионные новостные каналы, выходящие в эфир по-северносаамски, иногда ведут передачи на луле-саамском языке. Иногда также северносаамское радио в Швеции и Норвегии ведет передачи на луле-саамском. На радио есть специальные обучающие программы, кроме того, существуют и обучающие онлайн-программы.

В Швеции на луле-саамском читаются проповеди в церкви, проводятся венчания и отпевания. В Норвегии религиозная сфера ограничивается пением гимнов на этом языке (подробнее см. [Angéus 2005a; Angéus 2005b; Angéus 2005c; Angéus 2005d]).

Северносаамский язык

Письменность для северносаамского языка в Норвегии появилась в XVIII в., в Финляндии – с середины XIX в.

В Финляндии с 1980-х гг. стало возможным изучать северносаамский язык как предмет. В Швеции северносаамский начали преподавать также в 1980-е гг., с 1990-х гг. он укрепляет свои позиции как язык обучения. Северносаамский язык в Норвегии преподают с 1967 г., с 1975 г. в двух вариантах – как родной и как второй язык. В настоящее время около 3000 учащихся в общеобразовательной и старшей школе изучают северносаамский язык как предмет, а также получают на нем образование. Преподавание на северносаамском языке ведется главным образом в тех регионах, где больше всего говорящих, изучение его как предмета проводится по всей стране.

С 1989 г. стало возможным получать и высшее образование на северносаамском языке. В нескольких норвежских университетах готовят главным образом (но не только) учителей северносаамского языка и воспитателей для саамских детских садов. С 1995 г. Норвегия возлагает на себя ответственность за саамское высшее образование. В университеты поступают студенты из четырех стран, где распространены саамские языки, но в основном из Норвегии и Финляндии. Они получают диплом, позволяющий работать учителем в Норвегии, Швеции и Финляндии.

С 2000 г. саамы могут получить не только профессию учителя, университеты стали готовить и журналистов, и эта профессия стала следующей по востребованности после профессии преподавателя.

Сегодня можно получить магистерскую степень по северносаамскому языку в Финляндии в университете Оулу, в Норвегии в университете Тромсё, в Швеции в университете Умео, кроме того, в некоторых университетах этих стран можно прослушать курсы по саамским языкам и культуре.

Первая радиотрансляция на северносаамском языке из Норвегии состоялась в 1936 г., а в 1946 г. начала выходить регулярная новостная программа. Телевидение на северносаамском существует с 1990-х гг.

Инари-саамский язык

Преподавание инари-саамского как школьного предмета в Лапландии началось в 1970 г., а в 1975 г. на этом языке стали преподавать и некоторые школьные предметы. С 1980-х гг. можно получать на инари-саамском школьное образование, а также выбирать изучение

этого языка в качестве родного или второго (подробнее см. [Seurujärvi-Kari 2005, с. 92–93]).

Тем не менее в конце прошлого века выяснилось, что только 13% инари-саамов владеют этническим языком. В основном это люди старшего и среднего поколения, детей школьного возраста – менее 20, а дошкольников – единицы. Пришлось предпринимать срочные меры – создавать «языковые гнезда», которые начали функционировать с 1993 г. Результаты превзошли ожидания. Возобновилась межпоколенческая передача языка, инари-саамский вновь стал языком домашнего общения. В ходе экспедиции в Лапландию в 2007 г. автору статьи удалось стать свидетелем непринужденного общения подростков на инари-саамском.

Вещание на инари-саамском языке ведет саамское радио из деревни Инари. Работники радиостанции провели соцопрос, в ходе которого выяснилось, что их слушателями являются представители всех возрастных когорт. Издаются книги и периодика (подробнее см. [Agranat 2011]).

Резкий подъем престижа языка позволил расширить сферы его употребления и вывести, с функциональной точки зрения, на качественно новый уровень. Была разработана научная терминология, что сделало возможным читать доклады на лингвистических конференциях на инари-саамском языке (ср. два доклада на инари-саамском языке на 3rd Saami Linguistics Symposium, 19–20 October 2017. Freiburg Institute for Advanced Studies).

Скольтский саамский язык

Скольты проживали частично в Финляндии, в районе Петсамо, частично – в России. В 1944 г. произошла демаркация границы между СССР и Финляндией, и Петсамо (теперь Печенга) отошла к СССР. Финские власти превентивно переселили скольтов с этой территории на запад, в Лапландию, где они теперь живут в непосредственной близости с носителями инари-саамского. В районе Печенги в настоящее время саамского населения нет. Поскольку инари – лютеране, а скольты – православные, браки между ними относительно редки, что способствует сохранению обоих языков.

Письменность на скольтском саамском в Финляндии возникла только в 1970-е гг., до этого существовали лишь записи речи в транскрипции, сделанные лингвистами. Появилась художественная литература, стала выходить периодика, было сделано небольшое количество

переводов религиозной литературы. Начали издавать буквари, учебники. В школе скольтский саамский можно изучать как предмет, а можно и получать образование на этом языке.

В 1990 г. для скольтов Финляндии провели эксперимент с «языковыми гнездами», с 1993 г. они стали работать на постоянной основе, в результате число носителей среди младшего поколения существенно увеличилось. Саамское радио из деревни Инари ведет передачи также и на скольтском саамском языке.

Та часть скольтов, которая до Второй мировой войны проживала в СССР, осталась на территории России. Они были расселены в районе Нотозера. Их населенные пункты затопили при постройке водохранилища, а людей переселили в различные поселки на Кольском полуострове. В настоящее время носителей нотозерского диалекта скольтского языка остались единицы, все преклонного возраста. В семьях язык не передается, письменности для этого диалекта никогда не было. В поселках Верхнетуломский и Мурмаши, куда переселили нотозерских саамов, периодически факультативно проводятся курсы скольтского саамского языка.

Бабинский саамский язык

Этот язык никогда не имел письменности, не выходил за рамки языка домашнего общения. Считался вымершим, однако недавно были обнаружены последние носители старшего возраста, скорее всего, полуязычные.

По свидетельству информантов, бабинский саамский исчез не только из-за перехода его носителей на русский язык, одна из причин – изучение в школе как предмета кильдинского саамского языка.

Кильдинский саамский язык

Это наиболее крупный в настоящее время саамский язык в России, распространен в селе Ловозеро. Название его условно, поскольку в Ловозеро были переселены носители множества диалектов, да и сам идиом с таким названием раньше был распространен севернее.

Вплоть до начала XX в. саамы (а некоторые их группы и вовсе до Второй мировой войны) вели кочевой образ жизни, сезонно перемещаясь в меридиональном направлении, а через несколько циклов меняли стойбища, поскольку этого требовало традиционное занятие

оленеководством. Затем, в эпоху коллективизации, почти все саамы были насильственно переселены в более крупные населенные пункты, старые стирались с лица земли. С появлением колхозов все перешли на оседлый образ жизни, занятие оленеводством вынужденно прекратилось.

В России из саамских языков письменность существует только на кильдинском языке. В 1930-е гг. была создана письменность на основе латиницы, затем был осуществлен перевод алфавита на кириллицу; в 1937 г. кильдинская письменность прекратила свое существование, но в 1980-е гг. была создана вновь.

Кильдинский преподается факультативно в начальных классах. До 2004 г. существовало обязательное обучение кильдинскому языку с 1-го по 4-й класс в Ловозерской школе-интернате. Когда эту школу в 2004 г. лишили статуса национальной школы для саамских детей, обучение саамскому языку стало факультативным и сократилось до 1 часа в неделю. Факультативные курсы кильдинского языка для взрослых и для детей работают, например, в с. Ловозере, в Мурманске, в пос. Ревда, в г. Оленегорске, в с. Ёна. Однако такие курсы в основном предназначены для начинающих, проводятся нерегулярно и не имеют постоянного финансирования.

Обязательное обучение кильдинскому языку как предмету сегодня существует только в одном учебном заведении – в профессиональном училище № 26 в селе Ловозере. В сфере высшего образования кильдинский как предмет изучается в Институте народов Севера СГПУ им. Герцена в Санкт-Петербурге (подробнее см. [Агранат 2016]).

Говорящие на кильдинском языке дети – скорее, исключение, чем правило. В селе Ловозеро энтузиасты, пожилые носители, создали неофициальное «языковое гнездо» у себя дома. В этом селе также периодически работает радио на кильдинском языке.

Йоканьгский саамский язык

Этот язык находится на грани исчезновения. Он никогда не имел письменности и никогда не преподавался. Даже среди самого старшего поколения практически не осталось полноценных носителей.

Заключение

Как можно заметить, ни время начала становления письменности, ни функциональная развитость в прошлые эпохи не коррелирует

с числом говорящих и сферами использования языков на современном этапе. Диахронические процессы не всегда идут последовательно, на них оказывают влияние экстралингвистические и социоллингвистические причины. И это влияние не всегда стихийно: есть позитивные примеры рукотворной ревитализации саамских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат Т. Б.* Саамские языки // Большая российская энциклопедия. 2015. Т. 29. С. 168–168. [Agranat, T. B. (2015). Saamskije jazyki (Saami Languages). In *Bolshaja Rossijskaja Enciklopedija* (vol. 29, pp. 167–168). (In Russ.)].
- Агранат Т. Б.* Саамский язык // Язык и общество. Энциклопедия / под ред. В. Ю. Михальченко. М. : Азбуковник, 2016. С. 416–418. [Agranat, T. B. (2016). Saamskij jazyk (The Saami Language). In V. Ju. Mikhalchenko (ed.), *Jazyk i obschestvo. Enciklopedija* (pp. 416–418). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Agranat T.* Saami Languages in Finland and Russia after One and a Half Century // Xu Shixuan, Tjeerd D. Graaf, and Cecilia Brassett (eds). *Issues of Language Endangerment*, Zhongguozhishichanquan Press Beijing (China), 2011. P. 102–106.
- Angéus K. S.* Lule Saami Child welfare and education // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005a. P. 204–205.
- Angéus K. S.* Lule Saami Language // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005b. P. 205–206.
- Angéus K. S.* Lule Saami Language: Current conditions // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005c. P. 206–207.
- Angéus K. S.* Lule Saami literature and press // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005d. P. 208–209.
- Korhonen O.* Ume Saami Language // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005. P. 421–422.
- Kulonen U.-M.* South Saami Language // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005. P. 405–406.
- Seurujärvi-Kari I.* Education: Finland // The Saami. A Cultural Encyclopaedia / U.-M. Kulonen, I. Seurujärvi-Kari, R. Pulkkinen (eds.). Vammala, 2005. P. 92–93.

УДК 811.11, 81'243

С. Г. Ваняшкин

кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: sgvpост@yandex.ru

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ШВЕДСКОГО

В статье рассматриваются типичные ошибки русских студентов, изучающих шведский язык, связанные с интерференцией английского. Межъязыковая интерференция проявляется на разных уровнях и по-разному для различных пар языков. В связи с генетическим родством данных языков можно ожидать достаточно явную и многоаспектную интерференцию. Важность изучения этого явления объясняется и тем, что в настоящее время в России практически все студенты изучают шведский параллельно с английским, который большинство начинали учить еще в средней школе.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция; английский язык; шведский язык; типичные ошибки.

S. G. Vanyashkin

PhD (Philology), Assistant Professor,
Assistant Professor at the Department of Scandinavian Languages,
Dutch and Finnish, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University; e-mail: sgvpост@yandex.ru

INTERFERENCE OF ENGLISH IN THE USAGE OF RUSSIAN LEARNERS OF SWEDISH

The article considers typical mistakes made by Russian learners of Swedish, that can be explained by the influence of English. Linguistic interference manifests itself in different ways for different combinations of languages. Bearing in mind the genetic proximity of the two languages one can expect interference that leads to mistakes in grammar, spelling, usage, etc. It is important to study this kind of interference because practically all Russian learners of Swedish have studied English at school.

Key words: linguistic interference; English; Swedish; typical mistakes.

Введение

Межъязыковая интерференция уже давно привлекает внимание лингвистов, а также тех, кто регулярно сталкивается с ней на практике, в первую очередь преподавателей иностранных языков. Раньше,

говоря об интерференции, чаще всего имели в виду влияние родного языка, проявляющееся в процессе овладения каким-то другим языком, недаром сочетание «родной язык» встречалось и в определениях этого явления. Так, М. Ю. Розенцвейг определял интерференцию как «отклонение от правил соотнесения родного и неродного языков в сторону их уподобления, которое проявляется в речи билингвов в нарушении нормы контактирующих языков» [Розенцвейг 1975, с. 12]. Сегодня, когда изучение двух и более иностранных языка стало обычным делом, необходимо принимать во внимание и влияние друг на друга изучаемых языков. Нельзя не согласиться с Е. Г. Беляевской, которая отмечает: «Ситуации двуязычия достаточно многообразны и возможен не только перенос закономерностей, характерных для родного языка индивида, на его речевое поведение на иностранном языке, но и интерференция первого иностранного языка (равно как и родного) при обучении индивида второму иностранному языку» [Беляевская 2009, с. 33].

Межъязыковая интерференция проявляется на разных уровнях и по-разному для различных пар языков. Мы будем говорить об интерференции английского языка при изучении шведского. Очевидно, что, так как эти языки генетически родственные, в данном случае можно ожидать достаточно явную и многоаспектную интерференцию. При этом сегодня практически все студенты, изучающие шведский, одновременно учат и английский, большинство изучали его и в школе.

В качестве материала для анализа использовались письменные переводы с русского на шведский, выполненные студентами старших курсов. Всего около ста переводов 18 текстов различной тематики.

Письменный перевод, в отличие, например, от неподготовленного устного выступления на уроке, предполагает возможность проверить текст, обратиться к словарям, справочникам, интернет-ресурсам и даже проконсультироваться с носителем языка. Тем не менее, как показал анализ, и при этих условиях интерференция английского языка проявляется довольно часто.

Типичные ошибки у студентов, изучающих шведский язык, вызванные интерференцией английского

Имена собственные

То, что бросается в глаза даже при беглом чтении, – передача русских имен по более привычным для студентов правилам английской

транслитерации. *Alena Miklashevskaya, Tatyana Shaumyan, Dmitry Chernyshenko* – так выглядят у некоторых в шведском тексте русские антропонимы *Алёна Миклашевская, Татьяна Шаумян и Дмитрий Чернышенко*. В Швеции применяются строгие правила передачи имен собственных с языков, использующих кириллицу (они приведены в справочнике «Svenska skrivregler» [Svenska skrivregler 2017, с. 253–254]). Правильное шведское написание имен в приведенном примере: *Aljona Miklasjevskaja, Tatiana Sjaumjan, Dmitrij Tjernysjenko*. Различия между шведской и английской системами – в передаче русских согласных *ж, ш, щ, ч, х* и гласных *е* (в начале слова и после твердого или мягкого знака), *ё, ю* и *я*, а также буквы *й*.

Часто встречается «английская» передача еще одной трудной русской буквы – *х*. «Хабаровский край» – *Khabarovsklänet*. Сложное слово, состоящее из названия столицы и существительного *län* в опред. форме, – общепринятый способ передачи названий областей и краев России, и в этом смысле переводчик поступил правильно. Вот только название города написал по-английски, по-шведски нужно писать иначе – *Chabarovsk*.

Такие же ошибки возникают и при передаче, например, болгарских имен и названий: *Бойко Борисов* и *Цецка Цачева* в шведском тексте правильно пишутся *Bojko Borisov* и *Tsetska Tsatjeva*, а не *Boyko Borisov, Tsetska Tsacheva*, как в ряде студенческих переводов.

Эти правила, однако, не распространяются на названия российских компаний, имеющих официальное написание на латинице, и «Внешэкономбанк» в шведском тексте (как и в английском) будет *Vnesheconombank*, а не *Vnesjekonombanken* (ошибочный вариант из студенческой работы).

«Не везет» и многим географическим названиям, студенты нередко автоматически используют английские, хотя по-шведски они выглядят иначе: *Canada* (шв. *Kanada*), *Mexico* (шв. *Mexiko*), *Corsica* (шв. *Korsika*), *Franz Josef Land* (шв. *Frans Josefs land*). Скорее всего, и неверное написание *Brussel* вместо *Bryssel* возникло не без влияния англ. *Brussels*. В некоторых случаях английские и шведские названия различаются лишь окончанием (англ. *-ia* и шв. *-ien*), в результате в учебных переводах встречаем *India* вместо *Indien* и *Bulgaria* вместо *Bulgarien*. Один студент, видимо, помня об этом различии, назвал Карелию не *Karelia*, а *Karelien* и всё равно ошибся, шведское название

региона – *Karelen*. Использование заимствованного из немецкого языка прилагательного *Nazi* привело к ошибке при передаче сочетания «фашистская Германия». В шведском *nazi* используется лишь как первая часть сложного слова, поэтому правильно не *Nazi Tyskland* (ср. англ. *Nazi Germany*), а *Nazityskland*.

Использование заглавных букв

В английском и шведском языках действуют разные правила написания названий ведомств, компаний, организаций, праздников, исторических событий и много другого. Справочник «Svenska skrivregler» посвящает этой проблеме большой раздел. Но, видимо, не все студенты в него заглядывают, а может, данному вопросу надо уделять больше внимания в процессе обучения, потому что примеров неверного использования заглавных букв – множество. И чаще всего виной тому влияние норм, принятых в английском языке.

В одном из текстов перечисляются российские ведомства, причастные к планируемой реформе пенсионной системы, и вот как они выглядят у студентов в шведском переводе: *Arbetsmarknadsministeriet, Ministeriet för Utbildning och Vetenskap, Kulturministeriet, Ministeriet för Industri och Handel, Hälsovårdsministeriet, Finansministeriet, Ekonomiministeriet och Federala Tjänsten för Finansmarknader*. (К сожалению, и по-русски всё чаще на английский манер в подобных названиях пишут с большой буквы все значимые слова.) По нормам шведского языка должно быть иначе: *Arbetsmarknadsministeriet, Ministeriet för utbildning och vetenskap, Kulturministeriet, Ministeriet för industri och handel, Hälsovårdsministeriet, Finansministeriet, Ekonomiministeriet och Federala tjänsten för finansmarknader* – всего 8 заглавных букв вместо 14. То же произошло в одном из переводов с названием «Институт мировой экономики и международных отношений РАН»: *Ryska Vetenskapsakademins Institut för Världsekonomi och Internationella Relationer* (правильно – *Ryska vetenskapsakademins institut för världsekonomi och internationella relationer*).

По привычке студенты пишут с заглавной буквы прилагательные, образованные от названий стран; названия праздников, войн и многие другие, которые положено таким образом писать по-английски (в скобках даны английские варианты): *den Indiska marknaden* (the

Indian market), *det Rysk-japanska toppmötet* (the Russian-Japanese summit), *Andra Världskriget* (the Second World War), *före Jul* (before Christmas). Правильно по-шведски: *den indiska marknaden, det rysk-japanska toppmötet, andra världskriget, före jul*.

Сложные слова

Распространенная ошибка, также под влиянием английского языка, – использование существительных в качестве определений; в некоторых случаях ее можно назвать и раздельным написанием шведских сложных слов – такую ошибку нередко допускают и сами шведы. Приведем несколько примеров с английскими соответствиями и – через тире – грамотными шведскими вариантами: *ordförande i IOK:s koordination kommission* (President of the IOC Coordinating Committee) – *IOK:s koordinationskommission*; *USA:s mellanöstern bundsförvanter* (America's Middle East Allies) – *USA:s bundsförvanter i Mellanöstern*; *Nato länderna* (NATO countries) – *Natoländerna*; *deltagare i Reykjavik konferensen* (participants in the Reykjavik conference) – *deltagare i Reykjavikkonferensen*; *regionens natur tillgångar* (the natural resources of the region) – *regionens naturtillgångar*; *Fetisovs kaptens uniform* (Fetisov's captain's uniform) – *Fetisovs kaptensuniform*. В последнем случае у переводчика по-шведски получилось к тому же, что это была форма не самого Фетисова, а капитана его команды.

Иногда первая часть шведского сложного слова – прилагательное, и раздельное написание – как по-английски – изменяет смысл: *Det betyder att Bulgarien kommer att ha ny val. A new election* необязательно «повторные, внеочередные выборы», а именно это имелось в виду в тексте. По-шведски такие выборы называются *nyval*. Странно, что студента не смутило ни отсутствие артикля, ни нарушение правил согласования существительного и прилагательного. Верный перевод: *Bulgarien kommer att ha nyval*. В другом случае раздельно написанным стало слово *små saker* («пустяки»). Видимо, по аналогии с англ. *small things* получилось: *Dock var allt detta små saker* (букв. «маленькие вещи»).

«Ложных друзья» переводчика

В паре английский – шведский таких очень много. Тут и слова, которые совпадают по значению, но по-разному пишутся в этих двух языках; и слова, которые при внешнем сходстве отличаются семантически.

В нескольких из проанализированных текстов идет речь о деньгах, причем об очень больших суммах. Все эти миллионы, миллиарды и триллионы кого угодно собьют с толку: «миллион» по-разному пишется по-шведски и по-английски, «миллиард» по-шведски звучит похоже на русское слово, а по-английски это *billion* или *a thousand million*, зато швед. *biljon* уже «триллион». Неудивительно, что студенты то пишут шведское слово на английский манер, то употребляют в значении похожего английского слова. Кроме того, примешиваются и грамматические различия: англ. *million* и *billion*, выступая как числительные, не изменяются по числам, в отличие от швед. *miljon*, *miljard* и *biljon*. В результате имеем: *50 miljard dollar*; *40 milliarder* (в обоих случаях должно быть *miljarder*); *uppemot 5 biljoner* (рус. «до 5 млрд.»), по-шведски: *uppemot 5 miljarder*); *närmare en halv biljon* (здесь все верно, так как по-русски «около полутриллиона»), *2.5 miljoner* (тут вместо шведской запятой после двойки английская точка). Кто-то решил использовать сокращение вместо рус. «млн», получилось *4 mln ton kol*. Беда в том, что это сокращение от англ. *million*, а по-шведски те же три буквы обозначают предлог *mellan*.

Родственные английские слова нередко влияют на правописание (в скобках даны правильные варианты и английские слова, «подсказавшие» ошибочное написание): *USA:s ubåtar började patrulera Arktis* (шв. *patrullera* – англ. *patrol*); *efter årshiftet* (шв. *skift* – англ. *shift*); *köttproducenten rapporterade att ...* (шв. *rapportera* – англ. *report*); *vara med i samma klubb* (шв. *klubb* – англ. *club*); *utplacera missileförsvar i Östeuropa* (шв. *missil* – англ. *missile*).

А вот пример, когда шведское слово значит не совсем то же, что его английский «двойник»: *den internationella supportgruppen för Syrien* – англ. *support* использовано вместо шв. *stöd*. Шведское слово *support* – технический термин (рус. *суппорт*). Есть у этого слова и значение «поддержка», но словари дают для него помету «vardagligt», а разговорное слово вряд ли уместно в данном контексте. Ошибочно и использование слова *kompani* перед названием современной промышленной компании: *kompaniet International Submarine Engineering i Vancouver*. Шведские словари снабжают это слово в значении «компания, предприятие» пометой «historiskt», т. е. оно используется в контекстах, относящихся к далекому прошлому. В данном случае англ. *company* соответствуют шв. *företag* или *bolag*.

Рассмотрим еще несколько предложений с подобными «ложными друзьями». *Det är omöjligt och meningslöst att introducera nätcensur.* – Использованный шведский глагол явно подсказан англ. *introduce*. Однако выбор переводчика неудачен: запрос в Google показал, что сочетание *introducera censur* встречается на просторах Интернета лишь семь раз, тогда как *införa censur* – более трех тысяч.

Yoshihiko Nodas visit till Moskva ... är uppskjuten. – Шведское *visit*, согласно описаниям в словарях, отсылает нас ко временам, когда и в России «наносили визиты» знакомым, сегодня это слово чаще встречается в составе композита *visitkort* («визитная карточка»). А заставило студента употребить его вместо правильного *besök*, конечно же, англ. *visit*.

På 1940-talet krossade amerikaner havet och gav sina liv att befria Europa. – Здесь тоже видны английские «подсказки», и переводчик снова ошибся, хотя найти верное соответствие для «пересекали океан и отдавали свои жизни» было совсем нетрудно. Если не помог русско-шведский словарь, достаточно обратиться к англо-шведскому, чтобы увидеть: *cross an ocean* можно передать, например, как *fara över havet (oceanen)*, а *give one's life* как *offra sitt liv*. Для глагола *krossa* словари регистрируют значение «korsa, fara över», но с пометой «разговорное» или даже «шутливое», что в подобном контексте явно неуместно. Кроме того, в шведском языке, в отличие от английского, инфинитив в значении цели используется с предлогом *för*.

Предлоги и союзы

Как известно, многие шведские предлоги родственны английским и потому очень на них похожи (*av – of, för – for, till – till, efter – after, från – from* и т. д.), другие непохожи, но воспринимаются как соответствия (*på – on, om – about, med – with* и т. д.).

По-шведски отношения принадлежности выражаются с помощью генитива или предлога, при этом предлог *av* используется гораздо реже, чем англ. *of*, в основном в официальном стиле. Однако студенты упорно используют именно его. Вот лишь несколько из множества примеров (в скобках – правильные варианты):

fördelarna av Sotji (Sotjis fördelar);
fotografierna av (på) högskolans studenter;
den enda ubåt av (i) sin klass;

presidenten av Bulgarien (Bulgariens president);
familjebudgeten av en renskötare (en renskötarens familjebudget),
aktier av (i) kanadensiska Magna International.

А вот *särdrag av OS 2014* – верный вариант, так как от *OS 2014* невозможно образовать форму генитива.

Нередки подсказанные англ. *of* ошибки в выражениях количества (в скобках дается английский вариант, через тире – правильный шведский):

några extra miljoner ton av kol (tons av coal) – ...miljoner ton kol;
en summa av 50 miljoner euro (a sum of 50 mln euros) – en summa på 50 miljoner euro;
till ett djup av 6000 meter (to a depth of 6000 m) – till ett djup på 6000 meter.

Употребление предлогов в выражениях времени обычно тщательно отрабатывается на занятиях по языку. И все же английский и тут то и дело «подставляет подножку»:

i de senaste åren (in recent years) – (under) de senaste åren;
på samma dag (on the same day) – samma dag;
han var ambassadör i Costa Rica för nio år (for nine years) – i nio år.

Иногда студенты опускают необходимый по-шведски предлог, потому что в соответствующей английской конструкции предлог не используется:

Han lovade att om han väljs president kommer han att respektera Bulgariens förpliktelser gentemot EU och Nato. (...if he is elected president...) – ...om han väljs till president...

Experter är säkra att Delhis militärutgifter kommer att öka även i framtiden (Experts are sure that...) – Experter är säkra på att...

Han blev särskilt nöjd att alla rum är inredda för handikappade. (He was especially pleased that...) – Han blev särskilt nöjd med att...

Бывает и наоборот:

Radevs seger kan föra Sofia närmare till Moskva. (...can bring Sofia closer to Moscow) – ...kan föra Sofia närmare Moskva.

Некоторые английские предлоги омонимичны союзам (*after breakfast* – предлог; *after he had had breakfast* – союз). С их шведскими

«двойниками» дело обстоит иначе. В словаре «Svensk ordbok» *efter* присутствует как предлог, наречие и даже прилагательное, но не как союз. Сказано, правда, что оно «входит в оборот (*uttryck efter att*, который теперь допустимо использовать в значении ”*efter det att*”)» [Svensk ordbok, s. 624]. На сайте научно-популярного журнала *Språkbruk* в разделе ответов на вопросы читателей о языке, и *efter att*, и *efter det att* называются союзами: «Союз *efter att*, действительно раньше считался разговорной формой. Но сегодня его можно использовать так же, как *efter det att*» [Språkbruk URL]. То есть ***efter att*** и ***efter det att*** все-таки союзы, и именно они соответствуют английскому союзу *after*, о чем необходимо напоминать студентам:

Rapporten publicerades strax efter det indiska parlamentet godkände budgeten. (...immediately after the Indian parliament approved the budget.) – ...strax efter (det) att det indiska parlamentet godkände budgeten.

... inbördeskriget som började 1918 efter Finland blev självständigt. (...after Finland became independent.) – ...efter (det) att Finland blev självständigt.

Англ. *where* (как и рус. «где») может выступать и как вопросительное наречие, и как союзное слово (*Where does he live? The town where he lives ...*). Шведское *var* употребляется лишь в первой из этих функций. Тем не менее студенты использовали его в придаточном предложении, как родственное ему *where*:

Igår besökte den ryske presidenten stället var kejsaren Aleksander I för 200 år sedan lade grunden till ett självständigt Finland.

Правильно:

...stället där kejsaren Aleksander I ...

Артикль

Правила употребления артикля в шведском и английском языках мало чем отличаются. Однако есть конструкции и устойчивые выражения, где артикли в этих языках используются по-разному. Так, по-шведски существительное в качестве предиката употребляется без артикля, если при нем нет определений и его функция – обозначение, например, профессиональной, религиозной, партийной

принадлежности человека. По-английски существительное в такой функции используется с неопределенным артиклем. В проанализированных переводах нашлись случаи неверного употребления артикля «по английскому образцу»:

Den brittiska utrikesministern Boris Johnson som var en värd på mötet ...
(...who acted as a host at the meeting) – ...som var värd på mötet...

Han arbetade med Molotov som en tolk. (He worked with Molotov as an interpreter.) – Han arbetade med Molotov som tolk.

В шведском языке свободностоящий определенный артикль опускается, если словосочетание является наименованием единичного объекта и функционирует как имя собственное. По-английски используется определенный артикль, который и «подталкивает» некоторых студентов к ошибке, часто при этом и заглавные буквы используются, как по-английски: *det Vita Huset* (*the White House*) – *Vita huset*; *det Andra Världskriget* (*the Second World War*) – *andra världskriget*.

Местоимения

В английском языке нет соответствия шведскому притяжательному местоимению *sin*, и различие между *Han talar aldrig med sin bror* («Он не разговаривает со своим братом»), и *Han talar aldrig med hans bror* («Он не разговаривает с его братом») грамматическими средствами выразить нельзя. Казалось бы, наличие в русском языке местоимения «свой» должно гарантировать от ошибок. К сожалению, они встречаются, возможно, этому способствует и то, что в последнее время правила употребления местоимения *sin* изменились. Рассмотрим два примера:

Finanskrisen tvingade honom att sälja hans andel i byggföretaget Hochtief.
I första valomgången fick han fler röster än hans närmaste motståndare.

«Виноват» опять английский язык, по-английски в обоих случаях будет *his*. По-шведски в первом предложении возможно только *sin*. Во втором сегодня может быть и *sin*, и *hans*, хотя еще относительно недавно *hans* считалось бы ошибкой.

Возникают проблемы и в случаях, когда в одном языке требуется местоимение, а другой обходится без него. В предложении *Sedan*

vände Molotov plötsligt till dem som varit med i kriget глагол *vända* использован по аналогии с англ. *turn*, которое может иметь значения «повернуть (что-л., куда-л.)» и «повернуться» (*Then Molotov suddenly turned to ...*). По-шведски для выражения возвратного значения нужно использовать возвратное местоимение, в данном случае *sig*:

Sedan vände Molotov sig plötsligt till dem som varit med i kriget.

USA ville se till det att dess intressen i Arktis var skyddade. – Здесь местоимение *det* – лишнее и появилось лишь потому, что в синонимичном английском выражении *see to it that ...* имеется местоимение *it*.

Заключение

К сожалению, в рамках данной статьи невозможно рассмотреть все типы ошибок, которые вызываются интерференцией английского языка, даже если ограничиться лишь наиболее типичными. Но, надеемся, нам удалось показать, что такая интерференция при изучении шведского языка теми, кто параллельно учит английский, существует, и эта проблема заслуживает того, чтобы стать предметом более глубокого исследования. И преподавателям шведского языка необходимо учитывать эту интерференцию в процессе обучения, возможно, разрабатывая специальные упражнения для предотвращения и коррекции вызванных ею ошибок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская Е. Г. Когнитивное моделирование как способ минимизации интерференции первого иностранного языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 574. С. 33–43. [Beljaevskaja, E. G. (2009). Kognitivnoe modelirovanie kak sposob minimizacii interferencii pervogo inostrannogo jazyka (Cognitive modeling as a way to minimize interference of the first foreign language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 574, 33–43. (In Russ.)]
- Розенцвейг М. Ю. Проблемы языковой интерференции: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975. [Rozentsveig M. Yu. (1975). Problemy yazykovoi interferentsii (*Problems of language interference*): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Språkbruk 4/2019. URL: <https://www.sprakbruk.fi/-/efter-det-att> (дара обращения: 06.02.2020) [Språkbruk (4/2019). <https://www.sprakbruk.fi/-/efter-det-att>. (In Swed.)].

Svensk ordbok / Utgiven av Svenska akademien. 2 band. Stockholm: Norstedts, 2009. [Svensk ordbok (2009). Utgiven av Svenska akademien. 2 band. Stockholm: Norstedts. (In Swed.)].

Svenska skrivregler / red. Ola Karlsson. Stockholm: Liber, 2017. [Ola Karlsson (ed.). (2017). *Svenska skrivregler*. Stockholm: Liber. (In Swed.)].

УДК 811.113.52

Е. В. Воробьева, А. Н. Ливанова

Воробьева Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: voroba@gmail.com

Ливанова А. Н., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: alex_livanova@yahoo.com

**КОЛЛОКАЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ГОВОРЕНИЯ
В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается проблема определения понятия коллокаций и основные структурные особенности коллокаций с глаголами говорения в норвежском языке (букмол): *si* 'сказать', *snakke* 'говорить', *tale* 'говорить'. К особенностям коллокаций можно отнести: устойчивость состава, в том числе с точки зрения морфологии, синтаксическая непроницаемость, закрепленность за ними определенных просодических характеристик, а также использование их в фатической функции либо в качестве средства когезии. Сопоставление норвежских коллокаций с русскими показывает их сходство как по форме, так и по функциям, что говорит об универсальном характере данного явления.

Ключевые слова: коллокации; глаголы говорения; глаголы речи; норвежский язык; фразеология; устойчивые сочетания.

E. V. Vorobyeva, A. N. Livanova

Vorobyeva E. V., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian Languages, Dutch and Finnish, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: voroba@gmail.com

Livanova A. N., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian and Dutch Philology, Philological Faculty, St. Petersburg State University; e-mail: alex_livanova@yahoo.com

**NORWEGIAN COLLOCATIONS
CONTAINING VERBS OF SPEAKING**

The article deals with the problem of defining the concept of collocation and the main structural features of collocations with verbs of speaking in Norwegian (Bokmål): *si* 'say', *snakke* 'speak', *tale* 'speak'. The main features of collocations are stability of composition, i. e. morphology, syntactic impermeability, certain prosodic characteristics, as well as their use in the phatic function or as a means of text

cohesion. A comparison of Norwegian and Russian collocations shows a similarity in both form and function, which indicates the universality of this phenomenon.

Key words: collocations; verbs of speaking; verbs of speech; Norwegian; phraseology; idioms.

Введение

Глаголы, обозначающие речевые действия, чрезвычайно частотны в речи и являются излюбленным объектом изучения лингвистов. «Речевые рефлексы с речевыми словами являются, по-видимому, языковыми универсалиями, но они вместе с тем и национально-специфичны, что является дополнительным аргументом в пользу необходимости их изучения» [Гак 1994, с. 6]. Это порождает большое количество классификаций. Рассматривая коллокации с некоторыми норвежскими глаголами, авторы придерживаются классификации, принятой в работе А. Яковлевой [Яковлева 2007], выполненной на материале родственного нидерландского языка. При анализе лексико-семантической группы глаголов речи (всего более 1150 лексем) А. Яковлева выделяет 17 сем, из которых 16 дифференциальные и только одна – интегральная. В зависимости от наличия тех или иных сем глаголы говорения делятся на четыре группы.

Ядром категории являются глаголы, в составе которых, помимо интегральной семы «говорение», не обнаружено ни одной дифференциальной семы. Это и есть глаголы говорения [Яковлева 2007, с. 9]. В норвежском языке это такие глаголы как *si* ‘сказать’, *snakke* ‘говорить’, *tale* ‘говорить’.

Характерными особенностями глаголов говорения признается их коммуникативная значимость, широкая употребительность в речи, высокий словообразовательный потенциал, многозначность и участие в большом количестве фразеологизмов [там же, с. 3], – в том числе коллокаций, как будет показано далее.

Частотных словарей норвежского языка немного. Один из наиболее доступных, в котором подсчитана частотность 10 тысяч наиболее обычных слов, встречающихся в газетных текстах, при этом без учета разницы между грамматическими омонимами, это словарь Колбьёрна Хеггстада [Heggstad 1982]. В нем показателем частотности словоформ служит ее ранг: чем выше ранг, тем частотнее словоформа. Согласно

этому словарю, наиболее частотны формы глагола *si* ‘сказать’ – *sier* 80 (презент), *sa* 118 (претерит), *si* 170 (инфинитив / императив), *sagt* 338 (причастие II), далее следует значительно менее частотный *snakke* ‘говорить’ – *snakke* 1227 (инфинитив), *snakker* 1281 (презент), *snakket* 1764 (претерит / причастие II) и, наконец, *tale книжн.* ‘говорить’ – *tale* 404 (инфинитив), *taler* 895 (презент), *talte* 2223 (претерит), *talt* 1103 (причастие II). Высокий ранг словоформ *tale* и *taler* может объясняться их омонимией с формами однокоренного существительного (‘речь’) в единственном и множественном числе.

1. Проблема определения коллокации

Коллокации с этими тремя глаголами, совпадая по форме со свободными сочетаниями, далеко не всегда попадают в толковые и двуязычные словари. Изучение этих коллокаций, таким образом, помимо теоретической значимости, имеет и практическую: результаты исследования можно применять в практике преподавания норвежского языка и перевода в языковой паре норвежский – русский.

В норвежском языкознании любые фразеологические единицы (далее – ФЕ) часто называют коллокациями, хотя в последнее время более четко проводится черта между разными типами ФЕ: «Коллокация – это группа слов, которые часто употребляются совместно в качестве целостной единицы. Коллокация – это почти то же, что идиома (идиоматическое выражение), но отличается меньшей степенью связанности и устойчивости. Границы между коллокацией и идиомой могут быть размыты» [Торп norsk 2019].

В работе Л. Уит также различает «классические идиомы» и «лексические коллокации» как подвиды идиоматических выражений. Коллокации, по мнению автора, находятся на условной шкале устойчивости посередине между свободными сочетаниями и устойчивыми выражениями [With 2007, с. 123].

С другой стороны, в «Большой норвежской энциклопедии» коллокация определяется как «группа слов, часто употребляющихся вместе как одно грамматическое целое» [Store norske leksikon 2019]. В качестве примера приводится словосочетание *et stort hus* ‘большой дом’, в которой слово «дом» является ядром, а прилагательное «большой» и неопределенный артикль среднего рода – коллокатами. Такое определение скорее сближает коллокации со свободными сочетаниями.

Э. Хорвати указывает, что «размытое» определение коллокаций приводит к тому, что таковыми считаются любые привычные комбинации слов, включая идиомы, поговорки, клише, технические термины и «застывшие» выражения, поэтому следует ввести четкие критерии, позволяющие отделить коллокации от других типов словосочетаний. В качестве таких критериев предлагаются следующие: невыводимость значения коллокации из значения отдельных компонентов, устойчивость состава (невозможность заменить один из компонентов коллокации синонимом) и морфологическая ригидность (дефектность парадигмы) [Horvati 2005, с. 11–12], что в целом соответствует свойствам любых фразеологических единиц.

Аналогичных взглядов придерживается и М. Капстад, которая описывает коллокации как сочетания слов, где один компонент (опорный, или основной, т. е. несвободный) определяется смыслом сообщения, его темой и фразеологирует сочетание, а другой компонент (свободный) характеризует опорное слово и является семантически ключевым. Соответственно, основными свойствами коллокаций при таком определении считаются: изменение значения одного из компонентов словосочетания, устойчивость употребления и невозможность предсказать сочетание компонентов коллокации [Kapstad 2006, с. 19]. Таким образом, как видим, в вопросе определения коллокаций у норвежских лингвистов нет единого мнения.

В России фразеология разработана намного подробнее. Образования в русском и французском языках, подобные рассматриваемым в данной статье, В. Г. Гак определил как «рекуррентные речевые единицы, имеющие тенденцию к фразеологизации» [Гак 1994, с. 6]. Нам представляется оптимальным следующее определение: «Коллокации – это слабоидиоматичные фразеологизмы со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент употреблен в своем прямом значении» [Баранов, Добровольский 2008, с. 67].

Впрочем, как бы ни определялись коллокации, сколь бы то ни было исчерпывающего списка норвежских (или каких-либо иных) коллокаций с глаголами говорения не существует. В наиболее авторитетном на данный момент норвежском толковом сетевом словаре [NAOB], в большом норвежско-русском [Berkov 2003] и в норвежско-английском [Kirkeby 1986] содержится по несколько десятков подобных единиц на базе глагола *si*, при этом совпадает из них вряд ли больше половины.

Подчеркнем, что коллокации не следует путать с клише (как их тоже нередко называют), которые определяются через стилистическую, а не семантическую характеристику, и таким образом, клише может стать любой структурный тип ФЕ.

2. Основные структурные и функциональные признаки коллокаций

Как мы увидим из примеров, коллокации схожи по семантическому механизму с прецедентными феноменами. Сходство состоит в том, что материально коллокация представляет собой в свернутом виде описание ситуации, которая, таким образом, репрезентируется кратким устойчивым высказыванием, состоящим из соответствующего глагола и каких-то *немногих* компоненты (а иногда и никаких, как *si* ‘скажем’).

Рассмотрим подробнее норвежские коллокации с глаголами говорения и их особенности.

Первая характеристика, которую признают абсолютно все исследователи, независимо от выбранного определения, – **устойчивость состава**. Устойчивость (о ее узуальном и структурном аспектах см. [Баранов, Добровольский 2008, с. 50–51]) проявляется в том числе и на морфологическом уровне – в том, что в коллокациях глагол говорения и другие составляющие ее лексемы выступают всегда лишь в одной (или немногих?) **формах**, возможных для свободных сочетаний, например: *Du sier ikke det!* ≈ «Да не может быть!» То есть в коллокациях нельзя изменить форму глагола (**du sa ikke det!*), они **морфологически дефектны** [там же, с. 53]. В коллокации нельзя что-то вставить (**du sier vanligvis ikke det!*) или что-то убавить (**du sier det!*), и в них, если отвлечься от узуальной вариативности, невозможна замена компонентов без потери смысла (**han sier ikke det!*). Другими словами, коллокации **синтаксически непроницаемы** [там же, с. 54].

Устойчивость формы нередко проявляется также закрепленностью устаревших морфологических вариантов (например, *etter sigende* ‘как утверждают, по слухам’):

Italia har *etter sigende* tidenes dårligste landslag, men kan plutselig vinne hele EM (*Aftenposten* 17.06.2016/24). – **По слухам**, нынешняя сборная Италии никогда не годится, но может неожиданно выиграть Чемпионат Европы.

Устойчивость проявляется и в том, какая форма предложения (вопросительная, повествовательная, повелительная) закреплена за коллокацией. Во-первых, ее нельзя произвольно заменить на другую, а во-вторых, формально повелительное предложение-коллокация лишено иллокутивной силы, связываемой с этой формой. Коллокация *Si det!* ≈ «Пооди знай!» (досл. ‘Скажи это!’) не предполагает, что собеседник в ответ что-то произнесет, да и вообще не предполагает наличия собеседника; *Sier du det?* ≈ «Да что ты говоришь?» (досл. ‘Ты говоришь это?’) не требует утвердительного или отрицательного ответа.

Коллокации характеризуются также закрепленностью за ними определенных **просодических характеристик**, таких как интонационный контур и фразовое ударение: *Sier du det?* ≈ «Да что ты говоришь?» (ср. в русском «не скажи» (возражение) и выражающее согласие «(и) не говори!»).

М. В. Архипецкая отмечает такое же свойство за единицами, которые называет «интонационными фразеологизмами», – это те ФЕ, коммуникативное значение которых складывается исключительно за счет интонационных средств [Архипецкая 2008, с. 45].

И. М. Логинова пишет, что указанный термин представляется достаточно дискуссионным ввиду непостоянства интонационного оформления многих фразеологических единиц, однако признает, что проблема просодического оформления ФЕ актуальна в теоретическом и практическом отношении [Логинова 2014, с. 220].

К сожалению, в словарях норвежского (и не только норвежского) языка просодические характеристики ФЕ не указываются, что и понятно: не существует общепринятого способа фиксации просодических характеристик высказывания (фразы), как и надежных описаний сколь-нибудь полных списков ФЕ с этой точки зрения. Изучение этой стороны коллокаций представляется перспективным.

Для коллокаций с глаголами говорения характерно **использование в следующих функциях:**

а) в диалогической речи – **фатическая (релятивы, т. е. реакция на слова собеседника)**. К данной функции можно отнести употребление следующих коллокаций:

Hva sier du? ≈ «(Да) что ты говоришь?»

Hva kan jeg si? ≈ «Что я могу сказать?»

Dette er område jeg klemmer i den tunge, smidde skuffen. **Hva kan jeg si? Hva sier jeg?** Det er en infernalsk knip (*Faldbakken M. The Hills. Oslo: Oktober, 2017, p. 91*). – «Вот это-то место я и прищемил тяжелым кованым ящиком. **Ну что я могу сказать? Что тут говорить?** Просто адский шипок» (*Фалдбаккен М. Ресторан «Хиллс». М.: АСТ, CORPUS, 2019, с. 116–117*).

Sier du det? ≈ «Да ты что?!»

Hva er det du sier nå? / Som du snakker! ≈ «Что ты такое говоришь?»

Da sier vi det. ≈ «Договорились».

Det må jeg si! ≈ «Ну и ну! / Ну знаешь / знаете ли!»

Det kan du si. ≈ «Можно и так сказать».

Det er lett å si. ≈ «Легко говорить».

Lettere sagt enn gjort. ≈ «Легче сказать, чем сделать».

Du sier noe! ≈ «Вот это дело!»

Si det! ≈ «Поди знай»

Du sier ikke det! ≈ «Да не может быть!»

Nabokov hadde en artig tilnærming til intervjuer, har Edgar fortalt: Han insisterte på å skrive ned svarene først, for så å sende dem til journalisten, som deretter måtte klekke ut spørsmål. Her er svaret: **Det kan du si.** Og spørsmålet? Hvor i helvete skal du gjøre av deg etter denne fadesen? (*Faldbakken M. The Hills. Oslo: Oktober, 2017, p. 133*). – «Эдгар рассказывал, что Набоков весьма своеобразно подходил к процессу интервьюирования: он настаивал на том, чтобы сначала записать свои ответы и отправить их журналисту, которому потом приходилось сочинять вопросы. Так вот ответ: **а кто его знает.** А вопрос какой? Куда деваться, когда опростоволосишься подобным образом?» (*Фалдбаккен М. Ресторан «Хиллс». М.: АСТ, CORPUS, 2019, с. 166*).

Обнаружена лишь одна языковая единица, в которой глагол *snakke*, в свободных сочетаниях требующий дополнения (если исключить значения «обладать способностью говорить» о детях, или «расколотся» о шпионах / языках), выступает без него:

Du snakker. ≈ «Дело говоришь».

Обратим внимание, что все эти коллокации синтаксически изолированы, что сближает их с междометиями. «К вторичным междометиям относят слова разных частей речи, поменявшие свои категориальные признаки в результате синтаксических и семантических преобразований и служащие для выражения эмоциональных реакций

человека» [Шаронов 2008, с. 57]. Автор предлагает при решении вопроса о принадлежности единицы к вторичным междометиям учитывать следующие критерии: изолированная синтаксическая позиция, десемантизация, потеря словоизменительных возможностей, потеря сочетаемостных возможностей, внутренняя аморфность грамматической модели [там же, с. 59]. Два последних, в общем, сводятся к синтаксической нечленности.

Иными словами, характеризующиеся данными исследователями языковые средства образуют континуум, на одном полюсе которого находятся однословные образования, наиболее близкие по форме к первичным междометиям, на другом – структуры, омонимичные свободным высказываниям. В нидерландском языке образования первого рода представлены, например, междометием *zeg*, по форме представляющим собой императив глагола *сказать* [подробнее см. Яковлева 2018, с. 63–70].

В букмоле подобную форму, *si*, вряд ли можно отнести к междометиям. Это релятив, ближайшим русским эквивалентом которого является «скажем» и который нужно отнести к следующей подгруппе (б):

Edgar har selv jobbet på gård, sier han, og vet hvor lang tid det tar før, si, en hest dehydrerer, eller, si, at sauene går løs på hverandre (*Faldbakken M. The Hills. Oslo: Oktober, 2017, p. 66–67*). – Эдгар и сам работал на хуторе, говорит он, и знает, сколько времени пройдет, прежде чем, скажем, у лошади произойдет дегидратация, или, скажем, овцы начнут кидаться друг на друга (*Фалдбаккен М. Ресторан «Хиллс». М.: АСТ, CORPUS, 2019, с. 86*).

Если большинство междометий – однословные (и по большей части, если говорить о первообразных, односложные) образования, то можно ли назвать коллокацией односложное образование? Представляется, что если рассматривать языковые группировки как диффузные множества с ядром и периферией, то можно; тем более с учетом того, что данная языковая единица также несомненно произносится с особой, присущей ей интонацией.

б) в связной монологической речи, в письменном тексте – в качестве **дискурсивных элементов**, средств горизонтальной **когезии**, обеспечивающих смысловое единство текста [Казаченко 2009, с. 89]. К данной функции можно отнести следующие коллокации:

alvorlig talt ≈ ‘серьезно говоря’

rent ut sagt ≈ ‘прямо говоря’

ærlig talt ≈ ‘честно говоря’

som sagt ≈ ‘как уже было сказано’

så å si ≈ ‘так сказать’

Det sier seg selv at... ≈ ‘Очевидно, что...’

Bare for å få det sagt = bare så det er sagt. ≈ ‘Сразу скажу’ (= ‘Начнем с того, что’)

Hun ser strålende ut, sa Sejer. ***Bare så det er sagt*** (Fossum K. *Varsleren. Cappelen Damm s.l.* 2009. s. 169). – Начнем с того, что она великолепно выглядит, – сказал Сэйер.

в) употребление коллокаций в устойчивых конструкциях с определенным значением:

snakk om X ≈ ‘ничего себе X’

for ikke å tale om X ≈ ‘не говоря уже об X’

При том, что это значение является вполне определенным, оно трудно определимо и «может вызывать сомнение и у носителей языка» [Гак 1994, с. 7], что, естественно, может усложнить и поиск адекватных переводных эквивалентов. Эта особенность также роднит рассматриваемые единицы с междометиями. И хотя многие исследователи признают за междометиями передачу лишь эмотивной информации, Анна Вежбицкая считает одним из признаков междометия указание им ментального акта говорящего [Вежбицкая 1999, с. 616], а сами междометия делит на три класса, последний из которых составляют когнитивные [там же, с. 618].

Нетрудно заметить, что состав норвежских коллокаций с глаголами говорения практически совпадает с составом русских, перечисленных В. Г. Гаком [Гак 1994, с. 6]; среди них есть и междометные фразы: «Что ты такое говоришь?»; «Кому ты это говоришь?»; «И не говори»; «Скажешь тоже»; и вводные слова «вообще говоря»; «скажем»; «говоря откровенно».

Заключение

Анализ речевого употребления коллокаций с глаголами говорения показывает, что преобладает их использование в диалогической речи

в фатической функции – это вполне понятно и оправданно, так как именно в диалоге люди и «говорят». Соответственно, для участников диалога очевидна ситуация, которая комментируется соответствующей коллокацией; вне контекста / конситуации смысл высказывания определить невозможно, поскольку положительная или отрицательная оценочность высказывания проистекает как раз из общей оценки ситуации.

Наибольшее число коллокаций насчитывается с глаголом *si* как самым многозначным из трех исследованных, но при этом самым нейтральным, лишенным стилистических маркеров. С глаголом *tale* (наименее частотным) коллокаций очень мало, хотя они имеются с однокоренным существительным. Причину, вероятно, следует искать в истории языка: в норвежском букмоле место датского *tale* занял глагол *snakke*, помеченный в толковом словаре датского языка как «более разговорный».

Важную роль играют и различия в семантических ролях актантов при глаголах, что показывают исследования на материале других языков (нидерландского [Яковлева 2007]), однако этот вопрос невозможно осветить в рамках этой статьи; его изучение представляется перспективным направлением дальнейшей работы с данной группой коллокаций.

Сравнение норвежских текстов с их переводами на русский язык показывает, что по форме подобные коллокации в двух языках в значительной мере совпадают; то есть использование глаголов говорения в коллокациях является универсалией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипецкая М. В. Интонационные фразеологизмы: функционирование и восприятие // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 45–49. [Arkhipetskaya, M. V. (2008). Intonal phraseological units: functioning and perception. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9, 4(1)*, 45–49. (In Russ.)].
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. [Baranov, A. N. Dobvol'skii, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii (Aspects of Theory of Idioms)*. Moscow: Znak. (In Russ.)].
- Вежбицкая А. Семантика междометия // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 611–649. [Vezhbitskaya, A. (1999). *Semantika mezhdometiya (Semantics of Interjections)*. In A. Vezhbitskaya. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* (pp. 611–649). M.: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)].

- Гак В. Г. Речевые рефлексy с речевыми словами // Логический анализ языка. Язык речевых действий: материалы конференции / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 6–10. [Gak, V. G. (1994). *Rechevye refleksy s rechevymi slovami (Speech Reflexes with Speech Words)*. In N. D. Arutjunova, N. K. Rjabceva (eds.), *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deistvii* (pp. 6–10). Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Казаченко О. В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. № 8 (27): в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2009. Ч. II. С. 88–90. [Kazachenko, O. V. (2009). *Kogerentnost' i kogeziya teksta (Coherence and Text Cohesion)*. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 8(27), 88–90. Tambov: Gramota. (In Russ.)]
- Логинова И. М. Фразеология и просодия // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. 2014. С. 218–221. [Loginova, I. M. (2014). *Phraseology and Prosody*. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 77, 218–221 (In Russ.)].
- Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. [Sharonov, I. A. (2008). *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare (Interjections in Speech, Text and Dictionary)*. М.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russ.)]
- Яковлева А. А. Семантико-прагматические особенности нидерландских междометий *zeg* и *hoor* // Скандинавская филология. 2018. Т. 16, вып. 1 С. 61–73. [Yakovleva, A. A. (2018). *Semantiko-pragmaticheskie osobennosti niderlandskikh mezhdometii zeg i hoor (Semantic and Pragmatic Features of Dutch Interjections zeg and hoor)*. *Scandinavian Philology*, 16(1), 61–73. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.105> (In Russ.)].
- Яковлева А. А. Глаголы говорения в нидерландском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. [Yakovleva, A. A. (2007). *Glagoly govoreniya v niderlandskom yazyke (Speech Verbs in Dutch)*: abstract of PhD in Philology. Saint-Petersburg. (In Russ.)]
- Berkov V. (ed.). *Stor norsk-russisk ordbok*. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003. [Berkov, V. P. (2003). *Stor norsk-russisk ordbok (Large Norwegian-Russian Dictionary)*. Oslo: Kunnskapsforlaget. (In Norw.)].
- Heggstad K. *Norsk frekvensordbok*. Bergen-Oslo-Tromsø: Universitetsforlaget, 1982. [Heggstad, K. (1982). *Norsk frekvensordbok (Norwegian Frequency Dictionary)*. Bergen-Oslo-Tromsø: Universitetsforlaget (In Norw.)].
- Horvati E. *Automatisk gjenkjenning av norske kollokasjoner*. Oslo, 2005. [Horvati, E. (2005). *Automatisk gjenkjenning av norske kollokasjoner (Automatic Recognition of Norwegian Collocations)*. Oslo. (In Norw.)].
- Kapstad M. Устойчивые сочетания в русском и норвежском языках в аспекте преподавания русского языка норвежцам = Faste uttrykk i russisk og norsk med henblikk på russiskundervisning for nordmenn. Oslo, 2006. [Kapstad, M.

- (2006). Faste uttrykk i russisk og norsk med henblikk på russiskundervisning for nordmenn (*Idioms in Russian and Norwegian in the Light of Teaching Russian to Norwegians*). Oslo (In Russ.)]
- Kirkeby W. Norsk-engelsk ordbok. Oslo: Kunnskapsforlaget, 1986. [Kirkeby, W. (1986). Norsk-engelsk ordbok (*Norwegian-English Dictionary*). Oslo: Kunnskapsforlaget (In Russ.)].
- NAOB. URL : www.naob.no/ordbok (дата обращения: 03.11.2019) [NAOB. (03.11.2019). www.naob.no/ordbok (In Norw.)].
- Store norske leksikon. URL : snl.no/kollokasjon_-_grammatikk (дата обращения: 23.10.2019) [Store norske leksikon (*Great Norwegian Encyclopedia*). (23.10.2019). https://snl.no/kollokasjon_-_grammatikk (In Norw.)].
- Topp norsk. URL: toppnorsk.com/2017/10/02/kollokasjoner/ (дата обращения: 23.10.2019) [Topp norsk (23.10.2019). toppnorsk.com/2017/10/02/kollokasjoner/ (In Norw.)].
- With L. Idiomer under lupen. Masteroppgave i nordisk, særlig norsk, språkvitenskap. Oslo, 2007. 132 s. [With, L. (2007). Idiomer under lupen. Masteroppgave i nordisk, særlig norsk, språkvitenskap. Oslo. (In Russ.)].

УДК 808.2, 82-94, 811.113.52

Е. В. Воробьева, Е. С. Рачинская

Воробьева Е. В., кандидат филологических наук, доцент,
кафедра скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета, Московский государственный
лингвистический университет; e-mail: voroba@gmail.com

Рачинская Е. С., переводчик, сотрудник отдела культуры
Посольства Королевства Норвегия в РФ; e-mail: jelenara@yandex.ru

ПЕРЕВОДИТЬ ВДВОЕМ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА ГРАФИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ СТЕФФЕНА КВЕРНЕЛАННА «МУНК»

Статья посвящена особенностям перевода книг в жанре комикса на примере работы над переводом графической биографии С. Квернеланна «Мунк». Задачи, которые решали переводчики, условно можно разбить на «технические», связанные с поликодовым характером произведения и касающиеся верстки, расположения текста в окошках, вопросов соотносительности текста с изображением (что сближает перевод комиксов с субтитрованием), и художественные, связанные непосредственно с текстовым материалом, стилистическими пластами текста и особенностями идиостиля текстов Эдварда Мунка. В заключительной части даются рекомендации по организации совместной переводческой работы.

Ключевые слова: норвежский язык; перевод; комикс; поликодовый текст; Мунк; креолизованный текст.

E. V. Vorobyeva, Ye. S. Rachinskaya

Vorobyeva E. V., PhD (Philology),
Associate Professor at the Department of Scandinavian Languages,
Dutch and Finnish, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University; e-mail: voroba@gmail.com

Rachinskaya Ye. S., Translator
at the Cultural Department of Embassy of Norway in Russia;
e-mail: jelenara@yandex.ru

CO-TRANSLATING: WORKING ON TRANSLATION OF STEFFEN KVERNELAND'S "MUNCH" INTO RUSSIAN

The article focuses on the problems encountered by translators of comics using as an example the authors' work on Steffen Kverneland's graphic biography *Munch*. These problems can be divided into "technical", related to the polycode nature of the text and its layout, the location of the text in the windows, the correlation of the text and the picture (which makes translation of comics similar to subtitling), and literary, directly related to the text material, its varied style and the specific features

of Edvard Munch's own idiosyncrasy. The article also contains general recommendations on how work by two (or more) translators on a text can be organized.

Key words: Norwegian language; translation; comics; polycode text; Munch; creolized text.

Введение

Книга, о которой пойдет речь, представляет собой биографию, пожалуй, самого известного норвежского художника, Эдварда Мунка (1863–1944). Ее автор – почти столь же известный норвежский иллюстратор и автор комиксов Стеффен Квернеланн. По сравнению с другими биографиями Мунка у данного произведения есть две важные особенности. Во-первых, она выполнена в жанре комикса, т.е. рисованной истории, в которой представлены основные события из жизни художника, а также в авторской манере перерисованы его основные произведения и эскизы к работам. Во-вторых, и об этом сказано в прологе книги, автор поставил перед собой задачу создать биографию, в которой отсутствуют попытки интерпретации жизни и произведений художника, в которой источники – реальные документы и сами персонажи – говорят сами за себя. В качестве таких реальных документов Квернеланн опирается на письма, дневники, заметки, эскизы к картинам и свидетельства самого Мунка и его современников.

Впрочем, книгу нельзя назвать полностью свободной от авторской интерпретации, поскольку отношение автора прослеживается во всем: от стиля рисунков и отбора документальных источников до текста вставок, в которых автор обсуждает творческую и личную биографию художника со своим другом и коллегой Ларсом Фиске.

Путь книги к русскому читателю был долгим, и русский перевод появился главным образом благодаря тому, что в связи с масштабной выставкой Мунка в Третьяковской галерее (15 апреля – 14 июля 2019 г.) издательство «Ad Marginem» в сотрудничестве с дизайнерской студией «ABCdesign» решило издать ее в России.

Комикс как поликодовый текст

Жанр книги С. Квернеланна «Мунк» – графическая биография, или комикс. В научном дискурсе последних лет много говорится об особенностях этого жанра, связанных с взаимодействием текста и изображения. Так, Е. В. Козлов пишет о поликодовом статусе комиксов, имея

в виду, что информация передается одновременно с помощью группы технических кодов (идеограмматический, кинематографический и код рисунка) и языкового кода (включающего в себя буквенный текст и параграфику) [Козлов 2002]. С этой точки зрения комикс представляет собой креолизованный текст, т. е. «текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое, функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Плотников 1992, с. 65]. Механизмам понимания поликодовых текстов и внутренней корреляции различных кодов посвящена обширная литература, в частности, докторская диссертация А. Г. Сониной [Сонин 2006], а вот вопросам перевода комикса с учетом его специфики как поликодового текста пока не уделялось должного внимания. Ситуацию осложняет терминологическая путаница: авторы многих статей относят комиксы к полимодальным или, мультимедийным текстам, а некоторые исследователи киноперевода (который сейчас активно изучается в России и за рубежом) считают аудиовизуальные произведения поликодовым текстом. Мы придерживаемся терминологического разграничения, предложенного Е. Д. Некрасовой, согласно которому поликодовым считается текст, содержащий несколько семиотических кодов, задействующих только зрительный канал восприятия, а полимодальным, или мультимедийным, – такой текст, при восприятии которого используются различные сенсорные системы, или модальности [Некрасова 2014, с. 45].

В немногих работах, посвященных переводу комиксов, рассматриваются проблемы передачи «говорящих» имен, реалий, игры слов, рифм, междометий (см., например, [Снежкова, Заковряжина 2017], [Новоселова, Боровикова 2018]), иными словами, вопросы, касающиеся главным образом буквенного кода и не затрагивающие взаимодействие кодов в тексте.

Между тем задачи, которые решали переводчики при работе над «Мунком», можно условно разбить на «технические», связанные с поликодовым характером произведения и касающиеся верстки, расположения текста в окошках, вопросов соотношенности текста с изображением, и художественные, относящиеся к собственно текстовому материалу, его стилистическим пластам, особенностям идиостиля Э. Мунка, а также к прагматической адаптации перевода с учетом установки на русскоязычного читателя.

Задачи технического характера

Итак, первая группа трудностей была связана с графическим характером романа: русский текст должен вмещаться в филактеры, или «пузыри», при том что русские лексические единицы и фразы обычно длиннее норвежских. Проблема нехватки места упоминается в некоторых работах, посвященных переводу комиксов, но описанные методы ее решения едва ли можно назвать удовлетворительными. Так, в работе В. В. Мезиной и Л. Я. Вавиловой предлагается такое средство, как «удаление текста или картинки. Подобный прием ... четко и эффективно устраняет проблему дефицита свободного места» [Мезина, Вавилова 2018, с. 60]. Другой способ решения проблемы «заключается в использовании кратких слов и предложений. Подобное решение не может передать сообщение так же эффективно и элегантно, как их развернутые синонимы, и поэтому может затронуть стилистическое качество текста» [там же]. И наконец, «третья возможность представляет собой использование шрифта меньшего размера, по сравнению с текстом оригинала» [там же].

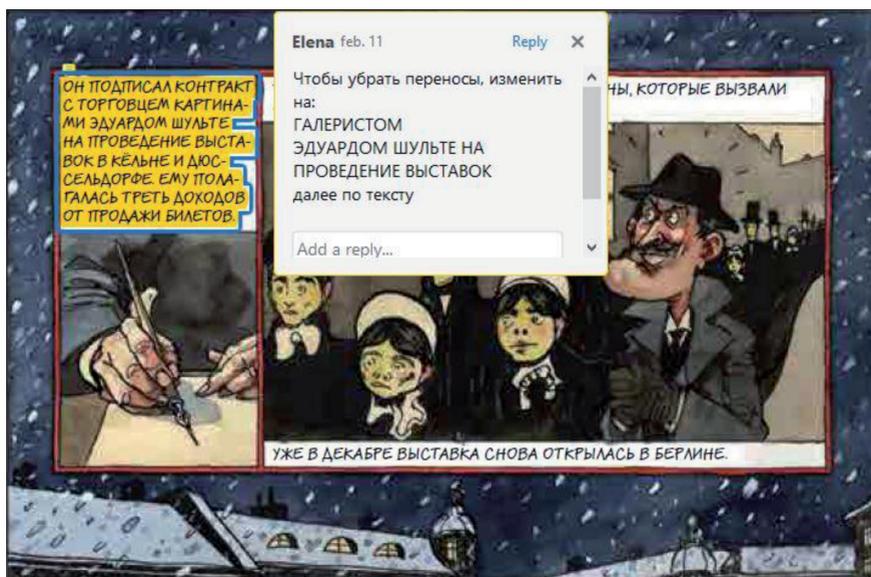
Альтернативный метод предлагают Л. А. Братчик и Т. В. Хрущёва: при недостатке места художник может увеличить филактер, чтобы тот вместил необходимый русский текст [Братчик, Хрущёва 2019, с. 337]. Однако это может привести к нежелательным последствиям: увеличенный филактер привлекает излишнее внимание, таким образом, адекватность перевода, с точки зрения тождества производимого эффекта, оказывается под вопросом. Нечто похожее, кстати, происходит, если перевод оказывается значительно короче оригинала: пустое место в филактере бросается в глаза. Компенсировать недостаток или избыток текста размером шрифта (как советуют В. В. Мезина и Л. Я. Вавилова) крайне нежелательно, поскольку размер шрифта в комиксе играет определенную роль: чаще всего крупный шрифт обозначает громкость звука в случае восклицаний [Мезина, Вавилова 2018, с. 61], и тогда в филактере заключается как правило очень короткая реплика. В остальных случаях разноразмерный шрифт выглядит небрежно и затрудняет восприятие.

Таким образом, единственным способом достижения адекватности перевода буквенного текста с учетом взаимодействия с графическим кодом остается подбор варианта перевода, приблизительно совпадающего по длине с текстом оригинала и при этом сохраняющего

его смысл и стилистические характеристики. Арсенал средств, помогающих переводчику в такой ситуации, – работа с синонимическими рядами, владение средствами языковой компрессии, учет различий актуального членения предложения в норвежском и русском языках и различные переводческие трансформации, помогающие сократить текст без потери смысловых и стилистических нюансов.

Кроме того, для облегчения восприятия при работе с версткой было важно по возможности избегать переносов и не разносить по разным строкам предлог и относящееся к нему существительное (что случалось довольно часто, поскольку слова и предложения в русском языке в среднем длиннее, чем в норвежском). По согласованию с издательством переводчики имели право корректировать верстку по своему усмотрению, и значительная часть постредактирования текста свелась именно к устранению нежелательных переносов и «повисших» в конце строки предлогов (см. ил. 1).

Дополнительным преимуществом работы над переводом вдвоем было то, что в договор с издательством входило перекрестное редактирование переведенных фрагментов: таким образом, переводчики

Ил. 1. Работа с версткой

имели больше свободы в согласовании финального варианта с верстальщиком.

В тексте оригинала имелось некоторое количество авторских сносок, расположенных в нижней части панели и содержащих разного рода справочную информацию. При переводе возникла необходимость добавить для русских читателей еще несколько сносок, чтобы объяснить непонятные норвежские реалии, и было решено разместить их точно так же, как авторские, без каких-либо помет типа «прим. пер.», «прим. ред.» и т. п., поскольку с точки зрения коммуникативной функции эта информация не так важна, а дефицит места требует по возможности сократить текст.

В целом перевод комикса имеет много общего с субтитрованием как подвидом «ограниченного перевода» [Братчик, Хрущёва 2019].

Задачи художественного характера

Ко второй группе можно отнести задачи, связанные с сохранением стилистики оригинала. В книге несколько стилистических пластов, особенности которых необходимо было передать максимально точно:

- беседы автора и его друга об искусстве и жизни Мунка;
- цитаты из писем и дневников самого художника, где было важно по возможности сохранить и авторскую пунктуацию – неотъемлемый элемент его литературного стиля;
- беседы и воспоминания родственников и друзей Мунка;
- переписка: официальная, семейная, дружеская;
- описание художественных произведений.

Первый стилистический пласт, которым открывается книга и который присутствует в дальнейшем в виде нескольких вставок, где автор обсуждает со своим другом и коллегой Ларсом Фиске искусство, личную жизнь Мунка и факты его биографии, характеризуется разговорным стилем с «вкраплениями» сленга. С точки зрения стилистической тональности эти странички очень ярко контрастируют с остальным текстом. При переводе этих вставок требовалось соблюсти их образность и экспрессию, учитывая при этом разницу в издательских традициях Норвегии и России, где по-разному проводят границу между приемлемым и неприемлемым в печатном тексте. В этом отношении представляется весьма перспективным применение и развитие концепции «псевдоустности», разработанной в контексте исследований

аудиовизуальных произведений и аудиовизуального перевода (см. [Козуляев 2019]). Это еще один аспект, сближающий перевод комиксов с кинопереводом.

Второй и, пожалуй, важнейший стилистический пласт книги – тексты самого Мунка, причем даже в рамках этой группы различные фрагменты, отобранные автором книги, весьма разнообразны по стилю.

Прежде всего, это отрывки из литературного дневника Мунка. Он писал его всю жизнь, и в нем, цитируя самого художника, было воплощено в словах его главное творение «Фриз Жизни», задолго до появления живописной версии.

Литературный стиль Мунка сродни его живописному стилю. Ключевое слово тут *визуальный*. Мунк так формулирует свои мысли, что смысловые оттенки «переливаются» многими гранями. Вместе с тем присутствует и некоторая «рваность текста» (чему способствуют авторские тире), незавершенность, в чем обвиняли и его картины. Как и в своих полотнах, Мунк привлекает внимание к главному, рисуя остальное, неважное, широкими небрежными мазками. Стоит отметить и то, что тексты Мунка, будь то художественные или философские, всегда очень личные.

М. Я. Данова отмечает основные особенности идиостиля Мунка с учетом интермедиальности его творчества: обилие колористических эпитетов, использование усилительных наречий, ряды однородных членов, усеченные фразы-«мазки», разделенные авторскими тире, обилие назывных предложений (статуарность) и глаголов зрения [Данова 2019, с. 118].

Жанр комикса, с одной стороны, как нельзя лучше высвечивает визуальность текстов Мунка, а с другой – ставит перед переводчиком трубные задачи. В частности, необходимость уместить текст в филактере нужно было «увязать» со стремлением сохранить ритм, мелодию и визуальное своеобразие текстов Мунка с его многочисленными тире, «рваными» фразами и образностью. Предметом отдельной дискуссии стало сохранение авторской пунктуации при гораздо более строгих правилах, регулирующих расстановку знаков препинания в русском языке:

«...я видел всех людей за их масками – улыбающимися, флегматичными – спокойными лицами – я смотрел сквозь них и видел страдание – бледные тела – без устали нервно спешащие по этому извилистому пути, что ведет к могиле» (*Квернеланн С. Мунк. М.: А+А, 2019. с. 255*).

Характерный пример употребления Мунком колористического эпитета и его передачи в переводе:

«В твоём лице – вся красота земли. Губы твои *лилово-алые*, как зреющий плод раскрываются, будто от боли» (*Квернеланн С. Мунк. М.: А+А, 2019. с. 57*).

В оригинале употреблено слово *karmosinrøde* – не самое распространенное цветообозначение в норвежском языке, которое может быть передано как «темно-красный, багровый, бордовый, иссиня-красный, лилово-красный» и т. д. После продолжительного обсуждения решено было остановиться на варианте «лилово-алый» в силу его благозвучия, отсутствия нежелательных коннотаций и близости к цветовой гамме картины, описанием которой служит данный поэтический текст.

Другой пример – сохранение образности, колористического эпитета и аллитерации в следующем фрагменте:

«Моя беда в том, что женщины попадаются мне со светлой или огненно-рыжей копной волос – вытянутой головой – и глазами будто черничина на булавке» (*Квернеланн С. Мунк. М.: А+А, 2019. с. 74*).

При работе с текстами Мунка и цитатами из других источников необходимо было, по сложившейся у нас традиции, сверяться с опубликованными ранее переводами, которые представлены в двух предшествующих биографиях Мунка: книге Рольфе Стенерсена «Эдвард Мунк» (издательство «Искусство», 1972, перевод Нины Крымовой) и работе Атле Нэсса «Эдвард Мунк. Биография художника», (издательство «Весь мир», 2007, перевод Е. Рачинской и А. Турунтаевой). Обе книги стали большим подспорьем при проведении предпереводческого исследования, поскольку детальное знакомство с фактами биографии помогло избежать многих переводческих ошибок и неверных интерпретаций, однако при работе с цитатами переводчики графической биографии нередко делали выбор в пользу «переперевода». Тому был ряд причин: в переводах цитат в книге Стенерсена оказалось немало купюр, обусловленных, по всей видимости, редакционной политикой той эпохи, а кроме того, при сопоставлении ранее выполненных переводов с визуальным рядом комикса часто обнаруживались несовпадения и нестыковки, которые надо было устранять.

И еще один важный фактор – не раз упоминавшийся дефицит места, не позволяющий поместить в филактеры и панели переводы, созданные без оглядки на максимально допустимую длину фразы.

Отдельная группа сложностей связана с передачей в переводе звукоподражательных единиц. Многие авторы справедливо отмечают, что ономастопеи гораздо более употребительны в английском языке, нежели в русском [Мезина, Вавилова 2018, с. 61]. Подобное утверждение справедливо и в отношении норвежского, где наблюдается значительное число звукокомплексов, не имеющих аналогов в русском языке. Стратегии, использованные для их передачи с опорой на фоносемантические универсалии, описаны в статье Е. В. Воробьевой [Воробьева 2018].

Заключение

В заключение остановимся на некоторых аспектах организации парной работы над переводом. При коллективной работе над большими и сложными переводческими проектами обычно используются системы автоматизированного перевода (CAT-tools), которые позволяют привести к единообразию передачу терминов, имен собственных и т. п. При переводе разнородных текстов с редких языков усилия по распознаванию и загрузке текстов в систему памяти не всегда оправдываются, а в данном случае дополнительным осложняющим фактором служил поликодовый характер текста, поэтому всю кропотливую работу по сверке и унификации топонимов, имен собственных, названий организаций и произведений искусства и техник работы художника пришлось продельвать вручную. При этом активно применялись онлайн-таблицы в Google Sheets: перед началом работы был создан общий документ, и один из переводчиков, впервые встречаясь с единицей такого типа, первым делом заносил ее в таблицу с предложенным вариантом перевода (проверив, что эта единица не была внесена в таблицу ранее). При необходимости в столбце для комментариев переводчики обсуждали разные варианты и вырабатывали единое мнение.

Похожий механизм работы использовался и при взаимном редактировании: фрагменты, переведенные каждым из переводчиков, были размещены в онлайн-документе в Google Docs, и в процессе взаимного редактирования вопросы решались через диалоговые возможности примечаний на полях. Такой подход к работе позволял оперативно разрешать спорные случаи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братчик Л. А., Хрущёва Т. В. Особенности перевода американских комиксов на русский язык (на примере графического романа «Академия Амбрелла») // Материалы секционных заседаний 59-й Студенческой научно-практической конференции ТОГУ. 2019. С. 335–339. [Bratchik, L. A., Khrushcheva, T. V. (2019). Osobennosti perevoda amerikanskikh komiksov na russkii yazyk (na primere graficheskogo romana «Akademiya Umbrella») (Translating American Comics into Russian, on the Example of Graphic Novel *Umbrella Academy*). *Materialy sektionnykh zasedanii 59-i studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii TOGU, 1*, 335–339. (In Russ.)].
- Воробьева Е. В. Проблема передачи ономастических терминов на примере перевода комиксов с норвежского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 8 (799). С. 34–44. [Vorob'eva, E. V. (2018). The Problem of Rendering Onomatopoeias in Translation of Comics from Norwegian into Russian. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(799), 34–44. (In Russ.)].
- Данова М. Я. Языковые аспекты интермедальности в творчестве Эдварда Мунка: выпускная квалификационная работа магистра. СПб., 2019. [Danova, M. Ya. (2019). Yazykovye aspekty intermedial'nosti v tvorchestve Edvarda Munka (*Language Aspects of Intermediality in Edvard Munch's Creation*): master's thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)].
- Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. [Kozlov, E. V. (2002). Komiks kak yavlenie lingvokul'tury: znak – tekst – mif (*Comics as Lingvocultural Phenomenon: Sign – Text – Myth*). Volgograd: Izd-vo VolGu. (In Russ.)].
- Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М., 2019. [Kozulyaev, A. V. (2019). Integrativnaya model' obucheniya audiovizual'nomu perevodu (angliskii yazyk) (*Integrative Model of Teaching Audiovisual Translation*): PhD in Pedagogy. Moscow. (In Russ.)].
- Мезина В. В., Вавилова Л. Я. Проблемы перевода комиксов // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: сборник материалов XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 2018. С. 60–62. [Mezina, V. V., Vavilova, L. Ya. (2018). Problemy perevoda komiksov (Problems of Translation of Comics). In *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, yazykovoi kommunikatsii i lingvodidaktiki* (pp. 60–62). (In Russ.)].
- Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. № 378. 2014. С. 45–48.

- [Nekrasova, E. D. (2014). On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment). *Tomsk State University Journal*, 378, 45–48. (In Russ.)].
- Новоселова А. С., Боровикова К. В. Особенности перевода комикса с английского языка на русский язык // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2018. Вып. 2. С. 200–207. [Novoselova, A. S., Borovikova, K. V. (2018). Osobennosti perevoda komiksa s angliiskogo yazyka na russkii yazyk (The Specifics of Translating Comics from English into Russian). *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*, 2, 200–207. (In Russ.)]
- Плотников Б. А. Семиотика текста: Параграфемика. Минск: Высшая школа, 1992. [Plotnikov, B. A. (1992). *Semiotika teksta: Paragrafemika. (Text Semiotics: Paragraphemic)*. Minsk: Vysheishaya shkola. (In Russ.)].
- Снежкова И. А., Заковряжина Т. И. Особенности перевода текстов комиксов // Лучшая научно-исследовательская работа 2017: сборник статей IX Международного научно-практического конкурса. 2017. С. 68–72. [Snezhkova, I. A., Zakovryazhina, T. I. (2017). Osobennosti perevoda tekstov komiksov (The Specifics of Translating Comics). *Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2017*, 68–72. (In Russ.)]
- Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. [Sonin, A. G. (2006). *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov (Modelling of Mechanisms of Polycode Texts)*: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

УДК 811.113.4

Е. А. Гурова

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: e.gurova@spbu.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ ДАТСКОГО ЯЗЫКА¹

В статье рассматриваются новейшие тенденции в отношении маркеров вежливости в ситуациях бытового общения на материале ряда современных датских сериалов. В работе использован описательный метод, а также коммуникативно-прагматический, семантический и контекстуальный анализ. Исследование показывает, что среди директивных речевых актов преобладает изолированный императив, аналитические императивные комплексы с модальными *частицами bare, lige, nu, så*, а также форма презенса в повествовательных предложениях с прямым порядком слов или с частицей *nu* в инициальной позиции. Широко используются вопросительные предложения с глаголами в форме презенса, в том числе вопросы с глаголом *gide*.

Ключевые слова: вежливость; датский язык; побудительные речевые акты; речевой этикет.

E. A. Gurova

PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Philological Faculty, St. Petersburg State University;
e-mail: e.gurova@spbu.ru

POLITENESS STRATEGIES IN DANISH DIRECTIVES AND REQUESTS

The article examines imperative speech patterns to reveal novel trends in the use of politeness markers in everyday communication. The Danish serials provide the data for the research. The content was described and analyzed from the pragmatic, communicative, semantic and contextual viewpoints. The research shows that direct speech acts are those using the imperative form, analytical complexes with modal particles 'bare, lige, nu, så', as well as the present tense in sentences with direct word order or the particle 'nu' in preposition, questions with the verb 'gide' and the present form in preposition.

Key words: politeness; the Danish language; directives; requests; speech etiquette.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

Введение

В последнее время многие специалисты указывают на изменения культурных ценностей и норм поведения в современном датском обществе [Andersen 2014; Olesen 2009, Steno 2011]. По данным исследования, проведенного нидерландскими учеными среди 7 европейских стран (Нидерланды, Бельгия, Франция, Великобритания, Германия, Италия, Дания) коммуникативное поведение датчан отличается наименьшим уровнем вежливости [Andersen 2014, с. 365]. Размытость социальных норм и отсутствие вежливых оборотов в речи современных датчан связаны, в первую очередь, с молодежным бунтом 1968 года, участники которого выступали против социального расслоения и консервативных ценностей, за свободу и равенство. Перемены в социально-политической и культурной жизни не могли не отразиться на языке и коммуникации. Повсеместный переход на «ты» оказал влияние на манеру поведения датчан и привел к той неформальности в общении, которая многим другим европейцам кажется слишком прямолинейной [Palmgren 2008, с. 10]. Необходимо добавить, что речевое поведение современных людей в целом характеризуется высоким уровнем агрессии. Это связано с рядом негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности [Крысин 1996, с. 385–386], прежде всего, с ускорением времени, многозадачностью и ростом объема получаемой информации.

Явление вежливости – категория одновременно этическая и прагматическая, связанная со сложившимися в обществе представлениями об этических нормах поведения, в том числе речевого [Формановская 2007, с. 98–99].

В ходе данного исследования были рассмотрены побудительные речевые акты датского языка на материале современных сериалов («Theog og den magiske talisman», «Bedrag», «Mens vi presser citronen», «Rejseholdet»), далее – Theog, Bedrag, MVPC и Rejseholdet соответственно), а также роман Мортена Папе (Morten Pape) «Planen» (далее – Planen). Большинство коммуникативных ситуаций относились к бытовому общению при симметричных отношениях (ребенок – ребенок, супруг – супруга, коллега – коллега), а также отношениях «сверху – вниз» и «снизу – вверх» (родитель ↔ ребенок, учитель ↔ ученик, начальник ↔ подчиненный). Основная гипотеза исследования состоит в том, что переход на «ты» в конце 1960-х гг. привел не только к перестройке системы

местоимений, но и к изменениям на многих языковых уровнях, в том числе в отношении побудительных речевых актов.

Коммуникативные ценности датской культуры

Культура, язык, коммуникация – понятия взаимосвязанные и системные. В основе любой культуры лежит определенная система ценностей, выступающих в качестве основных жизненных ориентиров и находящихся отражение в языке и коммуникации. Как справедливо отмечает Т. В. Ларина, «познавая другую культуру, люди, как правило, болезненно реагируют на различия в ценностной системе, исходят из своих представлений о значимости тех или иных ценностей, что порой приводит к достаточно резким суждениям и оценкам» [Ларина 2009, с. 57–58]. Казалось бы, проявление уважения и внимания к собеседнику должно входить в систему ценностей любой европейской культуры, однако на деле оказывается, что «вежливое / невежливое поведение понимается в разных культурах по-разному и соответственно имеет различные формы проявления» [там же, с. 130.] Показательно мнение британского журналиста, автора книги о скандинавах М. Бута:

«С точки зрения англичанина, датчане кажутся фантастически грубыми и невежливыми людьми. Как-то мне объяснили это явление как своего рода “извращенный эгалитаризм”: Ты ничем не важнее, чем я, поэтому у меня есть полное право толкнуть твою тележку в супермаркете» (*Бут М. Почти идеальные люди М.: «Э», 2017. 512 с.*).

В чем же причина того, что при всей близости британской и датской культуры датчане кажутся англичанам грубыми и невежливыми людьми?

Во-первых, как отмечают К. Левисен и С. Уотерс, само понятие «вежливость» (*politeness / høflighed*) не играет такой большой роли в датском социальном дискурсе, в отличие от понятий «*hygge*» (хюгге) и «*tryghed*» (ощущение защищенности) [Levisen, Waters 2015, s. 249]. Во-вторых, если в английской культуре обязательным условием успешной коммуникации является активное использование многочисленных знаков внимания в адрес собеседника и подчеркнутое уважение к его личной автономии (*privacy*) (*здесь и далее жирный шрифт авт. – Е.Г.*) [Ларина 2009, с. 425], т. е. в коммуникативном

фокусе вежливого общения доминирует *форма*, то в датской культуре, прежде всего, ценится естественность, прямота и равенство (*lighed*) [Levisen, Waters 2015, s. 256], т. е. доминирует *содержание*. Так датчане, говоря по-английски, часто игнорируют *please* как маркер вежливости, поскольку воспринимают его как маркер более личного общения, чем это предполагает, например, ситуация общения покупателя с продавцом [Levisen, Waters 2015, s. 252].

Если сравнивать датский и русский стили коммуникации, то, казалось бы, точек соприкосновения должно быть больше, ведь и в русской культуре в иерархии ценностей высокое положение занимают прямота, правдивость и естественность [Ларина 2009, с. 425]. Однако, если манера общения датчан многим европейцам кажется слишком неформальной и прямолинейной, то русский язык для датчан звучит как «язык команд» (*kommanderende sprog*), т. е. кажется еще более прямолинейным и категоричным, чем датский.

Это прежде всего объясняется разницей в исторически сложившемся типе социальных отношений – вертикальной и горизонтальной дистанции. Для российской культуры характерен высокий индекс дистанции власти, при котором большие коммуникативные права у тех, кто обладает более высоким статусом [там же, с. 147], а в датской культуре он максимально низкий, так как в системе ценностей огромную роль играет *равенство* и *равноправие*, о чем свидетельствует общение на «ты» не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, начальниками и людьми старшими по возрасту. В отношении горизонтальной (социальной) дистанции также наблюдаются различия. Русские коммуниканты исторически не разделены большой горизонтальной дистанцией. «В процессе общения русский человек ощущает себя частью коллектива, он уверен в том, что его интересы, проблемы, желания, советы и мнения интересуют собеседников и найдут в них отклик» [там же, с. 426]. Несмотря на то, что для датского общества также характерна общинность и коллективизм, горизонтальная дистанция среди датских коммуникантов, по нашим представлениям, гораздо больше: во-первых, датская культура подвержена процессам глобализации и культурной диффузии, в результате которых она все больше приобретает черты индивидуалистской культуры, а, во-вторых, ключевые понятия датской лингвокультуры *hygge* и *tryghed* предполагают включение в свой ближний круг

ограниченного количества людей, которые четко делятся на своих и чужих, при этом преодолеть этот барьер порой оказывается весьма не просто [Knudsen 1996, с. 12–19].

В русском языке имеется не столь богатая система средств модальности, как в датском, поэтому волеизъявления часто выражены формой императива, причем в рамках русской лингвокультуры форма императива не соотносится с негативными коннотациями. Императивность в общении возникает в том случае, если говорящий либо уверен в высоком уровне солидарности, либо обладает определенной властью над собеседником, при этом в последнем случае коммуникативное воздействие на адресата воспринимается как естественное [Ларина 2009, с. 426].

Императивные высказывания

Директивные речевые акты предполагают, что независимо от оформления высказывания у слушающего нет выбора, совершать действие или нет, при чем чаще всего действие слушающего осуществляется в интересах говорящего. В учебниках датского языка приводятся следующие речевые формулы для выражения приказа / просьбы «Закрой дверь»:

Luk **lige** døren
 Luk døren
 Luk **nu** døren
 Luk **så** døren
Tag nu og luk døren
 Luk **dog** døren
Så luk **dog den** dør
Tag så og luk **den** dør
Kan du så se at få lukket **den** dør!
Nu skal du **fandeme** lukke **den** dør!

Данные примеры являются иллюстрацией прямого коммуникативного воздействия на собеседника, причем они расположены таким образом, что это воздействие возрастает сверху вниз. За исключением двух последних примеров во всех высказываниях волеизъявление выражено формой императива. Маркерами, усиливающими волеизъявление, являются частицы *nu*, *så*, *dog*, двойной императив и указательное местоимение *den*. Необходимо отметить, что роль модальных частиц

в датском языке очень велика, они используются для выражения разных прагматических оттенков в различных коммуникативных ситуациях [Durst-Andersen 2011; Крылова 2012]. Т. К. Кристенсен отмечает, что модальные частицы нюансируют коммуникативные оттенки побудительной семантики императива, императив, в свою очередь, накладывает ограничения на сочетаемость, а контекст помогает выявить тип директивного речевого акта [Christensen 2009, с. 66]. По мнению Э. Хансена и Л. Хельгофта, модальные частицы *så* и *nu* в комбинации с императивом используются в речевом акте *приказ*. В случае с конструкцией 'Imperativ + nu' говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил соответствующее действие, однако предполагает отсутствие желания с его стороны, а в случае с конструкцией 'Imperativ + så' говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил соответствующее действие, однако выполнение этого действия не является само собой разумеющимся [Hansen, Heltoft 2011, с. 1047].

Единственным весьма *относительным* маркером вежливости среди указанных примеров является частица *lige*. По мнению К. Левисен и С. Уотерс, несмотря на то, что датчане не обучают своих детей волшебному слову LIGE, для датской культуры оно является особой культурно-специфичной лексемой, которая отражает некую социальную норму, где предпочтение отдается неформальному, но обезличенному стилю в использовании директивов в социальной сфере [Levisen, Waters 2015, с. 261].

В рамках теории «Единого семантического метаязыка» А. Вежицкой исследователи составляют следующий культурный скрипт для частицы *lige* в контексте «Luk lige døren!»:

- a. Jeg siger: Jeg vil ha' dig til at gøre noget nu (at lukke døren)
Я говорю: Я хочу, чтобы ты что-то сейчас сделал (закрыл дверь)
- b. det er ikke noget stort, du kan gøre det på et øjeblik
это не составит труда, не займет много времени
- c. det kan ikke være dårligt for dig at gøre det
тебе не будет от этого плохо
- d. folk gør mange ting ligesom det her på mange tidspunkter
люди часто делают подобное
- f. derfor tænker jeg sådan: du vil gøre det herefter
поэтому я думаю так: значит, ты это сделаешь [Levisen, Waters 2015, с. 260].

Таким образом, частица *lige*, используемая в директивах, сигнализирует о незначительности услуги, оказываемой слушающим, однако несмотря на уменьшение угрозы со стороны говорящего, его волеизъявление оказывается **навязанным**, так как, используя частицу *lige*, говорящий сам решает за слушающего, насколько незначительна его просьба.

В учебной литературе изучающим датский язык советуют использовать форму изолированного императива с осторожностью, так как она может восприниматься невежливо. Однако корпус отобранных примеров свидетельствует о том, что в ситуациях бытового общения и неформального общения среди коллег форма изолированного императива используется чаще всего:

- Девочка-подросток другу-однокласснику (симметричные отношения):

Theo, *hjælp* mig. – «Тео, помоги мне» (*Theo, afsnit 4, 13:28*).

- Жена мужу (симметричные отношения):

Ring til politiet. – «Позвони в полицию» (*Theo, afsnit 20, 20:33*).

При асимметричных статусных отношениях «сверху-вниз» в ситуациях неформального общения, а также в официальной обстановке использование формы изолированного императива также вполне допустимо:

- Полицейский-руководитель – коллеге:

Få fat i låsesmeden. – «Свяжись со слесарем» (*Bedrag III, afsnit 5, 34:16*).

- Судья обвинителю на заседании:

Få din efterforsker *i snor*. – «Приструни своего следователя» (*Bedrag III, afsnit 5, 13:36*).

Как в датском, так и во многих других языках форма императива может выражать такие речевые акты, как приказ, просьба, требование, разрешение, совет и пожелание. Интерпретация конкретного употребления императива зависит от интонации, контекста и прагматических факторов. По мнению В. С. Храковского, в каждом конкретном языке «есть столько семантических интерпретаций

повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [Храковский 1990, с. 204]. Анализ материала позволил сделать вывод о том, что в форме изолированного императива для выражения речевого акта приказа / просьбы используются акциональные глаголы (движения, речевого и ментального действия), среди которых самыми частотными оказались глаголы *give* «давать», *komme* «приходить», *vente* «ждать», *tage* «брать», *ringe* «звонить» и *fortælle* «рассказывать». В форме изолированного императива, как правило, употребляются устойчивые выражения, передающие приказ, просьбу, совет и пожелание (1), а также некоторые этикетные формулы (2):

1. Hold kæft! – «Заткнись!»
Se dig for! – «Смотри, куда идешь!»
Tal ordentligt. – «Повезливее!» (досл. Говори прилично)
Lad mig være! – «Отстань!»
Tag det roligt. – «Успокойся».
Slap af. – «Расслабься / успокойся».
Pas på dig selv. – «Береги себя».
2. Sid ned. / Sæt dig (jer) ned. – «Присаживайся (присаживайтесь)».
Kom ind / indenfor. – «Входи(те)».

Таким образом, при симметричных статусных отношениях и асимметричных отношениях «сверху-вниз» прямое коммуникативное воздействие без употребления маркеров вежливости вполне приемлемо. К единичным маркерам вежливости, употребляемым с формами императива, можно отнести оборот *vær sød at gøre noget* (4) и ласковое обращение при общении с близкими людьми (4):

- Ники больной жене:
 3. Hvad er der sket, Lina? *Vær sød at fortælle* mig lidt. – «Что произошло, Лина? Расскажи мне, пожалуйста» (*Bedrag III, afsnit 2, 15:32*).
- Мама дочке:
 4. *Tag* hans hånd, *skat*. – «Возьми его за руку, милая» (*Theo, afsnit 23, 2:15*).

Императивные формы глаголов *huske*, *skynde sig*, а также двойной императив чаще всего используется для передачи речевого акта

совета, который предполагает действие слушающего с собственных интересах. Среди отобранных примеров подобные сочетания, как правило, употреблялись без каких-либо маркеров вежливости:

- Преступник случайному знакомому:

Husk, du skylder mig en tjeneste, Finn. – «Не забудь (досл. помни), что у тебя есть должок, Финн» (*Rejseholdet, afsnit 26, 22:39*).

- Мама-сыну:

Tobias, *gå op og sov*. – «Тобиас, иди поспи» (*Rejseholdet, afsnit 23, 53:56*).

В отдельную группу выделяется модель **prøv at gøre noget**:

- Коллега-коллеге:

Prøv at ringe til hende. – «Попробуй позвонить ей» (*Bedrag III, afsnit 7, 27:00*).

Это выражение часто сочетается с частицей *lige* и глаголами чувственного восприятия *se* и *høre*, причем если императив глагола зрительного восприятия *se* чаще каузирует совершение указанного действия (1), то императивная форма глагола слухового восприятия *høre* чаще употребляется в качестве прагматического маркера привлечения внимания (2). Подобные императивные формы не являются необходимыми для каузации, с целью которой говорящий производит данное речевое действие, а выполняют структурирующую функцию при выстраивании диалога [Гусева 2016, с. 180].

1. Судмедэксперт начальнице спецподразделения полиции, указывая на порезы на коже умершей девушки:

Prøv lige at se her. – «Вот посмотри» (*Rejseholdet, afsnit 27, 17:16*).

2. Полицейский коллеге, которого он уговаривает начать поиски пропавшей племянницы:

Prøv lige at høre. Jeg har en virkelig dårlig fornemmelse. – «Ну, послушай. У меня действительно скверное предчувствие» (*Rejseholdet, afsnit 27, 4:33*).

Императивные комплексы с частицами *lige*, *nu*, *så*, нюансирующими различные прагматические смыслы в речевых актах приказа /

просьбы, также составляют довольно большую группу примеров. Они частотны как при симметричном отношении, так и отношениях «сверху-вниз». Кроме этого, было зафиксировано большое количество примеров с частицей *bare*, как в препозиции, так и в постпозиции к смысловому глаголу. Как отмечает Э. Б. Крылова, конструкция из формы императива с частицей *bare* в постпозиции формирует в структуре диалога речевой акт разрешения [Крылова 2012, с. 78].

- Полицейский:
Så går vi med herved? – «Так мы туда идем вместе с вами?»
- Начальник:
Ja, *kom bare* med. – «Да, давайте» (*Bedrag III, afsnit 1, 36:00*).

Препозиция *bare* к императивной форме сигнализирует слушающему, что для достижения желаемого результата ему необходимо предпринять простое минимальное действие, каузируемое глаголом [Крылова 2012, с. 79]:

- Партнер по преступному бизнесу Ники:
Bare sæt dig ned. Og slap af. – «Давай садись и расслабься» (*Bedrag III, afsnit 4, 35:10*).

Декларативные, экспрессивные и вопросительные высказывания

К другим способам выражения прямого волеизъявления относятся декларативные высказывания с перформативными глаголами, используемые при асимметричных отношениях «сверху-вниз», в формальных ситуациях (1) или ситуациях настойчивой просьбы (2):

1. Начальник полицейскому:

Jeg *giver dig direkte ordre* ikke at vise dig ved det vekselbureau igen. Er det forstået? – «Я тебе приказываю (*досл.* даю тебе прямой приказ) не показываться возле этого обменника. Понятно?» (*Bedrag III, afsnit 4, 12:04*).

2. Мама Тео медбрату:

Jeg *vil godt bede dig* gøre det ordentligt. – «Я хотела бы попросить вас делать это тщательно» (помыть ее отца, который лежит дома в коме) (*Theo, afsnit 4, 4:05*).

В отличие от английского языка, где норма, запрещающая использование перформативной формы глагола *to ask* «просить» даже сильнее, чем норма, накладывающая запрет на использование императива [Вежбицкая 2007, с. 138], в датском языке сочетание модальных глаголов и глагола *at bede* «просить» вполне допустимо в ситуациях формального общения и воспринимается как формула вежливости, особенно с модальной частицей *godt*.

Форма презенса также может быть использована для передачи волеизъявления, как правило, в инструкциях (1) или требованиях (2). Часто говорящий не предполагает немедленного исполнения действия слушателем, т. е. волеизъявление ориентировано на будущее.

1. Подросток своим друзьям:

Jens, du filmer. – «Йенс, ты снимаешь» (*Theo, afsnit 13, 6:39*).

2. Муж Анне:

Det der, det lukker du ned! (hvidvaskning) – «Ты это немедленно прекратишь!» (отмывание денег) (*Bedrag III, afsnit 5, 7:47*).

Форма презенса также может сочетаться с модальными частицами *lige* и *bare*, которые нюансируют волеизъявление, однако не оставляют слушающему выбора, осуществлять действие или нет, и не могут быть отнесены к маркерам вежливости.

Более экспрессивной функцией, чем императив, обладает модель «*ni* в препозиции + презенс», где *ni* выступает в функции обстоятельства. Как правило, подобные волеизъявления эмоционально окрашены, а на письме передаются восклицательными предложениями:

- Классный руководитель ученикам:

Nu sætter I jer ned, alle sammen! – «Все сели, живо!» (*Planen, s. 221*).

- Начальник полицейскому:

Nu får du fandeme noget fart på, Jæwer. Kom nu. – «Давай, черт тебя Йеуер дери, беги. Ну давай же» (*Bedrag III, afsnit 3, 15:46*).

Как отмечает Т. В. Ларина, в английской коммуникации даже при отсутствии прагматической опции высказывание может оформляться при помощи вопроса, т. е. модели, содержащей семантическую опцию. «Таким образом создается иллюзия опции, которая якобы

предлагается адресату, в результате чего уменьшается степень воздействия на него и высказывание приобретает более вежливое звучание» [Ларина 2009, с. 210]. В датском языке подобные вопросы довольно частотны и характерны для вежливого неформального общения.

Вопросы с глаголом в настоящем времени, а также глаголом *gide* «хотеть», как правило, используется с маркерами *ikke*, *lige*, *ikke lige*, *godt*. Отношения между коммуникантами, как правило, симметричные или «сверху вниз»:

- Мама детям:

Kommer I ikke ud og sig hej til gæsterne? – «Может, вы выйдете и поприветствуетесь с гостями?» (*Theo, afsnit 23, 13:48*).

- Начальник-полицейский:

Stine, går du lige med? – «Стине, можно тебя на минутку?» (*Bedrag III, afsnit 7, 55:14*).

- Лотте кричит подруге:

Og *gider* du *godt lade være med* at flirte med min nabo, Sigrid! – «И может, хватит флиртовать с моим соседом, Сигрид!» (*MVPC, afsnit 3, 20:54*).

Вежливый вопрос в форме презенса с выражением «*er du sød + Inf.*» (досл. ты будешь милым + инф.) функционально соответствует русскому «пожалуйста». С ним также часто используется частица *lige*, сигнализирующая о незначительности услуги:

- Начальник-полицейский подчиненному:

Er du sød lige at komme ind på mit kontor? Og *sluk lige* den cigaret. – «Зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет. И сигарету потуши-ка» (*Bedrag III, afsnit 9, 42:56*).

Письменный речевой этикет оказывает влияние на устную разговорную речь, о чем свидетельствует вежливый оборот «*må gerne + Inf.*», как правило, использующийся в письменных просьбах, но семантически связанный с речевым актом разрешения:

- Сотрудник спецотдела полиции надиктовывает просьбу на автоответчик:

Helene, du *må meget gerne ringe*, når du hører det her. Tak. – «Хелена, перезвони мне, пожалуйста, когда это услышишь. Спасибо» (*Rejseholdet, afsnit 27, 40:16*).

К лексическим средствам, выступающим в качестве маркеров вежливости, относится суперлатив прилагательного *venlig* «приветливый, дружелюбный», который также, как правило, используется в письменной речи, однако иногда встречается и в разговорной:

Er der nogen der *venligst* kan fortælle mig hvorfor i alverden Guled lige nu er nede hos sundhedsplejersken med en flækket læbe? – «Кто-нибудь может мне объяснить [пожалуйста], почему Гулед в данный момент находится в медкабинете с рассеченной губой?» (*Planen, 221*)

Также к лексическим маркерам вежливости относится английское заимствование *please*. К. Левисен и С. Уотерс отмечают, что оно, как правило, имеет более узкую прагматическую функцию, являясь «*please of begging*» (попрошайническим «пожалуйста») и произносимым с долгим гласным с особой интонацией: *pleeeeeeeease!* [Levisen, Waters 2015, с. 250].

Собранный материал действительно свидетельствует об использовании данной лексемы в настойчивых просьбах:

- Поросток Тео:
Hjælp! Vi er hernede! – «Помогите! Мы здесь внизу!»
- Его подруга Симоне:
Please, er der ikke nogen? – «Ну пожалуйста, кто-нибудь?» (*Theo, afsnit 6, 6:50*)

Выводы

Таким образом, отсутствие маркера вежливости типа «пожалуйста», выход из употребления многих вежливых оборотов, переход на «ты» формально характеризуют датское коммуникативное поведение как стиль с низким уровнем вежливости. На самом деле датский язык обладает достаточно большим разнообразием средств выражения вежливости, но они часто не выражены эксплицитно, а обусловлены интонацией и в целом датским стилем коммуникации,

где ценится прямота, естественность и демократичность. При симметричных статусных отношениях и асимметричных отношениях «сверху-вниз» прямое коммуникативное воздействие без употребления маркеров вежливости в датской лингвокультуре вполне приемлемо. Кроме того, большую роль играют модальные частицы, которые нюансируют прямое волеизъявление в форме императива, а также вопросительные предложения, создающие иллюзию прагматической опции и имеющие более вежливое звучание. Частица *lige*, используемая в директивах, является особой культурно-специфичной лексемой, которая сигнализирует о незначительности услуги, оказываемой слушающим, однако несмотря на уменьшение угрозы со стороны говорящего, его волеизъявление оказывается навязанным, так как, говорящий сам решает за слушающего, насколько незначительна его просьба. К лексическим маркерам вежливости относится английское заимствование *please*, суперлативная форма *venligst*, а также оборот «*må gerne + Inf.*», обычно использующийся в письменных просьбах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бут М. Почти идеальные люди М.: Издательство «Э», 2017. [Booth, M. (2017). *Pochti ideal'nye lyudi (The Almost Nearly Perfect People)*. М.: Izdatel'stvo "E". (In Russ.)].
- Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. 2007. Вып. 5. С. 131–159. [Vezhbitskaya, A. (2007). *Angloyazychnye stsenarii protiv «davleniya» na drugikh lyudei i ikh lingvisticheskie manifestatsii (English language scenarios versus “pressing” other people and their linguistic manifestations)*. *Zhanry rechi*, 5, 131–159. (Genres and Culture). (In Russ.)].
- Гусева Н. К. Императивные глагольные формы как прагматические маркеры (на материале русского и итальянского языков) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 179–189. [Guseva, N. K. (2016). *Imperative verbal forms as pragmatic markers (on the material of Russian and Italian languages)*. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 15(4), 179–189. (In Russ.)].
- Крылова Э. Б. Функциональная семантика модальных частиц *bare*, *blot* и *kun* в датском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. 2012. Вып. XII. С. 75–85. [Krylova, E. B. (2012). *Functional semantics of Danish modal particles bare, blot and kun*. *Scandinavica*, XII, 75–85. (In Russ.)].

- Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995): монография / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–408. [Krysin, L. P. (1996). *Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi* (Euphemisms in Modern Russian Speech). In E. A. Zemskaja (ed.), *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya* (1985–1995) (pp. 384–408). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английский и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. [Larina, T. V. (2009). *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskii i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* (Politeness Category and Communication Style: English and Russian Lingvocultural Traditions). Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. (In Russ.)].
- Формановская Н. Н. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. [Formanovskaya, N. N. (2007). *Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsiya i pragmatika* (*Speech Interaction: Communication and Pragmatics*). Moscow: Ikar. (In Russ.)].
- Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Ленинград: Наука, 1990. С. 185–238. [Khrakovskii, V. S. (1990). *Povelitel'nost'* (Imperativity). In A. V. Bondarko (ed.), *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* (pp. 185–238). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Andersen B. Høflighed uden grænser – om du & De og den måde vi behandler hinanden på. Forlaget LIVA, 2014. 423 s. (In Dan.)
- Christensen T. K. Tag nu bare økomælken: Om imperative og modalpartikler i dansk // Dramatikken i grammatikken: Festskrift til Lars Heltoft. Roskilde: Roskilde University, 2009. S. 51–67. (In Dan.)
- Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. Kbh. Hans Reitzels Forlag, 2011. 200 s. (In Dan.)
- Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog, Bind II. Det Danske Sprog og Litteraturselskab, 2011. 1167 s. (In Dan.)
- Knudsen A. Her går det godt, send flere penge. Gyldendal, 1996. 135 s. (In Dan.)
- Levisen C., Waters S. Lige, a Danish “magic word”? An ethnopragmatic analysis // International Journal of Language and Culture 2:2 (2015). P. 244–268. (In Dan.)
- Olesen P. Høflighed - hvad blev der af den? København, 2009. (In Dan.)
- Palmgren U.G. Diskret som en dansker // Håndbog i høflighed – kulturelle koder i 11 EU-lande. København, 2008. S. 9–12. (In Dan.)
- Steno T. Længsel efter faste former – en temperatur på dansk høflighed og vores omgang med hinanden. København: Multivers, 2011. 109 s. (In Dan.)

УДК 811.113.6

А. М. Дементьева

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: aleksandra.dementieva@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЛАНДСКОГО ВАРИАНТА ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные лексические характеристики аландского регионального варианта шведского языка. Анализ является продолжением начатого ранее исследования лексики шведского языка Финляндии. Структурно-этимологическому анализу были подвергнуты 466 лексем, составляющих содержание словаря Р. Свенблада «Lilla åländska ordboken». В результате выделено три группы аландизмов: собственно аландизмы, которые встречаются только на Аландах, финляндизмы, употребляемые по всей Финляндии, и диалектизмы, использующиеся, помимо аландского, в других диалектах шведского языка. В статью подробно рассматриваются особенности каждой из этих групп.

Ключевые слова: финляндский вариант шведского языка; диалект; шведский язык; лексикология; Аландские острова.

A. M. Dementieva

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian Languages, Dutch and Finnish, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: aleksandra.dementieva@gmail.com

SOME LEXICAL FEATURES OF ÅLAND SWEDISH

The article focuses on the main lexical characteristics of the Åland regional version of Swedish. The analysis continues of the author's study of vocabulary of the Swedish language in Finland. The 466 words that make up the contents of R. Svenblad's *Lilla åländska ordboken*. were subjected to a structural-etymological analysis, and as a result three groups of alandisms have been distinguished – alandisms proper that are found only in Åland, finlandisms used throughout Finland, and dialectisms that, in addition to Åland, are used in other dialects of the Swedish language. Features of these groups are described in detail in the article.

Key words: Fenno-Swedish; dialect; the Swedish language; lexicology; Åland.

Аландские острова – это принадлежащий Финляндии архипелаг, расположенный на входе в Ботнический залив Балтийского моря. Единственный город архипелага – Мариехамн. По состоянию на конец 2018 года 86,8% местного населения, или 25 847 человек, указывают

в качестве родного шведский язык [Ålands statistik-och utredningsbyrå 2018]. Финским языком как родным владеет чуть менее пяти процентов жителей.

До начала XIX в. Аландские острова, как и остальная территория Финляндии, принадлежали Швеции. После поражения в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Швеция уступила архипелаг России, а после провозглашения в 1917 г. независимости Финляндии Аландские острова остались в ее составе и получили статус демилитаризованной автономии.

Интерес к аландскому диалекту обусловлен необычной социолингвистической ситуацией на Аландах. Специфика заключается, во-первых, в том, что шведский является языком национального меньшинства Финляндии, однако на Аландах это язык большинства населения [Nelson 2016]. Во-вторых, в отличие от материковой Финляндии, на Аландских островах финно-угорское население количественно никогда не преобладало над германским; жители островов поддерживали тесные связи в первую очередь со Швецией. После того как Аландские острова стали частью независимой Финляндии, шведский язык сохранил здесь статус единственного официального языка. В отличие от других регионов страны, изучение финского языка не является обязательным для аландских школьников, говорящих по-шведски. Благодаря всему этому финское влияние на аландский диалект всегда было менее сильным, чем на шведский язык материковой Финляндии, носители которого издавна более активно контактировали с финнами и заимствовали финскую лексику. Аландский региональный вариант представляет интерес для лингвистов также потому, что его северо-восточные говоры отличаются особой архаикой в фонетическом и морфологическом строе, причем настолько, что носителям этих говоров до недавнего времени было легче понимать исландский, чем стандартный шведский [Sundberg 1993].

В задачи исследования, результатам которого посвящена эта статья, входило комплексное изучение этимологических и структурно-семантических особенностей лексики аландского регионального варианта шведского языка, а также количественный анализ различных групп лексики на основе их происхождения. Настоящее исследование является продолжением изучения лексических особенностей финляндского варианта шведского языка, начатого нами ранее [Дементьева 2018].

Исследование проводилось на основе данных словаря Р. Свенблада «Lilla åländska ordboken» («Маленький аландский словарь») [Svenblad 2013]. На сегодняшний день это единственный современный словарь лексики аландского диалекта, а его автор Р. Свенблад – наиболее активный исследователь и популяризатор аландского диалекта. Лексика для анализа была отобрана методом сплошной выборки и охватывает 466 единиц, в число которых однако не вошли фразеологизмы. Новизна исследования заключается в отсутствии комплексных научных описаний особенностей современного лексического состава аландского варианта шведского языка.

Важно отметить, что в данном исследовании основное внимание уделялось структурно-семантическим особенностям аландской лексики, а не особенностям ее употребления. Поэтому материал из различного рода текстов привлекается нами лишь для описания семантических особенностей того или иного слова.

Необходимо также учитывать, что аландский региональный вариант шведского языка разделяют на две группы диалектов – восточную и западную. По этой причине существует лексика, которая встречается в одной группе диалектов и отсутствует другой. В настоящем исследовании мы стремились рассматривать только те слова, которые употребляются на Аландах повсеместно или практически повсеместно.

Анализ аландской лексики по ее распространенности позволяет разделить материал на три основные группы: собственно аландизмы, встречающиеся исключительно на Аландских островах, финляндизмы, употребляемые на всей территории Финляндии, и диалектизмы, встречающиеся, помимо аландского, и в других диалектах шведского языка.

1. Аландизмы

Аландизмы, в свою очередь, разделяются в нашем исследовании на пять видов: самостоятельные аландизмы, семантические аландизмы, архаизмы, фонетико-морфологические варианты и заимствования из разных языков.

а. Самостоятельные аландизмы

К данной группе, которая, по полученным данным, наиболее многочисленна (315 единиц), относится аландская лексика, сформировавшаяся самостоятельно без какого-либо влияния других языков, заимствования

из русского и английского языков и фонетико-морфологические варианты слов стандартного шведского языка (шв. *standardsvenska*).

Наибольшую подгруппу составляют аландизмы, сформировавшиеся без влияния других языков. Это неоднородная лексика, включающая слова, относящихся к разным частям речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, междометия).

Существительные в этой подгруппе представлены 137-ю лексемами, образованными различным способом. Наиболее продуктивный способ словообразования – основосложение (94 единицы), например: *träkarl* «умелый столяр» (*trä* «дерево» + *karl* «мужчина»), *älskarblomma* «ромашка» (*älskare* «любовник» + *blomma* «цветок»), *orrkoja* «развалюха, ветхое жилище» (*orre* «тетерев» + *koja* «шалаш»).

Часть этих композитов образована из лексем стандартного шведского языка (таковы все приведенные выше слова), однако в исследованном материале встретились и существительные, образованные с использованием основ, отсутствующих в шведском языке Швеции: *tövelbock* «недотепа, неуклюжий» – от *tövel* «неловкое поведение» и *bock* «козел». *Tövel* является производным от глагола *tövla* «свалиться, копаться, перепутать». Обе эти лексемы встречаются преимущественно на Аландских островах и упоминаются еще в аландских словниках XIX в. [Svenblad 2008]. Заметим, что *tövla* присутствует в словаре *Finlandssvensk ordbok*, что отчасти позволяет отнести его к общеупотребительным финляндизмам. Однако оно снабжено пометой *åländska*, а значит, что хотя это слово и знакомо большинству носителей финляндского варианта шведского языка, оно имеет выраженную диалектную окраску.

Существуют также композиты, образованные с помощью диалектных лексем, например, *stadsfrasse* «городской житель» – от *stad* «город» + *frasse* «кот». *Frasse* является диалектизмом, который встречается в регионах Финляндии и шведской провинции Норрланд [SAOB], [Ordbok över finlandssvenska folkmål].

Выделяется также немало композитов, образованных на основе контаминации лексем стандартного шведского языка, например, аланд. *gräspigg* «всходы травы» – ст. шв. *gräsbrodd* (*gräs* «трава» + *pigg* «колючка, шип» / *brodd* «поросль»).

Помимо композитов среди существительных-аландизмов выделяется слова, фонетический облик которых ярко характеризует

обозначаемое ими явление: *pyl* «сыпь», *plusk* «фиаско», *rickelrackel* «беспорядок», *kravel* «спор, ссора», *golla* «плевок». Также были обнаружены непроеизводные существительные, корневая морфема которых отсутствует в стандартном шведском, такие как *hadd* «ручка, петля», *gäla* «огороженное поле», *röj* «тростник», *tärja* «трещина во льду», *növla* «затычка на дне лодки».

Прилагательные, относящиеся к рассматриваемой подгруппе, представлены 24-мя единицами. Большинство из них образованы с помощью высокопродуктивного суффикса *-ig*: *vilig* «замечательный», *kollig* «глуповатый, ребячливый», *tövlig* «неловкий». Многие из этих прилагательных образованы от существительных, не встречающихся в стандартном шведском языке, например *pallrig* «безумный, неадекватный» от аланд. *pallra* «болтать вздор».

Помимо прилагательных с суффиксом *-ig*, встречаются адъективированные причастия: *urväntad* «измученный ожиданием», *urskind* «выгоревший», образованные с помощью предлога *ur* «из» и причастий глаголов *vänta* «ждать» и *skina* «сиять, светить».

Остальные типы прилагательных представлены незначительно, это такие слова, как *göranslös* «праздный», *jonsk* «высокомерный» и др.

В рассмотренном материале было зафиксировано 62 глагола. Практически все они являются оноματοпоэтическими или своим звучанием описывают обозначаемое действие. Характерные примеры: *bolla* «пузыриться», *spalla* «барахтаться, биться на крючке», *st(r)ackla* «спотыкаться, идти с трудом», *stula* «спотыкаться», *dröna* «глухо мычать», *pita* «плакать». У многих таких глаголов нет точно очерченного значения – они обозначают нечто негативное в зависимости от контекста, что типично для диалектной лексики, употребляющейся в основном в устной речи. Так, у глагола *florra* отмечаются значения «фыркать», «болтать», «хвастаться», «чавкать». Аналогичный пример – глагол *gåra*, описывающий различные неприятные, порицаемые действия: «пачкать», «вынюхивать»; «грубить». Этот глагол также служит основой для образования других слов: *gårfull* «пьяный», *gårfågel* «грязнуля; негодяй».

Помимо звукоподражательных, в исследованном материале было обнаружено несколько глаголов, образованных от именных частей речи. Это *tryna* «любопытствовать; делать вылазки по окрестностям» – от *tryne* «рыло», *ågas* «переживать, беспокоиться» – от устаревшего

в стандартном шведском *åga* «беспокойство», *vackra* «распогодиться» – от прилагательного *vacker* «красивый», *sidera* «отложить» – от *sida* «сторона».

Интересен глагол *ungstånda* «дать постоять в печи после запекания», образованный от *ung* «печка» + глагол *stånda*, который в стандартном шведском языке означает «происходить, состояться» и отмечет в SAOL как устаревший. В аландском варианте наблюдается известная трансформация семантики этого глагола, мотивированная его происхождением от существительного *stånd* «положение».

В исследованном материале зафиксировано 17 наречий, большинство из которых образованы в результате контаминации лексем стандартного шведского языка: *oppsomner* (*uppsomner*) «вверх дном» – станд.шв. *uppochned*; *ut som in* «наизнанку» – станд. шв. *ut och in*. Особый интерес представляет аландское наречие *till finbårs* «на праздничный случай», образованное по модели шведского наречий *till vardags* «обычно», *till sjöss* «на море» с предлогом *till* и застывшей формой генитива.

б. Семантические аландизмы

Наряду с аландизмами, которые сформировались как самостоятельные цельные слова, можно выделить семантические аландизмы, т. е. лексемы, которые имеются и в финляндском шведском или стандартном шведском языке, но в аландском варианте несколько отличаются по значению. В нашей выборке оказалось 23 такие единицы.

У таких слов наблюдается сдвиг семантики по сравнению со стандартным шведским. Так, глагол *krusa*, одно из значений которого в стандартном шведском языке – «подлизываться, льстить», в аландском региональном варианте означает «ласкать, гладить»:

Pojken läser rätt sakta och krusar hundens mage¹. – «Мальчик очень медленно читает и поглаживает собаку по животу».

Как видно из примера, значение глагола *krusa* упростилось. Существуют также слова, семантика которых в аландском варианте сузилась или усложнилась. К примеру, *stake* в стандартном шведском означает «кол, шест», а в аландском варианте слово получило значение «мощный стебель; картофельная ботва»:

¹ Пример заимствован с сайта аландской газеты «Nya Åland». URL: nyan.ax.

Ragni drar upp en stake och visar på de små knölnarna där under. – «Рагни выдергивает стебель и показывает на маленькие клубеньки под ним» (пример по: [Svenblad 2013]).

Интересный случай представляет собой глагол *skräda*, который в стандартном шведском языке означает «очищать, просеивать» и в основном употребляется в составе фразеологизма *inte skräda orden* «не выбирать выражения» [SAOL]. На Аландах глагол приобрел значение «чистить ягоды»:

Till kaffedags arbetade jag med stickelbär, skrädde och plockade 2,5 kg i trädgården. – «Перед тем, как пить кофе, я занимался крыжовником, очистив и собрав в саду 2,5 кг» (пример по: [Svenblad 2013]).

в. Архаизмы

В аландском региональном варианте имеется также незначительное количество лексики, устаревшей в стандартном шведском языке, в исследованном материале это 9 лексем. Наиболее интересным представляется прилагательное *ram* «такой, где водятся привидения». По данным словаря Шведской академии, это устаревшее прилагательное сохраняется в основном в Финляндии и употребляется в конструкциях типа *Där är ramt* – «Там водятся призраки» [SAOB].

г. Фонетико-морфологические варианты

В аландском варианте встречаются также фонетико-морфологические варианты литературной шведской лексики. Так, аландский глагол *läka* «течь» с кратким согласным *k* и долгой ударной гласной *ä* является фонетическим вариантом глагола *läcka* – с краткой *ä* и долгим *k*. В исследованном материале было обнаружено 25 подобных лексем.

д. Заимствования

В проанализированном материале встретилось несколько заимствований, преимущественно из русского языка (в XIX в. на Аландах были расквартированы русские войска). Это такие лексемы, как *durak* «дурак; верзила», *kramoj* «больной» (от рус. «хромой»), *tjutt tjutt* «чуть-чуть» и др., всего 8 единиц.

В заключение следует кратко охарактеризовать основные семантические поля аландизмов. В первую очередь выделяется семантическое поле «(Отрицательные) черты характера человека», к которому относится множество лексем (*trynknopp* «тот, кто сует нос в чужие дела», *båndbock* «упрямец», *nojsbock* «крикун, хулиган, нытик», *bortskämd* «испорченный, избалованный», *gruva sig* «жаловаться, ныть»). Пейоративная лексика представлена в таком масштабе, что, например, среди прилагательных лишь одно обозначает позитивное качество – это *vilig* «хороший», в то время как все остальные характеризуют человека негативно (*gårfull* «сильно пьяный», *ovölig* «неосторожный, небрежный» и т. п.).

Многие аландизмы, естественно, связаны с жизнью на морском побережье, поэтому выделяется такое семантическое поле, как «Флора и фауна»: *silris* «плаун», *röj* «тростник», *skogspilt* «клещ», *svärteskamp* «самец турпана обыкновенного» и др. Также имеется значительное число слов, описывающих сельскую жизнь, например, *gäla* «огороженное поле», *potatisstakar* «картофельная ботва», *lisstuga* «маленькая постройка во дворе». Некоторые лексемы можно отнести к семантическому полю «Погода»: *opphålls* «сухая погода», *käringhalka* «сильная гололедица», *boga* «менять направление (о ветре)», *utvatten* «межень».

2. Финляндизмы

К этой группе (77 лексем) относятся слова, употребляемые в Финляндии повсеместно. Выводы о распространенности слова сделаны на основе данных самого современного словаря общеупотребительных финляндизмов *Finlandssvensk ordbok* [af Hällström-Reijonen, Reuter 2010].

Они, в свою очередь, разделяются на фенницизмы (шв. *fennicism*), т. е. лексику, возникшую под влиянием финского языка, и так называемые самостоятельные финляндизмы (шв. *självständiga finlandismer*), которые сформировались в финляндском варианте шведского языка в результате его самостоятельного развития. Две эти группы разделяются на подвиды.

Так, среди фенницизмов выделяются кальки финских существительных, семантические заимствования и несколько других малочисленных групп, таких как заимствования из разных языков через финский язык. Кальками являются такие лексемы, как *egnahemshus*

«коттедж» – от фин. *omakotitalo* (*egna / oma* «свой» + *hem/koti* «родной дом» + *hus / talo* «здание»); *simstrand* «пляж» – от фин. *uimaranta* (*simma / uida* «плавать» + *strand / ranta* «берег»); *sparkkälke* «финские сани» – от фин. *potkukelkka* (*spark / potku* «толчок, пинок» + *kälke / kelkka* «санки»). Семантико-структурные особенности и причины возникновения финляндизмов-калек подробно рассматриваются нами в [Дементьева 2018].

Имеется и несколько семантических заимствований из финского языка, так называемых семантических финляндизмов (всего 8 единиц). Это лексемы типа *kanister*, которой в стандартном шведском обозначается жестяная коробочка для хранения пищи или табака, а в финляндском шведском слово означает «канистра» вслед за финским словом *kanisteri* с тем же значением.

Через финский в финляндский вариант шведского языка попало несколько заимствований из разных языков, например русское *prenika* со значением «пряник, медаль (*шутл.*)». Эта группа лексики также малочисленна – всего 8 единиц.

Самостоятельные финляндизмы представлены 26-ю лексемами. Это, в частности, лексика, которая сформировалась в шведском языке Финляндии в основном путем суффиксации и словосложения, а также контаминации слов стандартного шведского языка. К данной группе относятся, например, *sprakstickor* «бенгальские огни» (от *spraka* «искриться» + *sticka* «палочка»), *jungfrudans* «лабиринт» (от уст. *jungfru* «девица» + *dans* «танец») и некоторые другие.

Кроме того, под самостоятельными финляндизмами в широком смысле можно понимать слова, семантика которых в шведском языке Финляндии претерпела изменения по сравнению со стандартным шведским. Это такие слова, как *bett*, означающее в стандартном шведском «укус», а в финляндском варианте «острие» и «лезвие».

Среди самостоятельных финляндизмов имеются также слова, устаревшие в стандартном шведском языке, например прилагательное *vigulant* «подвижный, бодрый, оживленный». В стандартном шведском это слово имело значение «бдительный; предприимчивый» и устарело уже к началу XX в. [SAOB]. Другой подобный пример существительное *auktionsmäklare* «аукционист», вытесненное в стандартном шведском языке словом *auktionist*. Лексем подобного рода всего 7 единиц.

3. Диалектизмы

Группа диалектизмов, т. е. слов, которые имеются также в других диалектах Швеции и Финляндии, является довольно многочисленной и представлена разными частями речи. К ним мы относим такую лексику, которая упоминается в словаре финляндских диалектов [Ordbok över finlandssvenska folkmål] и в единственном словаре всех шведских диалектов, составленном Ю. Э. Ритцем [Rietz 1862–1867].

Рассмотрим примеры лексики такого рода. *Alla* «морянка» – в стандартном шведском языке *alfågel* – встречается в речи жителей Аландских островов, побережья Ботнического залива, островов вблизи города Турку [Ordbok över finlands svenska folkmål]. Таким образом, это слово встречается почти во всех основных группах финляндских диалектов шведского языка. Интересна его более архаичная (по сравнению с *alfågel*) форма, восходящая к прагерманскому **alliōn* [SAOB].

Также стоит упомянуть формы сравнительной и превосходной степени *välkare* «лучше» и *välkast* «лучший», от полностью устаревшего в стандартном шведском языке прилагательного *välk* (*velk*), которое является, в свою очередь, производным от глагола *vilja* «хотеть» [SAOB]. В аландском диалекте форма положительной степени тоже встречается редко, в отличие от сравнительной и превосходной степени [Svenblad 2008].

Таким образом, по полученным данным, различия в лексическом составе между аландским региональным вариантом и стандартным шведским языком небольшие. В первую очередь они затрагивают слова из сферы бытового общения, связанные с условиями жизни на морском побережье и в сельской местности.

Самая многочисленная группа лексики – это самостоятельные аландизмы, она представлена разными частями речи и образована по различным словообразовательным моделям, свойственным, однако, и стандартному шведскому языку (например, основосложение).

Количество фенницизмов, по нашим данным, незначительно и серьезно уступает собственно аландизмам, сформировавшимся без влияния финского языка. В целом, число заимствований из языков невелико, что вместе с сохранившимися архаизмами указывает на определенную изолированность аландского регионального варианта от шведского языка Швеции и Финляндии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дементьева А. М.* Лексические особенности шведского языка в Финляндии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Demyntyeva, A. M. (2018). *Leksicheskie osobennosti shvedskogo yazika v Finlandii (Lexical Features of Swedish Language in Finland): abstract of PhD in Philology. Moscow (In Russ.)*].
- af Hällström-Reijonen Ch., Reuter M.* Finlandssvensk ordbok. Helsingfors: Schildts förlags Ab, 2010. 190 s. (In Swed.)
- Befolkningens språk, födelseort och medborgarskap 31.12.2014. Ålands statistik- och utredningsbyrå. URL: www.asub.ax/sv/statistik/befolkningens-sprak-fodelseort-och-medborgarskap-31122014 (дата обращения: 19.12.2019). (In Swed.)
- Nelson M.* Språksituationen på Åland – speciell, om inte unik // Litteratur och språk. Eskilstuna: Mälardalens högskola, 2016. S. 157–170. (In Swed.)
- Ordbok över finlandssvenska folkmål. URL: www.kaino.kotus.fi/fo/ (дата обращения: 10.12.2019). (In Swed.)
- Rietz J.* Svenskt dialektlexikon. Ordbok öfver svenska allmogemålet. Del 1–2. Lund : C.W.K. Gleerups förlag, 1862–1867. (In Swed.)
- Sundberg E.* Dialekten i Ålands nordöstra skärgård. Mariehamn: Ålands högskola, 1993. (In Swed.)
- Svenblad R.* Lilla åländska ordbok. Lettland : InPrint, 2013. (In Swed.)
- Svenblad R.* Åländska ord till vardags och till finbärs. PQR-kultur. Litauen. 2008. (In Swed.)
- Svenska Akademiens ordbok. URL: www.saob.se (дата обращения: 01.12.2019). (In Swed.)
- Svenska Akademiens ordlista. URL: spraakdata.gu.se/saohist/ (дата обращения: 01.12.2019). (In Swed.)

УДК 811.112.5

Т. Н. Дренясова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: nedcent@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЧТЕНИЯ И ПЕРЕВОДА НИДЕРЛАНДСКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются основные грамматические и лексические особенности газетного информационного текста в нидерландскоязычной прессе. Анализируются наиболее значимые и специфические аспекты перевода нидерландских текстов на русский язык, знание которых является основой эквивалентности перевода. Исследование основано на обобщении отдельных работ ведущих лингвистов и опыте научной и учебной работы автора по переводу статей медийного дискурса на нидерландском языке из газетных материалов Нидерландов и Бельгии.

Ключевые слова: нидерландский язык; газетный информационный текст; стандартность; грамматика газеты; коллокации; эквивалентность перевода.

T. N. Drenyasova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nedcent@yandex.ru

SPECIFIC ASPECTS OF READING AND TRANSLATING DUTCH NEWSPAPER TEXTS

The article discusses the main grammatical and lexical features of the newspaper information text in the Dutch press. The most significant and specific aspects of translation Dutch texts into Russian are analyzed which knowledge is the basis of translation equivalence. The study is based on a synthesis of individual works by leading linguists and the author's scientific and educational work on translating articles of media discourse in Dutch from newspaper materials in the Netherlands and Belgium.

Key words: the Dutch language; brief news item; clichés and stereotypes; grammar newspaper; lexical collocation; translational equivalence.

Введение

В настоящее время требования к качеству перевода газетного информационного текста, в том числе с учетом массивированного потока информации в интернет-ресурсе, приобретают всё большее

значение. Медийный дискурс в нидерландской газете, как и в газетах на большинстве других германских языков, представлен различными по формату и содержанию текстами, включая наиболее читаемые информационные заметки, которые содержат оперативную информацию общественно-политического, экономического, экологического, культурного и другого характера. Проблемы специфических аспектов перевода газетных публицистических текстов исследованы в работах известных лингвистов: Л. С. Бархударова, М. П. Брандес, В. Н. Комиссарова, В. Г. Костомарова, Л. К. Латышева, В. И. Провоторова, Я. И. Рецкера, А. В. Федорова, М. Я. Цвиллинга, А. Д. Швейцер и др.

В опубликованных работах, в основном, отражаются лексико-грамматические вопросы перевода текстов с английского и немецкого языков на русский. Вместе с тем до настоящего времени практически отсутствуют работы, связанные с особенностями перевода текстов медийного дискурса на нидерландском языке.

Целью настоящей работы является исследование грамматических и лексических аспектов нидерландскоязычного газетного информационного текста, которые должны способствовать пониманию и адекватной и эквивалентной передаче его смысла на русский язык. В качестве основных задач работы следует рассматривать выявление наиболее часто встречаемых грамматических конструкций и характерных лексических словосочетаний в нидерландском медийном дискурсе и способов достижения их эквивалентного перевода на русский язык. Для материала исследования, наряду с общетеоретическими принципами лингвистического анализа перевода с нидерландского языка на русский, использовался опыт научного и учебного процессов по переводу выборок из газетной информации таких нидерландскоязычных изданий 2018–2019 гг. как ежедневные газеты De Volkskrant, NRC Handelsblad (Нидерланды) и De Standaard (Бельгия).

1. Стандартизация и экспрессивность

Основным принципом жанра газетного информационного текста является сочетание стандарта и экспрессии, «предельная сокращенность содержания, которое формируется вокруг основных пунктов «кто», «что», «где», «когда» и «почему» [Брандес, Провоторов 2001].

Речевые стереотипы нормативного и экспрессивного характера появляются в текстах информационного характера из-за частого

повторения тем и ситуаций, происходящих в мире событий. Этот факт обуславливает стилеобразующую черту газетных текстов, основу которой составляет сочетание *стандартизации языковых средств*, придающих тексту единообразию и достижение необходимого коммуникативного воздействия на читателя, *и их экспрессивность* для привлечения внимания к тому или иному факту. Такой стиль газетного текста трактуется В. Г. Костомаровым как лингвистическая «модель», посредством которой «раскрывается как прямолинейно-постоянное и обязательное соотношение экспрессивных и стандартизированных сегментов речевой цепи, действием ориентаций на стандарт и экспрессию, которые составляют единый конструктивный принцип» [Костомаров 2005].

В качестве отличительной черты газетного информационного текста следует рассматривать *синкретизм* [Языкознание. БЭС 1998], т. е. свертывание всех составляющих коммуникативной функции в синтаксической структуре, а также *стандартность* оформления текста и *языковую экономию*, которая обусловлена спецификой языка газетного текста. Знание приемов эквивалентной передачи информационного текста на русский язык является основой для адекватной передачи текста на язык перевода. Предполагается, что переводчики при помощи контрастивной методики изучения грамматического и лексического материала уже в достаточной степени подготовлены к необходимости использования переводческих трансформаций в связи с различиями в грамматическом строе и лексической системе иностранного и русского языков.

2. Специфика грамматических категорий

Одним из основополагающих факторов при чтении и понимании газетных информационных текстов, а также эквивалентной передаче прочитанного текста на язык перевода является знание наиболее значимых грамматических блоков, составляющих так называемую *грамматику газеты*. К таким блокам относятся заголовок, выполняющий несколько функций, а также основные грамматические особенности текста, такие как его временная отнесенность, видо-временные структуры, залоговая отнесенность оригинала и перевода, перевод композитов с сохранением их смысловых структур, передача категорий определенности и неопределенности, передача коммуникативного членения предложения.

В нидерландском языке указанные блоки характеризуются определенным функциональным наполнением, примеры которого приводятся далее.

Важнейшим элементом при понимании газетного информационного текста является **заголовок**, в котором особенно четко проявляется лексико-грамматическая специфика газетного информационного стиля. Основная функция заголовка состоит в передаче содержания текста в сжатом виде, в чем и проявляется его информативность [Бархударов 1975; Комиссаров 1990]. Помимо информативной, заголовки, как правило, выполняют и другие функции: номинативную, экспрессивно-апеллятивную, рекламную и разделительную.

В нидерландском языке газетный заголовок как усеченный дискурс характеризуется лаконичностью, а также грамматической неполнотой, которая выражается в следующих особенностях:

1. Как правило, в заголовках у существительных отсутствует артикль, например:

Nord Stream pijplijn heel belangrijk. – «Газопровод Северный поток (является) очень важным».

Kabinet eens over forse bezuinigingen. – «Кабинет министров высказался за строгие меры экономии».

2. Спецификой заголовка в нидерландском информационном тексте является отсутствие глагола или глагольной связки *zijn*, например:

Nobelprijs voor Scheikunde naar lithium-ionbatterij. – «Нобелевская премия по химии за открытие литиум-ионной батареи».

«Ons onderwijs top? Nou, zo top is het niet meer». – «Наше образование лучшее? Ну, оно уже не самое лучшее».

3. При переводе нидерландского газетного заголовка на русский язык глагол часто заменяется на отглагольное имя, например:

Wereldleiders in Parijs bijeen om einde WO I te herdenken. – «В Париже отметили столетие окончания Первой мировой войны».

4. Формы настоящего несовершенного времени, употребляемые в заголовках для описания событий, произошедших в недавнем

прошлом, переводятся на русский формами простого прошедшего времени, например:

Rutte roept mensen op te vertrekken als land hen niet bevalt. – «Рютте призвал людей уезжать из страны, если эта страна им не нравится».

Видо-временная структура текста в нидерландском и русском языках значительно отличаются, в первую очередь, по количеству временных форм – в нидерландском языке их 8, из них 6 – практически употребляемых, тогда как в русском – только три. При этом в нидерландском языке отсутствует грамматическая категория вида глагола, которая имеется в русском языке, и практически каждый глагол в русском имеет две грамматические формы – совершенного и несовершенного вида, например:

Afgelopen jaar groeide Nederlandse economie nog 2,6 procent. – «За прошедший год экономика Нидерландов росла / выросла на 2,6 процента».

Какая видовая форма глагола имеется в виду в оригинальном тексте переводчик определяет по контексту. Таким образом, при отсутствии в языке перевода какой-либо грамматической категории переводчик обычно находит в тексте достаточно информации для выбора обязательных грамматических форм другого языка. То же правило действует при невыраженности категории рода у форм глагола в нидерландском языке. Например, при переводе форм глагола простого прошедшего времени при таких должностях как министр или руководитель фракции, где имя собственное определяет род у формы глагола в русском языке, переводчик обязан дополнять информацию, отсутствующую в языке оригинала например:

Minister Ploumen bevestigde dat... – «Министр подтвердил(-а)...»

Fractie voorzitter (SP) riep op... – «Руководитель фракции СП призвал/а...»

В нидерландском языке информационной прессы предложения с формами страдательного залога часто передаются на русский язык формами активного залога и наоборот. Такие грамматические трансформации, как **залоговая отнесенность**, выражающиеся в замене пассивной конструкции на активную, заслуживают особого внимания, например:

De brandstichter werd door de politie gearresteerd. – «Полиция арестовала поджигателя».

De dader is 36 minuten na hij begon met schieten, tegengehouden door twee lichtbewapende politie-agenten. – «Через 36 минут, после того как преступник начал стрельбу, его задержали двое легковооруженных полицейских».

Для газетных информационных текстов характерно использование сложных слов – **композигов**, состоящих из двух и более слов: *lawaaibestrijding, werkgelegenheid, werkgelegenheidsbeleid...* Композиты всегда двухчастны и для понимания смысла и сохранения их смысловой структуры при переводе на русский язык сложные слова делят на две части, отделяя последний компонент, который часто ставится в начало варианта перевода, например:

het werkgelegenheidsbeleid – меры по созданию рабочих мест / по обеспечению рабочей занятости;

de houdbaarheidsdatum – *букв.* срок годности; *перен.* запас прочности политика

Проблему представляет также грамматическая категория **определенности / неопределенности** в нидерландском языке при ее отсутствии в русском.

Неопределенный артикль при переводе с нидерландского языка часто опускается или передается неопределенным «какой-то», «один из», тогда как определенный артикль подчеркивается местом данного существительного в предложении или указательным местоимением, например:

De koning begint met een vraag: hoe beleeft u deze Kerst? – «Король начал с вопроса: Как вы встретили / встречаете это Рождество?»

...maar een top met de leiders van de landen leidde deze week niet tot een doorbraak. – «...но встреча руководителей обеих стран на этой неделе не привела к прорыву».

В этой связи можно сослаться на высказывание Хосе Ортега-и-Гассета из его книги «Блеск и нищета перевода»: «Каждый язык старается сохранить равновесие между тем, что нужно сказать, и тем, о чем можно умолчать. Каждый народ умалчивает о некоторых вещах,

чтобы суметь сказать о других. Потому что высказать всё невозможно. Отсюда невероятная сложность при переводе: выразить в языке именно то, о чем этот язык умалчивает» [J. Ortega y Gasset 1964].

Для языкового оформления газетных текстов в нидерландском языке характерна облегченность *синтаксиса*, расчлененность сложных предложений, линейная связь предложений. При этом коммуникативное членение предложения – принцип «лево – право» [ANS 1985] получает свое четкое выражение через закономерность последовательности подачи информации о событии. Если в нидерландском языке эта последовательность реализуется в большинстве случаев по модели «событие – место – время», то в русском переводе используется модель «время – место – событие», например:

Koning Willem-Alexander en Koningin Maxima reisden gisteren af naar Moskou voor een bezoek van 24 uur. – «Вчера король Нидерландов Виллем-Александр и королева Максима отбыли в Москву для двадцатичетырех-часового визита».

В этом проявляется разница в порядке следования темы и ремы в нидерландском и русском языках. В нидерландском предложении тема чаще всего выступает в роли грамматического подлежащего, тогда как в русском языке благодаря гибкому порядку слов в начальной позиции может находиться любой второстепенный член предложения, если он относится к тематической части высказывания.

Все вышеотмеченные грамматические особенности языка оригинала составляют так называемый структурный каркас (основу структуры), который заполняется тематической лексикой и является характерным и обязательным для любых газетных текстов информационного характера. Чаще всего это касается текстов, связанных с визитами государственных деятелей, проведением конференций, с сообщениями о происшествиях, об экологических проблемах, с взаимоотношениями между странами. В текстах подобной тематики язык газеты является наиболее предсказуемым, так как представляет собой сухое изложение фактов. Из-за часто повторяющихся сюжетов язык текстов информационного характера изобилует устойчивыми лексическими сочетаниями – клише, и задачей переводчика является перевод клише оригинального текста при помощи аналогичных клише текста перевода:

Koning Willem-Alexander en koningin Maxima brengen op uitnodiging van de Australische gouverneur-generaal van 31 oktober tot en met 4 november een staatsbezoek aan dat land. – «По приглашению генерал-губернатора король Нидерландов Виллем-Александр и королева Максима посетят Австралию с официальным визитом в период с 31 октября по 4 ноября».

3. Расхождение лексем и выбор «ключевого» слова

Кратко оценивая особенности стилистической адаптации при переводе газетных информационных текстов из нидерландскоязычной прессы, можно отметить, что лексика, которая передает смысл произошедшего в языке оригинала и языке перевода, в большинстве случаев лишь частично совпадает по своему значению. Определенную сложность представляет здесь интерференция, поскольку переводчику приходится преодолевать трудности интерферирующего влияния языка оригинала при сопоставлении смысловых структур многозначных слов. Это влияние проявляется «не только в ложном отождествлении сходных форм, но и в интуитивном употреблении всей семантической структуры единиц, лишь частично совпадающих по своему значению» [Швейцер 1988]. Сюда относится и правильное употребление реалий при переводе с нидерландского языка на русский, например: нидерландский – *de Verenigde Naties*, русский – *Организация Объединенных Наций*; нидерландский – *de minister-president*, русский – *премьер-министр*.

В случае расхождения семантических структур лексических единиц в языке оригинала и в языке перевода на первый план выступает сочетаемость сопоставляемых единиц, причем эти случаи расхождения проистекают из расхождений в прямом и переносном значениях слов. Поэтому лексические соответствия нельзя переносить на все сочетания данной лексемы. Так, в качестве примера, русскому глаголу «оказывать» в словосочетаниях «оказывать услугу», «оказывать помощь», «оказывать влияние» в нидерландском языке соответствуют три разных глагола, например:

ОКАЗЫВАТЬ

оказывать услугу – *een dienst bewijzen*;

оказывать помощь – *hulp verlenen*;

оказывать влияние – *invloed uitoefenen*.

Употреблению стандартных лексических средств в том числе и в информационном газетном тексте уделяется в последнее время большое внимание в исследованиях лингвистов [Баранов, Добровольский 2010; Телия 1996]. Основной акцент в данных работах делается на классификацию устойчивых словосочетаний на основе их сочетаемости. Знание сочетаемости наиболее употребительных лексем, так называемых *коллокаций*, предопределяет адекватный выбор «ключевого» слова для выражения семантического параметра текста оригинала [Швейцер 1988]. В коллокациях, представляющих собой устойчивые сочетания как в русском, так и в нидерландском языках, например существительного с глаголом, например, в русском: *провести заседание, вести переговоры, уйти в отставку* – или в нидерландском: *een vraag stellen, maatregelen nemen / treffen, een toespraak houden* ключевыми словами являются существительные, а глагол является зависимым, несвободным компонентом, определяемым традицией: так, например, *влияние* не производят, не делают, а оказывают:

In het rapport benadrukken de wetenschappers dat de ontwikkelingen niet alleen grote invloed hebben op het klimaat, maar dat deze ook sociaal-economische gevolgen hebben. – «В отчете ученые подчеркивают, что развитие событий не только оказывает большое влияние на климат, но имеет и социально-экономические последствия».

Ze stellen dat er momenteel te weinig gebeurt om deze ontwikkelingen tegen te gaan en roepen overheden op onmiddellijk nieuwe maatregelen te nemen. – «Они считают, что в настоящее время делается слишком мало для сдерживания этого развития и призывают власти незамедлительно предпринять новые меры».

Статус коллокации, как комбинации из двух или более слов, характерным признаком которой является их совместная устойчивая сочетаемость при слабом уровне идиоматичности, рассматривается большинством лингвистов как пограничный случай на грани фразеологии и лексикологии. Наличие коллокаций, как правило, способствует пониманию различия языковой картины мира у людей, говорящих на разных языках.

Кроме того, можно отметить еще одну проблему, связанную с трудностями терминологического и экстралингвистического характера при переводе нидерландских общественно-политических и

особенно экономических газетных текстов. В частности, сложности перевода информации по финансово-экономической тематике усугубляются расширением применения в нидерландскоязычной прессе неологизмов с негативной коннотацией, представляющих собой достаточно новые термины-понятия, которые получили распространение в последнее время, например, такие как:

- witwassen – отмывать деньги;
- de brievenbusfirma – подставная фирма;
- het nepbedrijf – фирма-однодневка;
- het belastingparadijs – налоговый рай.

Рамки настоящей статьи позволили остановиться лишь на основных лексическо-грамматических вопросах, связанных с особенностями перевода нидерландскоязычных газетных информационных текстов, оставляя в стороне другие специфические особенности, встречающиеся при переводе.

Заключение

Медийный дискурс – информационный текст в нидерландской газете характеризуется сочетанием стандартизации и экспрессии. В языковом плане это выражается в использовании определенных грамматических форм, клишированных лексических словосочетаний и синтаксических конструкций, что ведет к узнаваемости газетного текста, составляя его основную стилеобразующую черту. Однако языковые особенности подобного стиля не совпадают в языке оригинала и языке перевода, что предъявляет особые требования к переводчику. Специфика перевода информационных текстов зависит, в основном, от того, как языковые особенности оригинального текста соотносятся с особенностями языка перевода и насколько совпадают их стилистические характеристики. Обобщая рассмотренные в статье вопросы, представляется, что исследование характера функционирования языковых средств в газетных информационных текстах нидерландского языка будет способствовать адекватной передаче смысла текста на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст

- в литературном языке и говорах: сб. статей. Орел: ОГУ, 2010. С. 80–87. [Baranov, A. N., Dobrovolskii, D. O. (2010). Klassifikatsiya frazeologizmov: novyi vzglyad na klassicheskuyu problem (Classification of phraseological units: a new look at the classical problem). *Slovo, frazeologizm, tekst v literaturnom yazyke i govorakh*. Orel: OGU. (In Russ.)].
- Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. [Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda (Language and translation: questions of general and particular theory of translation)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)].
- Брандес М. П., Провоторов В. И. Функционально-стилистическая дифференциация языковых текстов // Предпереводческий анализ текста: учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. С. 30–133. [Brandes, M. P., Provotorov, V. I. (2001). Funktsional'no-stilisticheskaya differentsiatsiya yazykovykh tekstov (Functional and stylistic differentiation of language texts). In *Predperevodcheskii analiz teksta* (3rd ed., pp. 30–133). Moscow: NVI-TEZAURUS. (In Russ.)].
- Комиссаров В. Н. Особенности перевода научно-технических и газетно-информационных материалов // Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. Гл. 5. С. 115–158. [Komissarov, V. N. (1990). Osobennosti perevoda nauchno-tekhnicheskikh i gazetno-informatsionnykh materialov (Features of the translation of scientific, technical and newspaper information materials). In *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* (Ch. 5, pp. 115–158). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Костомаров В. Г. Второй Очерк // Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. С. 33–58. [Kostomarov, V. G. (2005). Vtoroi Ocherk (Second Sketch). In *Nash yazyk v deistvii. Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* (pp. 33–58). Moscow: Gardariki. (In Russ.)].
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа русской культуры, 1996. [Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects)*. Moscow: Shkola russkoi kul'tury. (In Russ.)].
- Швейцер А. Д. Теория перевода. (статус, проблемы, аспекты). М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. [Shveitser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty) (Translation theory (status, problems, aspects))*. Moscow: Institut yazykoznaniiya AN SSSR. (In Russ.)].
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. [Yartseva, V. N. (1998). *Bol'shoi ehntsiklopedicheskii slovar' Yazykoznanie (Big Encyclopedic*

Dictionary. Linguistics). Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya. (In Russ.).

J. Ortega y Gasset. Miseria y Esplendor de la Traduccion. Elend und Glanz der Übersetzung. München, 1964. (In Span.)

ANS / G. Geerts [en and.]. Wolters – Noordhoff bv Groningen. The Netherlands; copyright Wolters Leuven, Belgium, 1984. (In Dutch.)

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БЭС – Большой энциклопедический словарь

ANS – Algemene Nederlandse Spraakkunst

УДК 811.113.6

Е. Л. Жильцова

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: el-zhilc@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В НОВОЙ ЛЕКСИКЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается новая лексика шведского языка с точки зрения отражения в ней процессов, происходящих в современном шведском обществе и в мире в целом. Это внедрение информационных технологий в повседневную жизнь; изменение климата и борьба за сохранение природной среды; стремление к гендерному равенству и новые формы семьи; растущая роль английского языка в разных сферах жизни шведского общества. Материалом для исследования послужили списки неологизмов, публикуемые Шведским языковым советом.

Ключевые слова: шведский язык; лексика; неологизм; тематическая группа; английский язык; утрата сфер употребления.

E. L. Zhiltsova

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: el-zhilc@yandex.ru

REFLECTION OF MODERN SOCIAL PROCESSES IN THE NEW SWEDISH VOCABULARY

The article reviews the new vocabulary of the Swedish language and the way it reflects the ongoing processes in Swedish society and in the world at large. These processes include the implementation of modern technology in everyday life, climate change and the campaign for saving the environment, the striving for gender equality, and the new forms of family, the growing role of the English language in different spheres in Swedish society. The research is based on the analyses of the lists of neologisms published by the Swedish Language Council.

Key words: the Swedish language; vocabulary; neologism; theme group; the English language; the loss of areas of use.

Введение

Известно, что большинство новых слов появляется в языке для обозначения новых понятий и явлений в жизни человека и общества, и на формирование лексического состава языка, таким образом, оказывают

существенное влияние экстралингвистические факторы. Шведский язык в этом смысле не является исключением. Списки новых слов, ежегодно публикуемые Шведским языковым советом (Språkrådet) на сайте Института языка и фольклора (www.isof.se/sprak/nyord.html), и изданный в 2015 г. на их основе «Словарь неологизмов шведского языка» (Nyord i svenskan) [Agazzi 2015] наглядно это демонстрируют. Лексика, представленная в них и ставшая материалом для настоящей статьи, в большинстве своем отражает процессы, происходящие в различных сферах жизни шведского общества и в мире в целом. Взаимосвязь семантики неологизмов и актуальных общественных процессов прослеживается на примере слов из нескольких тематических групп, связанных с различными аспектами шведской действительности. Для анализа использовался метод синхронного социолингвистического описания.

Информационные технологии

Наибольшее число неологизмов относится к группе компьютерной лексики. В Словаре неологизмов около 70 композитов с первыми компонентами *nät*- «Сеть, Интернет», *mobil*- «мобильный» и *e*- – сокращение прилагательного *elektronisk* «электронный». Большинство из них – не специальные научные термины, а слова, называющие явления, прочно вошедшие в жизнь современного человека: *nätbokhandel* «книжный интернет-магазин», *mobilbank* «мобильный банк», *e-bok* «электронная книга» и т. п. [Жильцова 2019, с. 166].

В последнее время в СМИ всё чаще можно найти материалы о негативном воздействии Интернета и мобильных телефонов на пользователей. Это немедленно нашло отражение в шведском языке. Появилось сложное существительное *mobilmisbruk* «злоупотребление мобильным телефоном», образованное по той же модели, что и более старые композиты *alkoholmisbruk* «алкоголизм, злоупотребление алкоголем» и *narkotikamisbruk* «наркомания». Оно активно используется в средствах массовой информации, обращающих внимание общества на новую проблему:

Även om det inte är vanligt nu tror jag att *mobilmisbruk* kommer bli minst lika vanligt som shopping, mat eller andra misbruk om det fortsätter i den takten (NSB). – «Хотя пока это и не очень распространено, думаю, что, если дело будет продолжаться с той же скоростью, **злоупотребление мобильным телефоном** станет таким же обычным, как шоппинг, еда или другие виды зависимостей».

Vi har ju precis fått Sveriges första behandlingshem för *mobilmisbruk* (NSB). – «У нас в Швеции только что появилось первое лечебное учреждение для страдающих *зависимостью от мобильного телефона*».

Для обозначения тех, кто злоупотребляет своим смартфоном, в шведском языке есть два новых существительных: *mobilmisbrukare*, образованное от *mobilmisbruk* посредством суффикса деятеля *-are*, и более сильно эмоционально окрашенное *mobilzombie*. Последнее употребляется обычно о людях «зомбированных», тех, кто, уткнувшись в смартфон, не замечает ничего вокруг. Они живут в виртуальном мире, для обозначения которого в шведском языке в конце XX века также появилось новое слово – *cyberrymd* «киберпространство». А уже в первое десятилетие XXI века возник антонимичный композит *kötttrymd* (*kött* «мясо; плоть»), метафорически обозначающий реальный, физический мир, в противоположность виртуальному.

Вероятно, в попытке вернуть людей в этот реальный мир, осенью 2019 г. в Швеции придумали рождественский подарок, который активно рекламируется и продается на предпраздничных базарах. Этот предмет назвали *mobillåda* «коробка для мобильного телефона» (*låda* «коробка, ящик»). Выпускают такие коробки специально для того, чтобы класть в них мобильный телефон и как можно меньше им пользоваться:

Årets julklapp 2019 är *mobillådan*, som enligt motiveringen ska få svenska folket att lägga ifrån sig mobilen (*Expressen*, 20.11.2019). – «Рождественский подарок 2019 года – это *коробка для мобильного телефона*, придуманная для того, чтобы заставить шведов забыть о мобильных телефонах».

Конечно, вряд ли все шведы поголовно будут класть под елку такие коробки в качестве подарков для родных и друзей. Сомневается в этом и автор процитированной статьи. Однако само появление подобного предмета свидетельствует о том, что в шведском обществе нарастает беспокойство в связи со слишком активным вторжением виртуальной реальности в повседневную жизнь.

Экология и изменение климата

Еще одна область, которая уже многие годы вызывает активный интерес, а в последнее время и серьезные опасения, – это экология. Самое пристальное внимание уделяется, в частности, проблеме изменения климата и борьбе с негативными факторами, их вызывающими.

О важности данной проблемы для шведов свидетельствуют многочисленные композиты с первым компонентом *klimat-*, появившиеся в последние два десятилетия и зафиксированные в Словаре неологизмов, где их насчитывается более 30 [Савицкая 2017, с. 63]. В качестве примеров можно привести несколько сложных слов, относящихся к разным частям речи: глагол *klimatbanta* (*banta* «худеть») – вести образ жизни, способствующий уменьшению вредных для климата выбросов двуокси углерода; прилагательное *klimatvänlig* (*vänlig* «доброжелательный») – благоприятный для климата, например, *klimatvänliga energikällor* «источники энергии, не оказывающие вредного воздействия на климат»; существительное *klimathot* (*hot* «угроза») – угроза ухудшения климата.

С 2018 г. речь всё чаще идет не просто об изменении или ухудшении климата, а о климатическом кризисе. Недаром существительное *klimatkris*, отсутствующее в Словаре неологизмов 2015 г., теперь постоянно встречается в шведской прессе, особенно часто в связи с деятельностью шведской школьницы Греты Тунберг, которая организует школьные забастовки, борясь за улучшение климата и участвует в международных форумах, посвященных преодолению климатического кризиса. Она также выступила со статьями в шведских СМИ, в которых особое внимание обращается на негативное воздействие изменений климата на жизнь и здоровье людей:

Klimatkrisens hälsoeffekter är fakta, inte åsikter (Expressen, 4.11.2019). – «Воздействие **климатического кризиса** на здоровье – это факт, а не предположение».

Помимо изменений климата, бороться с которыми пока еще очень сложно, существует много иных факторов, важных для экологии. Шведы заботятся об окружающей среде и многое делают для ее сохранения. Понимая важность сохранения природных экосистем, они стараются, чтобы технический прогресс не нарушал естественную среду обитания животных. Об этом, в частности, свидетельствуют вошедшие в шведский язык с середины 1990-х гг. существительные *faunapassage* и *ekodukt*. *Faunapassage* (*passage* «проход») – это место прохода для животных, букв. «проход для фауны». Такие проходы, подземные или наземные, устраивают в Швеции и при строительстве новых, и на уже имеющихся автомобильных и железных дорогах,

дамбах и т. п., если они находятся на путях миграции млекопитающих, рыб и даже лягушек и улиток, чтобы животные не пострадали и могли вести привычный образ жизни. *Ekodukt* – частный случай такого перехода, который строится над автомобильной или железной дорогой. Слово образовано по модели *viadukt* «виадук; путепровод» с первым компонентом *eko-*.

Проходы для животных в Швеции продолжают активно строить. В конце 2019 г., например, СМИ писали об устройстве прохода для рыб и земноводных между озером Мэларен и рекой Свартон в обход гидроэлектростанции, чтобы рыба могла свободно попадать из озера в реку на нерест:

*Många nyfikna stadsbor kan se hur Svartåns vatten sänkts och en helt ny **fau-napassage** byggs förbi turbinbron (Västerås Tidning, 25.09.2018).* – «Многие любопытные горожане могут увидеть, что уровень воды в реке Свартон понизился, и рядом с Турбинным мостом строится совершенно новый **проход для животных**».

Faunapassagen som under vintern ska bli färdigställd ska ge fisk och andra djur fri passage mellan Svartån och Mälaren (Västerås Tidning, 19.11.2018). – «**Проход для животных**, сооружение которого должно завершиться этой зимой, обеспечит рыбам и другим животным свободное передвижение между рекой Свартон и озером Мэларен».

Таким образом, заботясь о животных, шведы обеспечивают сохранность природной среды, являющейся необходимым условием благополучия человека.

Гендерное равенство

Еще одно явление, характерное для современного шведского общества, – стремление к равенству полов в семье и во всех областях общественной и профессиональной жизни. В языке это проявляется, например, в использовании гендерно нейтрального компонента *-person* «человек» вместо *-man* «мужчина» в сложных существительных, обозначающих профессии и другие виды деятельности: *talesman* – *talesperson* «представитель, выступающий (перед прессой) от чьего-л. имени», *tjänsteman* – *tjänsteperson* «служащий», *gärningsman* – *gärningsperson* «преступник».

Хотя специалисты по культуре речи не рекомендуют к употреблению сложные слова с компонентом *-person* [Språkriktighetsboken 2005,

s. 86], они, тем не менее, используются, правда употребительность их при этом существенно различается. По данным интернет-ресурса «Национальный корпус шведского языка» (Nationella språkbanken, NSB), из приведенных выше слов наиболее частотно гендерно нейтральное *talesperson* (ок. 12,5 тыс. употреблений по сравнению с 33636 для *talesman*), которое используется, когда речь идет и о женщинах, и о мужчинах:

Birgitta Olsson är idag Folkpartiets utrikespolitiska *talesperson* (NSB). – «Биргитта Ульссон сейчас является *представителем* Народной партии по внешнеполитическим вопросам».

Vi ska skapa jobb i Sverige, inte i Spanien, säger Socialdemokraternas *talesperson* Leif Jakobsson (NSB). – «Мы должны создавать рабочие места в Швеции, а не в Испании, – говорит *представитель* социал-демократов Лейф Якобссон».

Слова *gärningsperson* и особенно *tjänsteperson* менее употребительны. В корпусе имеется 191 пример с *gärningsperson* (с *gärningsman* – 6968) и лишь 55 с *tjänsteperson* (с *tjänsteman* – 16147). Эти существительные обычно встречаются в контекстах, где нет указания на половую принадлежность референта:

Läs bland annat om detta brev från en högt uppsatt *tjänsteperson* från IF Metall (NSB). – «Почитайте, в частности, об этом письме от одного высокопоставленного *служащего* из “ИФ Металл”».

När det gäller könsfördelningen vid dödligt våld dominerar män, både som *gärningsperson* och offer (NSB). – «Что касается распределения участников насильственных преступлений со смертельным исходом по половому признаку, то и в качестве *преступников*, и в качестве жертв тут преобладают мужчины».

Стремление к гендерному равенству – одно из проявлений независимости, самостоятельности и самодостаточности, которые высоко ценятся шведами. Однако такие приоритеты имеют и обратную сторону и нередко приводят к кризису традиционной семьи, к тому, что многие люди, часто даже имеющие детей, живут одни. По количеству таких семей, или домохозяйств, Швеция занимает первое место в Европе. По данным Евросоюза, опубликованным в начале 2019 г., семей с одним взрослым, с детьми или без, в стране насчитывается 47 %.

Эта проблема также нашла отражение в лексике. За последние 20 лет появилось много композитов с первым компонентом *singel-* «один, одинокий»: *singelförälder* «родитель-одиночка», *singelmamma* «мать-одиночка», *singelpappa* «отец-одиночка»; *singelkvinna* «одинокая женщина»; *singelman* «одинокий мужчина»; *singeladoption* «усыновление ребенка одиноким человеком»; *singelhushåll* «семья, состоящая из одного взрослого (с детьми или без детей)»; *singelsamhälle* – «общество, в котором много таких семей»; *singelfestival* «фестиваль для одиноких людей».

Распространению сложных слов с *singel-*, безусловно, способствовало влияние английского языка, где слово *single* может употребляться в аналогичном значении. Для большинства приведенных выше слов в шведском языке есть эквиваленты. Это либо словосочетания с прилагательным *ensamstående* «одинокий» – *ensamstående förälder (mamma, pappa)*, либо композиты с первым компонентом *ensam-* «одинокий» – *ensamadoption, ensamhushåll*. Появление сложных слов с компонентом *singel-* связано в первую очередь с еще одним явлением, характерным сегодня для шведского общества, – высоким статусом английского языка.

Роль английского языка

О существенном влиянии английского языка на шведский свидетельствует огромное количество английских заимствований, появившихся в шведском языке в последние два десятилетия. Около 15 % новых слов в Словаре неологизмов 2015 г., – прямые заимствования из английского. Причем среди них есть и лексемы, имеющие шведские синонимы. Если же добавить еще и слова, образованные от английских основ с помощью шведских словообразовательных элементов, а также композиты, где один из компонентов – английская основа, то число слов, так или иначе связанных с английским языком, увеличится более чем вдвое.

Однако роль английского языка в шведском обществе не сводится лишь к большому числу заимствований. В Швеции, особенно среди молодежи, говорить по-английски или, по крайней мере, использовать в речи английские слова – модно и престижно. Во многих областях общественной и культурной жизни английский язык используется наравне со шведским, а в ряде случаев и вытесняет его.

В связи с этим знаменательно появление в шведском языке двух новых слов: *parallellspråkighet* и *domänförlust*. Оба они, по мнению известного шведского лингвиста Улле Юсефсона, вряд ли могут быть причислены к социолингвистическим терминам, однако активно используются, когда речь идет о языковой политике [Josephson 2015, с. 88].

Parallellspråkighet – это параллельное использование двух или более языков в разных сферах жизни и деятельности. Слово образовано по модели композитов *tvåspråkighet* «двуязычие» и *flerspråkighet* «многоязычие». В Швеции такое параллельное использование шведского языка как основного (*huvudspråk*) и английского языка стало уже практически нормой, и не только в таких областях, как наука, техника, экономика, но и в бытовых ситуациях. Любой продавец в магазине или прохожий на улице легко перейдет со шведского языка на английский, и наоборот.

Более того, во многих сферах английский язык, если и не вытеснит шведский окончательно, то используется значительно чаще и активнее. И здесь уже можно говорить о том, что обозначается по-шведски новым композитом *domänförlust* (*domän* «сфера деятельности», *förlust* «потеря»), а именно, об утрате шведским языком некоторых сфер употребления в пользу английского. Речь идет в первую очередь о музыкальной поп-культуре, науке и высшем образовании, промышленности, международных мероприятиях [Чекалина 2004, с. 130]. Так, тексты абсолютного большинства новых популярных шведских песен пишутся и исполняются на английском языке. Английский язык является обязательным во многих крупных компаниях (*koncernspråk*), где даже сотрудники-шведы говорят друг с другом по-английски. Хотя шведский является одним из официальных языков Евросоюза, по крайней мере половина документов ЕС на него не переводится, о чем свидетельствует тот факт, что из средств, выделяемых шведским правительством на перевод таких документов, используется меньше половины [Josephson 2015, s. 92].

В наибольшей степени шведский язык утрачивает позиции, уступая место английскому, в таких сферах, как высшее образование и наука. Хуже всего обстоит дело с техническими и естественнонаучными дисциплинами [Värna språken 2008, s. 44], большинство курсов, по которым читается на английском языке, и на нем же пишутся практически все диссертации. То, что диссертации в таком

случае должны в обязательном порядке включать резюме на шведском языке, не слишком улучшает ситуацию. Следует отметить, что в последние годы всё больше курсов на английском стало появляться и в гуманитарной сфере, по таким предметам, как экономика, психология, история (в том числе и история Швеции) и даже языкознание. Таким образом, и в гуманитарных науках использование шведского языка также ограничивается.

Заключение

Как показал проведенный анализ, между новой шведской лексикой и событиями, происходящими в обществе, существует тесная связь. Язык немедленно реагирует на изменения в общественной жизни и в общественном сознании и создает лексические средства для обозначения новых явлений и понятий. Абсолютное большинство таких лексем представляют собой композиты, поскольку именно словосложение является в шведском языке наиболее распространенным и естественным способом образования новых слов.

Композиты-неологизмы, относящиеся к рассмотренным тематическим группам шведской лексики, в большинстве своем нецельнозначные, и их значение легко выводимо из суммы значений их компонентов [Маслова-Лашанская 2011, с. 171–172]. Поэтому они и образуются с такой легкостью и сразу становятся понятными носителям шведского языка. Среди новейших слов такого типа выделяются существительные *klimatkris* и *mobillåda*, широко используемые в шведских СМИ.

Новые композиты нередко включают в себя английские основы. Это связано как с наличием в шведском языке многочисленных английских заимствований, так и с престижностью английского языка в целом. Высокий статус английского языка приводит к параллельному использованию его наравне со шведским в различных областях. Можно даже говорить о частичной утрате шведским языком некоторых сфер употребления в пользу английского. Эти явления также находят отражение в новой шведской лексике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жильцова Е. Л. Новые тенденции развития лексики современного шведского языка // Вестник Московского государственного лингвистического

- университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 163–174. [Zhil'tsova, E. L. (2019). New trends in the development of modern Swedish vocabulary. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1*(817), 163–174. (In Russ.)]
- Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. [Maslova-Lashanskaya, S. S. (2011). *Leksikologiya shvedskogo yazyka (Lexicology of the Swedish language)*. St. Petersburg: Filol. f-t SPbGU. (In Russ.)].
- Савицкая А. В. Традиционное и новое в современном шведском словообразовании // Романо-германистика: сборник статей по материалам XLVI Международ. филол. конф. 13–22 марта 2017 г., Санкт-Петербург / отв. ред. Г. А. Баева, Н. Г. Мед, Т. И. Петухова, Н. А. Шадрина. СПб.: ВВМ, 2017. С. 62–68. [Savitskaya, A. V. (2017). Traditsionnoe i novoe v sovremennom shvedskom slovoobrazovanii (Traditional and new in modern Swedish word formation). In G. A. Baeva, N. G. Med, T. I. Petuhova, N. A. Shadrina (eds.), *Romano-germanistika* (pp. 62–68). Saint-Petersburg: VVM. (In Russ.)].
- Чекалина Е. М. Новая шведская лексика в зеркале общественных процессов // Скандинавская филология. Вып. VII. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. С. 129–138. [Chekalina, E. M. (2004). Novaya shvedskaya leksika v zerkale obshchestvennykh protsessov (New Swedish vocabulary in the mirror of social processes). *Philologica Scandinavica, VII*, 129–138. (In Russ.)].
- Agazzi B. Nyord i svenskan. Stockholm: Morfem, 2015. (In Swed.)
- Josephson O. Tankarna bakom Deklaration om nordisk språkpolitik // Språk i Norden. Nettverket for språknemndena i Norden. 2015. S. 85–95. (In Swed.)
- Nationella språkbanken (NSB) (The National Language Bank): [site]. URL: www.spraakbanken.se/ (accessed: 25.03.2019). (In Swed.)
- Språkriktighetsboken. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2005. (In Russ.)]
- Värna språken 2008, förslag till språklag. SOU 2008: 26. Stockholm, 2008. (In Russ.)

УДК 81'373.47

В. В. Комарова, Н. А. Осьмак

Комарова В. В., магистрант кафедры английской филологии
института иностранных языков Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: komarovavalentinaa@gmail.com

Осьмак Н. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры языков Северной Европы института иностранных языков
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

ЭТНОФОЛИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ

Лексика является одним из важных средств коммуникации, в связи с чем лексические маркеры, отражающие оппозицию «свой – чужой» можно отнести к наиболее значимым: их исследование позволяет определить зафиксированные в языке представления одного народа о другом. Лингвосемантический анализ контекстов как основной метод дает возможность определить специфику функционирования языка вражды, основанного на стереотипах, определить мишени языка вражды и общие тенденции употребления этнофолизмов в текстах финской интернет-коммуникации.

Ключевые слова: язык вражды; этнофолизм; интернет-коммуникация; оппозиция «свой – чужой»; стереотип; этноцентризм.

V. V. Komarova, N. A. Osmak

Komarova V. V., Master Student, Department of English Philology,
Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University;
e-mail: komarovavalentinaa@gmail.com

Osmak N. A., PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of Languages of Northern Europe, Institute of Foreign Languages,
Herzen State Pedagogical University; e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

ETHNOPHAULISM AS AN ELEMENT OF HATE SPEECH

Vocabulary is an important means of communication, and lexical markers reflecting the opposition “friend – foe” can be regarded as most significant. These markers allow studying the attitude of one group of people to another as it is reflected in the language. A semantic analysis of Internet communication, as the main method, makes it possible to determine the specifics of the functioning of hate speech based on stereotypes, to identify the targets of hate speech and the general trends in the use of ethnophaulisms.

Key words: hostile language; ethnophaulism; Internet communication; opposition “friend – alien”; stereotype; ethnocentrism.

Введение

В последние десятилетия социокультурное пространство, особенно с точки зрения взаимодействия разных социальных групп, характеризуется возникновением новых очагов конфликтов и напряженности между представителями таких групп. Появление напряженных взаимоотношений между группами связано с активным включением в повседневный нарратив разного рода социальных меньшинств (гендерные, сексуальные, этнические и т. д.).

Существующее межэтническое напряжение функционирует за счет неосознанных механизмов ментальной деятельности: оппозиция «свой – чужой» и стереотипизация, которые являются частью человеческой идентичности, заставляют представителей одной группы испытывать дискомфорт или даже ненависть по отношению к другой группе. Подобные негативные реакции на «чужих» могут вербализоваться в виде различных маркеров языка вражды, в частности этнофолизмов.

Язык вражды представляет собой сложное междисциплинарное образование, оно исследуется учеными с точки зрения ряда гуманитарных наук: лингвистики, социологии, психологии. Междисциплинарный характер данного явления говорит не только о его комплексности, но и вовлеченности во множество сфер человеческой жизнедеятельности, что указывает на актуальность исследования языка вражды. В частности, требуют отдельного исследования этнофолизмы и прочие пейоративы, непосредственно указывающие на нетолерантный характер высказывания.

Целью нашего исследования является определение специфики использования этнофолизмов в финской интернет-коммуникации, для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

1. Сформулировать теоретическую базу исследования, рассмотреть понятия языка вражды и этнофолизма.
2. Определить особенности этнофолизма в финском языке.
3. Выделить частотные по употреблению в финской интернет-коммуникации лексические единицы – этнофолизмы.
4. Проанализировать контексты интернет-коммуникации на предмет специфики употребления этнофолизмов.

Основными теоретическими источниками данного исследования послужили посвященные изучению языка вражды работы А. М. Верховского, А. В. Евстафьевой, А. В. Гладилина, а также исследования этнофолизмов А. И. Грищенко.

Понятие языка вражды и его функционирование

Понятие «язык вражды» является достаточно новым и не имеет теоретической базы, которая удовлетворяла бы всех исследователей. По этой причине ученые используют дефиниции, которые раскрывают суть явления в достаточной для конкретного исследования мере. Для нашего исследования предпочтительным будет следующее определение, как достаточно узкое и выделяющее этнический аспект языка вражды: «Язык вражды должен пониматься как включающий в себя все виды выражений, которые используются для распространения, провоцирования, стимулирования или оправдания межрасовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других форм ненависти, основанных на нетерпимости, в том числе: интолерантность в виде агрессивного национализма, этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств и мигрантов» [Neuvonen 2015].

А. В. Евстафьева также отмечает важные компоненты языка вражды как вида коммуникации: негативное значение и адресация [Евстафьева 2007].

Появление языка вражды в межкультурной и, в частности, межэтнической коммуникации объясняется в первую очередь особенностями психики человека. Противопоставление своего «я» всем остальным, а затем уже оппозиция «мы – они» или «свои – чужие» берут начало еще в философских работах Фейербаха и марксистском учении. Встреча одной социальной группы с другой позволяет членам данных групп осмыслять себя как общность, дает им почву для идентификации себя определенным образом. Осмысление того, что «они» – не «мы» вызывает острое желание отделиться от «чужого», продемонстрировать «их» чуждость. Б. В. Поршнев обращает внимание на тот факт, что даже в первобытном обществе «мы» мыслилось как люди, а «они» – как не совсем люди [Поршнев 1966].

Такая реакция человеческой психики приводит к сегрегации и возникновению социальных стереотипов, предубеждений, этноцентризма, на которых и базируется язык вражды.

Типология языка вражды

Для данного исследования и понимания языка вражды немаловажную роль играет типология, предложенная А. М. Верховским. Она включает ряд видов языка вражды, которые, в свою очередь,

дают лучшее понимание того, какие коммуникативные ситуации рассматривать как нетолерантные. Далее виды языка вражды делятся на три группы в соответствии со степенью негативности или враждебности относительно социума, что также дает представление о том, какие коммуникативные ситуации оказывают большее негативное влияние на рассматриваемые социальные группы. Для исследования были отобраны наиболее релевантные виды языка вражды (далее – ЯВ) в каждой группе.

Жесткий ЯВ:

1. Открытый призыв к насилию.
2. Открытый призыв к дискриминации.
3. Завуалированные призывы к насилию и дискриминации.

Средний ЯВ:

1. Оправдание случаев насилия или дискриминации
2. Утверждения о криминальности / негативном влиянии или же превосходства той или иной группы.

Мягкий ЯВ:

1. Создание негативного образа той или иной аутгруппы.
2. Утверждение о неполноценности той или иной аутгруппы.
3. Упоминание аутгруппы в унижительном контексте.
4. Утверждение о моральных недостатках той или иной аутгруппы.
5. Цитирование ксенофобных высказываний и текстов [Язык вражды против общества 2007].

Этнофолизм

Несмотря на то, что в отечественном языкознании употребляется термин «экспрессивный этноним», в данном исследовании используется термин «этнофолизм», так как он точнее раскрывает значение данной группы лексики: в нем отражено присутствие этнической составляющей, с одной стороны, и пейоративности – с другой.

Под этнофолизмом понимается уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп [Грищенко 2007]. Этнофолизмы принадлежат к стилистически сниженной группе лексики, так как изначально

возникают в социолектах [Борисова 2014]. Также исследователи отмечают существование общеупотребительных этнофолизмов и ограниченных в употреблении (этнофолизмы, используемые профессиональными или маргинальными группами) [Грищенко, Николина 2006].

Этнофолизм в финском языке

Прежде чем переходить к рассмотрению этнофолизмов в интернет-коммуникации, необходимо рассмотреть явление в контексте финского языка. В ходе исследования закономерностей, присущих финским этнофолизмам, была разработана классификация на материале примерно 280 лексических единиц, взятых из финских словарей: *Suuri kirosanakirja* и *Suuri nimitelysanakirja*, составленных Яри Тамми, а также электронного словаря *Urbaani Sanakirja*.

В отличие от классификации А. И. Грищенко [Грищенко, Николина 2006], которая является достаточно общей и строится на факте мотивированности лексических единиц, данная типология состоит из двух блоков:

- 1) созданные семантическим способом;
- 2) созданные по словообразовательной модели.

В первый блок входят этнофолизмы, семантика которых понятна говорящему, она обнажает заложенный в него стереотип об определенной этнической группе, расе или национальности. К ним относятся:

- описательные (морфологические признаки той или иной группы людей), например: *riisisilmä* «*рус + глаз*», *musti* «*черный*»; описание массмедийных стереотипов *aids-raiskaaja* «*спид*» + «*насильник*» – *темнокожий*);
- номинации:
 - типичные имена: *abdullah* – *араб*;
 - имена исторических личностей или деятелей культуры: *atini* (*Иди Амин*) – *темнокожий, африканец*;
 - имена персонажей: *peppi pitkäossu* (*Пенни Длинный чулок*) – *швед*;
 - номинации со значением приезжий: *tami* (*maahan-tuuttaja* – *иммигрант*, также используется в значении *беженец / приезжий*);
 - наименования животных: *apina* («*обезьяна*») – *темнокожий, африканец*;

- со значением деятеля: *taatelintallaaja* («выжиматель фиников») – араб;
- метонимический перенос:
 - типичная еда: *kebab* («кебаб») – араб;
 - религия: *hindu* («индус») – индус;
 - национальный танец, одежда или прическа: *sombrero* – мексиканец;
 - наименования национальных и социальных меньшинств: *beduiini* («бедуин») – араб;
 - речь: *hurri* (*hur, huru*) – швед.

Второй блок включает этнофолизмы, образованные по словообразовательной модели, а также заимствованные из других языков лексические единицы, обозначающие какую-либо этническую группу или национальность. Сюда входят:

- этнонимы, измененные по словообразовательной модели:
 - усечение: *pakistanilainen* → *paki* – пакистанец;
 - усечение с фонетическими изменениями: *kiinalainen* → *kinu* – китаец;
 - усечение с суффиксацией: *venäläinen* + *kko* → *venakko* – русская;
- заимствования:
 - этнофолизмы из других языков: *jenkki* (из англ. *yankee*) – американец;
 - этнофолизмы, подвергшиеся фонетическим изменениям: *nigger* → *nekru, nekke, neku, neppe, nikkari, nägeri, nega, nege*;
 - самоназвания: *ruski* («русский») – русский.

Этнофолизм в финской интернет-коммуникации

Материалами для анализа послужили посты и комментарии на форуме Suomi24. Причиной исследования материалов именно с форумов послужило то, что в отличие от полноценных письменных блогов, они деперсонализированы, т. е. предоставляют бóльшую свободу в плане экспрессивности и приводят к пересмотру социальных ограничений, а ограниченный объём сообщений способствует пересмотру языковых норм.

Для исследования из имеющихся 280 лексических единиц были отобраны 28 наиболее часто используемых на данном ресурсе.

Исследование показало, что этнофолизмы, представленные в финской интернет-коммуникации можно разделить на две группы: национальные меньшинства (выходцы из ближневосточных стран и Африки, а также цыгане) и ближайшие соседи (в эту же группу включены и США).

Первая группа этнофолизмов, *национальные меньшинства*, составляет 75 % всей выборки. К ним относятся:

mustalainen, manne – цыган,
ählämi / ähly/ählämi – араб;
musti – темнокожий;
mehmetti / mahmetti – араб;
kafferi – темнокожий;
mökkäkikkeli / mökkakorva / mökkamuna – темнокожий;
musu – темнокожий, араб, мусульманин;
negridi – темнокожий;
neku – темнокожий;
nokikeppi / nokikolari – темнокожий, цыган;
rikastuttaja – беженец;
rättipää – выходец из Среднего Востока;
arabterroristi – араб;
muslimi – араб;
mamu – беженец;
kamelikuski – араб.

Среди этих этнофолизмов две лексические единицы обозначают цыган, 11 – темнокожих, шесть – выходцев из восточных стран и две – беженцев.

Из 21-й лексической единицы три использовались в контекстах, которые относятся к мягкому языку вражды, все остальные принадлежат к среднему языку вражды. Рассмотрим в качестве примера один из контекстов, принадлежащих среднему языку вражды:

Tuupillistä mustalaisten käytöstä. *Mannet* ovat roskaväkeä, paskasakkia. Eläneet Suomessa satoja vuosia eivätkä vieläkään osaa käyttäytyä, hävetkää perkeleet! Sitten vielä ihmettelevät kun heitä kaikkialla halveksitaan ja vihataan. Sitä saa mitä tilaa, niin makaa kuin petaa. – «Типичные цыгане. Цыгане – “народ-мусор”, “мешки с дерьмом”. Живут в Финляндии сотни лет и до сих пор не научились себя вести, позорные демоны! Потом еще удивляются, почему их все презирают и ненавидят. Получили то, за что боролись».

В данной группе избыточно пейоративные номинации, основанные на морфологических признаках (цвет кожи, например, *musti* «черный») и массмедийных стереотипах (*arabterroristi* «араб + террорист»), а также на метонимическом переносе (религия, типичная прическа и т. д., например, *ählämi* – метонимический перенос на основании речи и ее копирования), и типичные имена (*Manne* – цыганское имя). В меньшей степени использовались этнофолизмы, представляющие собой заимствования или этнонимы, измененные по словообразовательной модели, их четыре из 21-го (*tamu* от *maahanmuuttaja* – *иммигрант*), они же представляют собой «мягкий язык» вражды, так как употреблены в менее негативных инфоповах.

Этнофолизмы, называющие ближайших соседей, составляют 25% выборки. Из них шесть называют ближайших соседей (русские, шведы, норвежцы) и один – американцев. К лексическим единицам этой группы относятся: *ruyssä* (русский), *jenkki* (американец), *hurri* (швед), *venakko* (русская), *norski / norsku* (норвежец), *ruosu / ruotsikko* (швед), *svenski* (швед). Из данных этнофолизмов только один принадлежит к среднему языку вражды, остальные относятся к «мягкому языку» вражды. В данной группе три лексические единицы из семи образованы от литературных этнонимов, измененных по словообразовательной модели (например, *venakko* – русская), а три являются заимствованиями (например, *jenkki* – американец). Лишь один этнофолизм образован с помощью метонимического переноса (на основании копирования речи: *hurri* – швед).

Из семи лексических единиц только одна использована в контексте, принадлежащем среднему языку вражды, в остальном для данной группы характерно использование в менее негативных контекстах. Рассмотрим в качестве примера часть контекста, относящегося к «мягкому языку» вражды:

Tekopyhät **norskit!** Olisivat suomalaiset kysyneet Jörkenin sanomisista ja muisteluista Joohawkista, kun Iivon juttuja Myllylästä moittivat... – «Лицемерные норвежцы! Могли ли финны попросить Jörken вспомнить и прокомментировать ситуацию с Йохауг, когда Йиво критиковали из-за Мюллюля...»

Исследование показало, что этнофолизмы, обозначающие национальные меньшинства, являются более пейоративными, по сравнению

с теми, которые обозначают ближайших соседей. Во-первых, пейоративность можно определить по выбору лексических единиц: в отношении национальных меньшинств активнее используются описательные номинации и метонимический перенос, которые являются вербализованной стереотипизацией и четко иллюстрируют оппозицию «свой – чужой». Во-вторых, более негативное значение можно проследить по контекстам, в которых они использованы: негативные инфоповоды, связанные с криминализацией данной группы. Приведем пример контекста с негативными оттенками значения этнофолизма, обозначающего этническое меньшинство:

Suojatyökeskus Yle kutsuu aamutöilläön sexologin puolustamaan suomalaisia naisia raiskaavia ählyjä ja afroja! – «Центр защиты труда Yle приглашает на утреннюю программу сексолога, чтобы защитить африканцев и арабов, насилующих финских женщин».

Оттенки значения, которые можно выделить на основании рассмотренных контекстов: 1) «паразиты», «нахлебники»; 2) насильник; 3) беженец / иммигрант.

Если говорить о массиве этнофолизмов в целом, то можно сделать вывод, что группа лексических единиц, образованных семантическим путем, т. е. с понятной носителям языка семантикой, будет более пейоративной и дискриминирующей по сравнению с образованными по словообразовательной модели.

Этнофолизмы, относящиеся к среднему языку вражды, используются в связи с негативными инфоповодами, такими как *война, преступления, насилие, терроризм*. Этнофолизмы, принадлежащие «мягкому языку» вражды, также сопровождают негативный инфоповод, однако в них отсутствует криминализация определенной этнической группы.

Заключение

Исследование языка вражды и его маркеров, в частности этнофолизмов, в интернет-коммуникации позволяет сделать ряд интересных для межкультурной коммуникации выводов.

Исследование этнофолизмов позволило не только выявить «жертв», но и увидеть некоторую градацию в отношении разных объектов языка вражды: например то, что национальные меньшинства внутри страны

фигурируют в большем числе негативных инфоповодов, связанных непосредственно с финским обществом, и поэтому к ним обращены более пейоративные тексты. Ближайшие соседи также существуют в негативной повестке, но уже в меньшей степени. Из стран, которые находятся на достаточном удалении от Финляндии, в пейоративных текстах встречается лишь Америка, что предсказуемо в связи с политикой США и их огромным влиянием.

Также можно заметить некоторую специфику употребления данных лексических единиц и сделать выводы о существующих моментах социальной напряженности. Как уже было сказано, этнофолизмы в основном используются в текстах с негативным инфоповодом, который в зависимости от того, насколько это влияет собственно на внутреннюю жизнь Финляндии, может вызывать разный уровень отторжения к объектам языка вражды и, следовательно, подключать к коммуникации большую / меньшую долю стереотипизации, этноцентризма и мышления через оппозицию «свой – чужой».

Исследование также показало, что все лексические единицы используются в контекстах с определенным посылом (криминализация, обвинения в насилии, унижение достоинства), из которых можно выяснить некоторые особенности коннотации данных слов. Это говорит о том, что разные этнофолизмы будут иметь разный уровень пейоративности и, следовательно, разную роль в системе угнетения и дискриминации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова И. З.* Этноним «китаец» / «chinois» в этнофолизмах на примере французского языка // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2. С. 69–74. [Borisova, I. Z. (2014). Ethnonym "Chinese" / "Chinois" in ethnofolisms on the example of the French language. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Philology, History and Oriental Studies*, 2, 69–74. (In Russ.)].
- Грищенко А. И., Николина Н. А.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175–187. [Grishchenko, A. I., Nikolina, N. A. (2006). *Ekspressivnyye etnonimy kak primety yazyka vrazhdy* (Expressive ethnonyms as signs of hate speech). In I. T. Vepreva, N. A. Kupina, O. A. Mihajlova (eds.), *Yazyk vrazhdy i*

- yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* (vol. 20, pp. 175–187). Ekaterinburg: Ural University Publishing House (In Russ.).
- Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52. [Grishchenko, A. I. (2007). *Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliiskom yazykakh: etimologicheskii, motivatsionnyi i derivatsionnyi aspekty* (Sources of the emergence of expressive ethnonyms (ethnofolisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects). In N. A. Nikolina (ed.), *Aktivnye protsessy v sovremennoi leksike i frazeologii* (pp. 40–52). Yaroslavl': Remder. (In Russ.)].
- Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Тверь, 2009. [Evstaf'eva, A. V. (2009). “Yazyk vrazhdy” v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funktsionirovaniya: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk (*“Hate speech” in the media: linguistic and extralinguistic factors of functioning*): abstract of PhD in Philology. Tver'. (In Russ.)].
- Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М. : Наука, 1966. [Porshnev, B. F. (1966). *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya (Social psychology and history)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Язык вражды против общества: сб. статей / сост. А. М. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. [Verkhovskii, A. M. (2007). *Yazyk vrazhdy protiv obshchestva (Hate speech against society)*. Moscow: Tsentr “Sova”. (In Russ.)].
- Neuvonen R. *Vihapuhe Suomessa*. Helsinki: Edita, 2015. (In Fin.)
- Tammi J. *Suuri kirosanakirja : uusi laitos*. Helsinki: Pilkku-idis, 2016. (In Fin.)
- Tammi J. *Suuri nimittelysanakirja : haukkumaherkkujen aarrearkku*. Helsinki: Pikku-idis, 2014. (In Fin.)

УДК 811.113.4

Э. Б. Крылова

доктор филологических наук,
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова; e-mail: elvira_krylova@yahoo.dk

ДАТСКИЕ ГЛАГОЛЫ *TRO*, *SYNES* И *MENE* В ФУНКЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРЕДИКАТОВ¹

В статье проводится анализ значений и функций датских глаголов *tro* – думать / полагать, считать; *mene* – иметь в виду / считать; *synes* – считать / казаться, которые относятся к группе ментальных предикатов. Особенностью данных предикатов является то, что они вводят нефактивную информацию и отличаются от фактива *vide* – знать по целому ряду параметров: просодически, семантически, синтаксически и коммуникативно. Возможность глаголов *tro*, *synes* и *mene* выступать в роли эксплицитных модусов, занимать место эпистемических операторов в структуре предложения и выражать их значения позволяет говорить о функционировании данных глаголов как эпистемических предикатов.

Ключевые слова: ментальные глаголы; эпистемическая модальность; эвиденциальность; семантика; коммуникативные функции.

Е. В. Krylova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor at the Department
of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University;
e-mail: elvira_krylova@yahoo.dk

DANISH VERBS *TRO*, *SYNES* AND *MENE* AS EPISTEMIC PREDICATES

This article presents an analysis of meanings and functions of the Danish verbs *tro* 'think / believe', *mene* 'intend / mean / be of the opinion', *synes* 'seem / think' which belong to the group of mental predicates. These verbs communicate an idea about reality which is not indisputably true, and differ from the factive *vide* 'know' on wide range of parameters: prosodic, semantic, syntactical, and communicative. The ability of the verbs *tro*, *synes*, and *mene* to appear in the role of explanatory modes, to occupy the position of epistemic operators in the sentence structure and express the meaning of an epistemic modality, allows us to speak of these verbs as epistemic predicates.

Key words: mental verbs; epistemic modality; evidentiality; communicative functions.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146

Объектом нашего анализа являются датские предикаты: *tro* – думать / полагать / считать; *mene* – иметь в виду / считать / думать; *synes* – считать / думать / казаться. Эти глаголы относятся к группе ментальных предикатов и являются путативами, т. е. дают представление о действительности, которое не является заведомо истинным. Общим для данных глаголов и глагола *vide* – знать, является то, что исследователи относят их к большой группе предикатов внутреннего устойчивого состояния, или стативам (ср. исследования на материале различных языков [Есперсен 1958, с. 95; Булыгина 1982, с. 46; Зализняк 2006, с. 198 и др.]) и противопоставляют их глаголам временного состояния по признаку независимости / зависимости от реального протекания во времени:

Ср.: Jeg *tror*, det er hendes søn. – Я думаю, это ее сын.
Jeg *tænker* på hendes søn. – Я думаю о ее сыне.

Однако предикаты *tro*, *synes* и *mene* отличаются от фактива *vide* по ряду просодических, семантических, синтаксических и прагматических признаков. В рамках данной статьи на примерах из электронного корпуса датского языка [KorpusDK] будут проанализированы только те из них, которые важны для заявленной проблематики.

Оппозиция «знать – считать»

Общим значением как датских, так и русских путативных глаголов является значение «считать». Подробный анализ оппозиции «знать – считать» в русском языке дается в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, А. А. Зализняка и других исследователей [Арутюнова 1988; Апресян 2009; Зализняк 2006]. В датском языке эта оппозиция представлена предикатом знания *vide* и предикатами мнения: *tro* – думать, полагать, *synes* – считать, думать, казаться, *mene* – считать, иметь в виду, думать, *være sikker på* – быть уверенным, *være i tvil om* – сомневаться и др. В датской лингвистике эта тема затрагивалась в работах О. Миккельсена, Э. Хансена, Э. Хансена и Л. Хельтофта, П. Дурста Андерсена, О. Тогебю, Е. Скафте Йенсен и др. [Mikkelsen 1911; Hansen 1999; GDS 2011; Durst-Andersen 2011; Togeby 2017; Jensen 1997].

Разницу в семантике глаголов *vide* – знать и *tro* – думать / предполагать иллюстрирует следующий пример:

For første gang var der noget dem imellem... og det havde at gøre med det faktum, at hun **troede en ting**, og han **vidste** en anden... – «Впервые что-то было между ними... и все дело было в том, что она думала (предполагала) одно, а он знал другое».

Противопоставление знания мнению заключается в том, что у знания есть источник, о котором можно спросить носителя данного знания, а у мнения такого источника нет, однако у мнения есть причина, на основании которой оно формируется субъектом, это могут быть какие-либо факты, его собственные рассуждения, гипотезы:

Jeg **ved**, at skibet bærer hans navn. – Hvor ved du det fra?
«Я знаю, что корабль носит его имя. – Откуда ты это знаешь?»

Jeg **tror**, at skibet bærer hans navn. – Hvorfor tror du det?
«Я думаю, корабль носит его имя. – Почему ты так думаешь?»

Знание всегда деперсонифицировано, тогда как мнение субъективно, им могут интересоваться, ему может быть противопоставлено другое мнение, оно может быть оспорено. В этой связи представляется интересным отрывок из диалога Аладдина с матерью из поэмы Адама Г. Эленшлегера «Аладдин, или Волшебная лампа»:

Morgiane: ...Men hvad jeg **mener**, maa jeg sige dog
Aladdin: Hvad **mener** I da, Moder? Siig Jer Meening!
Morgiane: Det som jeg **mener**, Søn, er at jeg **mener**,
At hvad Du **mener**, er ei rigtig **meent**.
Aladdin: Hvad **mener** jeg da, Moer?
Morgiane: Ja, det ved Himlen!

(A. G. Oelenschläger
«Alladin eller den forunderlige Lampe»)

Из сказанного следует, что темой сложноподчиненного предложения с фактивным предикатом вводящей пропозиции *Jeg ved, at P* (*Я знаю, что P*) является содержание подчиненной пропозиции, тогда как при вводящем предикате мнения подчиненная пропозиция является новой информацией, т. е. ремой: *Jeg mener / synes / tror, at P* – *Я считаю / думаю / полагаю, что P* [Glismann 1979, с. 164; Апресян 2009, с. 75].

Разница в тема-рематическом членении сложноподчиненных предложений с вводящими предикатами *vide – tro / mene / synes*, составляющими оппозицию *знать – считать*, проявляется и в невозможности

последних допускать в качестве дополнения косвенный вопрос (ср. с русскими интеррогативами в [Падучева 2009, с. 154]), тогда как предикат знания *vide* обнаруживает такую способность:

Jeg *ved*, hvor hun bor. – *Jeg *tror* / *synes* / *mener*, hvor hun bor.

«Я знаю, где она живет». – «*Я полагаю / оцениваю / считаю, где она живет».

К просодическим особенностям вводящей пропозиции с рематическим предикатом, выраженным глаголом *vide* – *znanť*, относятся ударная позиция предиката и пауза перед придаточным предложением с союзом *at* – *что*. При этом предикат знания может делить ударную позицию с отрицанием *ikke* или афfirmативной частицей *godt*, антонимичной данному отрицанию:

Jeg *vidste*, at deres datter var 18 år. – «Я знал, что их дочери 18 лет».

Jeg *vidste ikke*, at hun ville komme. – «Я не знал, что она придет».

Jeg *ved godt*, at jeg svigtede mine kammerater på landsholdet. – «Я знаю, что подвел товарищей по сборной».

Для вводящих пропозиций с ментальными предикатами, выраженными формами глаголов *tro*, *mene* или *synes*, характерны безударная позиция предикатов и отсутствие паузы перед придаточным изъяснительным с союзом *at что*, который при этом может опускаться:

Jeg *mener*, (at) det er en forkert vurdering. – «Я считаю, (что) это неправильная оценка».

Jeg *synes*, (at) vi skal have en træner med international erfaring. – «Мне кажется, (что) нам нужен тренер с международным опытом».

Jeg *tror*, (at) fjernundervisning kan bruges på andre kurser. – «Я думаю, (что) дистанционное обучение может использоваться на других курсах».

Как отмечают исследователи, оппозиция «знание – мнение» обнаруживается и в том, что в сложноподчиненных предложениях с вводящими предикатами мнения наблюдается «трансформация “подъема отрицания”, переводящая отрицание из придаточного предложения в главное» без существенного изменения значения высказывания, что невозможно в случае употребления предикатов знания [Демьянков 1980, с. 344; Hansen 2000, с. 70; DSG-2011, с. 3b; Boye, Harder 2007,

с. 567]. При этом обращается внимание на то, что такая трансформация подъема факультативна и, например, в русском языке возможны оба варианта позиции отрицания: как в контексте ментального предиката, так и в структуре придаточного предложения [Апресян 2009, с. 78]. В датском языке обнаруживается не только необходимость перенесения отрицания из придаточного предложения в главное, но и возможность перенесения туда некоторых типов обстоятельств, модальных слов и частиц, что наряду с опущением союза *at* может быть расценено как тенденция к синтаксическому слиянию двух предложений [Hansen 2000, с. 76–77; Boye, Harder 2007, с. 570; Togeby 2017, с. 19–23].

Ср.:

Jeg *tror egentlig udmærket*, (at) de kunne klare at sejle uden grejet. –
«Я полагаю, они, собственно, прекрасно могли бы плавать и без оборудования».

De kunne *egentlig udmærket* sejle uden grejet. –
«Они, собственно, прекрасно могли бы плавать и без оборудования».

Ср.:

Jeg *mener ikke* (at) han gider mere. –
«Я считаю / по-моему, он больше не хочет».

Han gider *ikke* mere. –
«Он больше не хочет».

Ср.:

Jeg *synes snarere*, (at) denne udvikling er dybt problematisk. –
«Мне кажется, это развитие, скорее, глубоко проблематично».

Denne udvikling er *snarere* dybt problematisk. –
«Это развитие, скорее, глубоко проблематично».

Ментальные предикаты при совпадении субъекта вводящей пропозиции и субъекта всего высказывания выражают лишь отношение говорящего к подчиненной пропозиции, или пропозициональную установку говорящего [Boye, Harder 2007, с. 567]. Они могут стоять как в препозиции, так и в постпозиции к придаточному предложению, а также занимать парентетическую позицию:

Jeg synes, det er meget væsentligt. –
«Мне кажется, это очень существенно».

Det *synes jeg* er meget væsentligt. –
«Это, как мне кажется, очень существенно».

Det er meget væsentligt, *synes jeg*. –
«Это очень существенно, как мне кажется».

Итак, наличие у анализируемых ментальных предикатов таких особенностей, как их безударность, тематическая позиция, тенденция к синтаксическому слиянию, проявляющаяся в перенесении отрицания, некоторых типов обстоятельств и модальных операторов из придаточного предложения в главное, а также возможность опущения союза, приводит исследователей к выводу о вспомогательном статусе данных глаголов [Hansen 2000, с. 76–77].

Датскими исследователями отмечается также, что парентетическая позиция данных эксплицитных модусов в структуре предложения аналогична позиции эпистемических операторов [Jensen 1997, с. 30; Boye, Harder 2007, с. 567; GDS 2011, с. 1074]:

Hun var, *syntes* jeg, i godt humør. –
«У нее, по-моему, было хорошее настроение».

Hun var *nok* bare i godt humør. –
«У нее, скорее всего, было просто хорошее настроение».

Hun var *formodentlig* i godt humør. –
«У нее, предположительно, было хорошее настроение».

Ментальные предикаты *tro*, *synes* и *мене*, являясь путативами, выражают различные значения эпистемической модальности, под которой мы понимаем отношение говорящего к своему высказыванию с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее перед слушающим [Крылова 2016, с. 26]. К эпистемическим значениям мы относим как значения гипотезы, когда говорящий не знает реального положения дел, так и значения неуверенности, когда у говорящего есть информация, но ее недостаточно для выражения достоверного знания, и он сигнализирует это слушающему при помощи специальных средств. Значения неуверенности относятся к эвиденциальным значениям, под ними мы понимаем отсылку говорящего

к источникам информации, на которой он строит свое высказывание, эксплицируя при этом разную степень своей ответственности за его достоверность.

Семантика предиката, выраженного формой глагола *tro*

Эпистемическое значение предиката пропозициональной установки *tro* – думать / предполагать / считать обусловлено общей для всех значений данного глагола семантикой: *верить, доверять*:

Jeg *tror* på Jesus, du *tror* på Allah, han *tror* på ingenting. –
«Я верю в Иисуса, ты – в Аллаха, он не верит ни во что».

Поскольку верят в то, чего не знают, то эпистемическое значение данного предиката можно охарактеризовать как гипотезу, предположение. Предположение о достоверности *P* как следствие незнания не означает, что говорящий может тут же отказаться от него, он высказывает эту гипотезу как единственную, в достоверность которой он верит. Эксплицитное выражение данного модуса сигнализирует ответственность самого говорящего за выбор именно данной гипотезы как достоверной:

Jeg *tror*, det bliver en dreng mere. –
«Я думаю, будет еще один мальчик».

Типичными для употребления гипотетического предиката являются футуральные и условные контексты, а также использование глагольных форм сослагательного наклонения в составе подчиненной пропозиции:

Jeg *tror* ikke, flere penge vil gøre danske film væsentligt bedre. – «Я думаю, что выделение еще больших средств не сделает датские фильмы существенно лучше».

Jeg *tror*, mange mennesker ville have godt af at fortælle, hvordan de havde det, da de var børn. – «Я полагаю, многие были бы рады рассказать, какое у них было детство».

Интересными представляются исследования О. Тогебю, который, основываясь на работах Кр. Миккельсена [Mikkelsen 1911], конкретизирует эпистемические значения высказываний, формируемые

в зависимости от временных форм вводящего предиката, предиката подчиненной пропозиции и ряда других показателей, например, адвербиальных [Togebу 2017]. Так, исследователь определяет эпистемический модус следующего высказывания как контрфактуальную гипотезу (*det hypotetisk kontrafaktiske*):

Jeg *tror egentlig udmærket*, (at) de kunne klare at sejle uden (grejet), men de er blevet psykologisk afhængige [Togebу 2017, с. 26]. – «Я *полагаю*, они, собственно, прекрасно могли бы плавать и без (оборудования), но они стали психологически зависимы».

Вводящий предикат в форме перфекта *har troet* в контексте предиката подчиненной пропозиции, выраженного формой претерита, формирует, по мнению О. Тогебю, инференциальное значение «вера в подразумеваемые контрфактуальные отношения»:

har troet + datid:

INFERENTIELT OM TRO PÅ UNDERFORSTÅET
KONTRAFAKTISKE FORHOLD

Jeg har troet, at jeg elskede dig, jeg har bildt mig selv ind at du forstod mig, men nu ser jeg så klart, at du aldrig har forstået mig, og derfor har jeg nok aldrig elsket dig [Togebу 2017, с. 27]. – «Я думала, что люблю тебя, вообразила, что ты меня понимаешь, но теперь вижу, что ты никогда не понимал меня, а значит, я, скорее всего, никогда тебя не любила».

Семантика предиката, выраженного формой глагола *synes*

Глагол *synes* в функции вводящего предиката выражает субъективное отношение говорящего к содержанию подчиненной пропозиции. Глагол *synes* образован от глагола *syne*, который имеет как значение «осмотреть / оценить», так и значение «казаться, выглядеть», т. е. *восприниматься как...* Исходная семантика глагола, предполагающая оценку субъектом того, что он воспринимает, исключает возможность выражения глаголом *synes* значения гипотезы, предположения, которое характерно для семантики предиката *tro*. Разницу в семантике данных глаголов может проиллюстрировать следующий пример, где глагол *synes* выражает отношение, оценку, а глагол *tro* – предположение:

Synes du måske ikke, jeg har ret? *Tror* du måske ikke, jeg ved, hvordan en morsom person bedømmes af dem, der ler? – «Может быть, ты считаешь, что я неправ? Может, ты думаешь, я не знаю, как относятся к тому, кто смешит, те, кто смеются?»

Основным значением глагола *synes*, таким образом, является значение субъективной оценки говорящим того, что он видел, слышал, переживал, пробовал на вкус:

Jeg *synes*, kagen smager godt. –
«По-моему, торт вкусный».

Filmen, *synes jeg*, er morsom. –
«Фильм, по-моему, смешной».

Hun er smuk, *synes jeg*. –
«Она красивая, по-моему».

В связи с этим предикат подчиненной пропозиции обычно также имеет семантику оценки, чаще всего – аксиологической (хорошо / плохо) При этом говорящий может выражать такую оценку не только собственно оценочными предикатами, но и их модификаторами:

Jeg *synes længe*, vi har manglet et fast program. –
«По-моему, нам давно не хватало четкой программы».

Такая функциональная семантика предиката *synes* исключает возможность его использования в футуральном контексте, но допускает в модальном:

Vi *synes*, at det skulle være forbudt at drikke for børn under 13 år. – «Нам кажется, следовало бы запретить употреблять алкоголь детям до 13 лет».

Модус *jeg synes* способен вводить и констатирующую пропозицию, которая при этом может стоять как в постпозиции к нему, так и в препозиции. При инверсии модуса и подчиненной пропозиции ее констатация говорящим делается уже с некоторой оговоркой. Иллокутивная функция такого высказывания – выразить неуверенность говорящего в реальности своих ощущений, ср.:

Det banker på døren. – Jeg *synes*, det banker på døren. – Det banker på døren, *synes jeg*. – «Стучат в дверь. – Мне кажется, стучат в дверь. – В дверь стучат, кажется».

Здесь мы видим, как модус субъективной оценки преобразуется в эпистемический, так как воспринимаемые говорящим симптомы могут интерпретироваться им по-своему:

Døren til det lille værelse er lukket. Jeg *synes*, jeg kan høre min far er vågen derinde, men jeg siger ikke noget, for hvis han nu ikke er. Det kan også være vinduet der står åbent. – «Дверь в маленькую комнату закрыта. Мне кажется, я слышу, что папа проснулся, но ничего не говорю, а то вдруг – еще нет. Это, может быть, окно открыто».

Такая неуверенная оценка говорящим воспринимаемых им факторов, его субъективное объяснение ситуации передается русским глаголом *казаться*:

Himlen var så klar, at jeg syntes jeg kunne se enhver stjerne. – «Небо было такое чистое, что мне казалось, я видела каждую звездочку».

Таким образом, эпистемический модус предиката, выраженного глаголом *synes*, вносит в высказывание значение неуверенной оценки говорящим воспринимаемой ситуации. Говорящий допускает такую оценку как достоверную, однако слушающий должен сам решить, соглашаться ли с нею.

Семантика предиката, выраженного глаголом *мене*

Разницу в семантике предикатов пропозициональной установки, выраженных формами глаголов *мене* и *тро*, иллюстрирует следующий пример:

Jeg ved, det er Bart. Jeg skal radbrække det svin! Er han herinde? Er det dig, der er manden bag denne "morsomhed"? – Н-*hvad mener* du? – Ja, hvad *tror* du? – «Я знаю, это все Барт. Я колесую эту свинью! Он здесь? Это была твоя шутка? – Ч-что ты имеешь в виду? – Ну, а ты как думаешь?»

Глагол *мене* выражает мнение говорящего о каком-то событии, человеке, явлении, мнении, идее и т. д. Схожее значение передает вводящая пропозиция *min mening er, P – мое мнение, P*:

Krigen er en dårlig ting... så jeg mener (min mening er), at det bedste ville være at finde en politisk løsning. – «Война – дело плохое... так что я считаю (мое мнение), лучше всего найти политическое решение».

Mene может также вводить уточнение, конкретизацию мысли говорящего и выражать значение «иметь в виду», которое чаще всего проявляется в реактивном вопросе *Hvad mener du?* – *Что ты имеешь в виду?* и в ответе на него:

Hvad i alverden *mener* du med det, spurgte Fru Sander. – Jeg *mener*, hvorfor åbner du døren og siger, at I ikke skal have noget, når I ser så ulykkelige ud? – «Что это ты имеешь в виду? – спросила госпожа Сандер. – Я имею в виду, почему вы открываете дверь и говорите, что вам ничего не нужно, когда вы выглядите такими несчастными?»

Эпистемическое значение, выделяемое нами у данного предиката, можно определить как неуверенное припоминание, которое мы относим к значениям косвенной эвиденциальности [Крылова 2016, с. 31]. Условием формирования данного эпистемического значения у глагола *mene* чаще всего является употребление предиката подчиненной пропозиции в форме прошедшего времени:

Jeg *mener*, det var i marts jeg så ham. –
«По-моему, я видел его в марте».

Jeg *mener* bestemt, at det var en DR-kanal der for 4-5 år siden viste et par sæsoner af komponistens koncerter. Dem må I gerne genudsende. – «По-моему, какой-то из каналов датского радио 4-5 лет тому назад в течение нескольких сезонов определенно транслировал концерты этого композитора. Буду рад, если их повторят».

Русское *по-моему*, используемое нами при переводе *jeg mener*, является производным от притяжательного прилагательного *мой* в дательном падеже с приставкой *по-* и имеет значение «согласно моему мнению» или «мне кажется» [Апресян 2009, с. 73].

Часто употребляющееся в контексте данного ментального предиката модальное слово *bestemt* (*определенно, точно*) отдельно или с собственными усилителями типа *ganske / helt bestemt* (*абсолютно / совершенно точно*) может восприниматься как усилитель вводящего предиката, однако, оно, как и другие единицы, о которых мы писали выше, относится к содержанию подчиненной пропозиции. Ср.:

Jeg *mener* bestemt, at det her er min svigermors opskrift, som jeg har fået for mange år siden. – «По-моему, это точно рецепт моей свекрови, который она мне дала много лет назад».

Det her er bestemt min svigermors opskrift. –
«Вот это точно рецепт моей свекрови».

Ср.:

Jeg *mener* ganske bestemt ikke, at der på noget tidspunkt var givet besked på at brænde Land og Folks bygning af. – «По-моему, никогда никаких указаний о том, что надо сжечь здание издательства Land og Folk, определенно дано не было».

Der var ganske bestemt ikke på noget tidspunkt givet besked på at brænde Land og Folks bygning af. – «Никаких указаний сжечь здание издательства Land og Folk совершенно точно никогда дано не было».

Анализ материала показывает, что эксплицитный модус мнения говорящего о достоверности пропозиции снижает ответственность говорящего за достоверность припоминаемого или передает его «сдержанное отношение» к нему [Glismann 1978, с. 150].

Ср.:

Du var 7 år, da din mor døde. Husker du hende? – Ja, det *mener* jeg. Men man ved jo aldrig rigtig, hvad man har fået fortalt, og hvad man husker. Men jeg *mener*, jeg husker hende meget tydeligt. – «Тебе было 7 лет, когда твоя мама умерла. Ты ее помнишь? – Да, кажется, помню. Но никогда ведь не знаешь точно, что тебе рассказывали, а что ты сам помнишь. Но мне кажется, я помню ее очень хорошо».

Men jeg husker hende meget tydeligt. – «Но я помню ее очень хорошо».

Таким образом, эпистемическое значение, выражаемое модусом *jeg mener*, *at...* (*по-моему / мне кажется, что...*) мы определяем как модус неуверенного припоминания говорящим информации, которую он считает достоверной.

Выводы

В результате проведенного анализа мы приходим к выводу, что предикаты пропозициональной установки, выраженные формами глаголов *tro*, *synes* и *mene*, имеют следующие эпистемические значения:

- *Jeg tror* – гипотеза, в достоверность которой верит говорящий: *я полагаю / предполагаю / думаю, что P*.
- *Jeg synes* – неуверенная оценка говорящим сложившейся ситуации, которую он допускает к рассмотрению как достоверную,

но слушающий должен сам решить, так это или нет: *мне кажется / по-моему / я считаю, что P.*

- *Jeg mener* – неуверенное припоминание говорящим того, что ему кажется достоверным и что, в случае необходимости, может подтвердить или опровергнуть кто-то третий: *по-моему / мне кажется, что P.*

Такие факторы, как функционирование глаголов *tro*, *synes* и *mene* в качестве эксплицитных модусов, тенденция к синтаксическому слиянию частей сложноподчиненного предложения, место эпистемических операторов, занимаемое данными предикатами в структуре предложения, значения эпистемической модальности, выражаемые ими в определенных контекстных и структурных условиях, позволяют прийти к заключению о грамматикализации данных предикатов и превращении их в эпистемические операторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии: в 2 т. М. : Языки славянских культур, 2009. Т. 1. Парадигматика. [Apresyanyan, Yu. D. (2009). Issledovaniya po semantike i leksikografii (*Research in semantics and lexicography*) (vol. 1. Paradigmatika). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)].
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М. : Наука. 1988. [Arutyunova, N. D. (1988). Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt (*Types of language values. Assessment, event, fact*). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Булыгина Т. В. К типологии построения предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. М. Селиверстова. М. : Наука, 1982. С. 7–85. [Bulygina T. V. (1982). K tipologii postroeniya predikatov v russkom yazyke (On the typology of constructing predicates in Russian). In O. M. Seliverstova (ed.), *Semanticheskie tipy predikatov* (pp. 7–85). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Демьянков В. З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1980. №4. С. 336–346. [Dem'yankov, V. Z. (1980). Predikaty i kontseptsiya semanticheskoi interpretatsii (Predicates and the concept of semantic interpretation). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i jazyka*, 4, 336–346. (In Russ.)].
- Есперсен О. Философия грамматики. М. : Изд-во иностранной литературы. 1958. [Jespersen, O. (1958). The philosophy of grammar. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russ.)].

- Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур. 2006. [Zaliznyak, A. A. (2006). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya (Polysemy in language and ways of its representation)*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Крылова Э. Б. Средства эпистемической модальности датского языка как парадигматическая гиперсистема // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2016. № 6. С. 26–47. [Krylova, E. B. (2016). Means of Epistemic Modality in Danish as a Paradigmatic Hypersystem. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*, 6, 26–47. (In Russ.)]
- Падучева Е. В. Статьи разных лет. М. : Языки славянских культур. 2009. [Paducheva, E. V. (2009). *Stat'i raznykh let (Articles of different years)*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Boye K., Harder P. Complement-taking predicates: Usage and linguistic structure // *Studies in Language*, 31(3). 2007. P. 569–606.
- Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag 2011. 200 s. (In Dan.)
- GDS 2011 – Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog. København/Odense: Det Danske Sprog-og Litteraturselskab/Syddansk Universitetsforlag. 3 b. 1167 s. (In Dan.)
- Glismann O. Om vurderende udsagn og emotive prædikater // *NyS – Nydanske Studier & Almen kommunikationsteori*. 10–11. S. 131–160. (In Dan.)
- Hansen E. Antepøneret adverbial // *Ny forskning I Grammatik. Fællespublikation 7. Pharmakonsymposiet 1999*. Odense: Universitetsforlag. 2000. S. 73–86. (In Dan.)
- Jensen E. S. Godt og gerne – modalitet og polaritet // Peter Widell & Mette Kunøe (red.) 6. Møde om udformningen af Dansk sprog. Århus: 1997. S. 154–164. (In Dan.)
- KorpusDK. URL: ordnet.dk/korpusdk/ (дата обращения: 21.01.2020) [KorpusDK. (21.01.2020). ordnet.dk/korpusdk/ (In Dan.)].
- Togeby O. Tidernes følge – hos Mikkelsen. 2017. URL : pure.au.dk/portal/files/109785711/Togeby_14_Tidernes_F_lge.pdf (дата обращения: 21.01.2020). [Togeby O. (2017). *Tidernes følge – hos Mikkelsen (The sequel of the times - at Mikkelsen)*. pure.au.dk/portal/files/109785711/Togeby_14_Tidernes_F_lge.pdf (In Dan.)].

УДК 81'322.2

Е. В. Литовских, И. А. Рейер

Литовских Е. В., кандидат исторических наук, доцент;
научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы,
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва; e-mail: elitovskih@mail.ru

Рейер И. А., кандидат технических наук,
научный сотрудник Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» Российской академии наук,
научный сотрудник Центра хранения и анализа больших данных,
МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва; e-mail: reyer@forecsys.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ *STURLUBÓK*

Создавая свою редакцию «Книги о занятии земли», Стурла Тордарсон внес большой вклад в отбор источникового материала, его компоновку и формирование единого стиля изложения. В рамках количественного анализа содержания текста рукописи «Книги Стурлы» нами было определено соотношение формализованного текста генеалогических перечней и топографических сведений к висам и прядям. Максимально насыщенной «неформульными» фрагментами оказалась вторая часть «Книги Стурлы», посвященная заселению Западной четверти Исландии – родины Стурлы.

Ключевые слова: «Книга о занятии земли»; «пряди»; Стурла Тордарсон; источниковедение; количественный анализ содержания; математические методы анализа текста.

E. V. Litovskikh, I. A. Reyer

PhD (History), Associate Professor,
Researcher at the Department of Byzantine and East European History,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
e-mail: elitovskih@mail.ru

Reyer I. A., PhD (Technology),
Researcher at the Federal Research Center
“Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow;
Researcher at the Big Data Storage and Analysis Center
of Lomonosov Moscow State University; e-mail: reyer@forecsys.ru

LINGUISTIC FEATURES OF THE *STURLUBÓK*'S STRUCTURE

Creating his own edition of the “Book of Settlements”, Sturla Þórðarson made a great contribution to the selection of source material, its composition and the formation of a uniform narrative style. Within the framework of a quantitative content

analysis of the only *Sturlubók's* manuscript, we determined the ratio of the formalized text (i.e., genealogical lists and topographic information) to *vísur* and *þættir*. The second part of the *Sturlubók* devoted to the settlement of the Western *firðing* of Iceland – the homeland of Sturla, turned out to be the most saturated with “informal” fragments.

Key words: Landnámabók (The Book of Settlements); þættir; Sturla Þórðarson, source criticism, quantitative content analysis, mathematical methods of text analysis.

Введение

«Книга о занятии земли» (*Landnámabók*) – средневековое историческое произведение, излагающее события первого периода заселения Исландии, конца X – начала XI вв. В нем последовательно рассказывается о первопоселенцах и территориях, которые они заняли по всему острову по часовой стрелке вдоль всего побережья от района современной столицы Исландии Рейкьявика – места прибытия Ингольва Арнарсона (849–910), считающегося первым постоянным поселенцем. Эти сведения изложены достаточно формализованным языком, однако в некоторых случаях встречаются более развернутые топонимические легенды и жизнеописания первопоселенцев. Последние выделяются стилистически, и их можно считать «прядами».

Кирстен Хаструп полагала, что основной целью для написания «Книги о занятии земли» было подтверждение прав на земельное владение, даже через шесть, семь поколений [Hastrup 1979, с. 183]. Аналогичного мнения был и Свейнбьёрн Равнссон. При этом он пытался доказать, что изначальные сведения были подправлены в XII–XIII вв. с тем, чтобы обосновать претензии тех или иных людей на земельные участки [Sveinbjörn Rafnsson 1974]. Другой точки зрения придерживался Якоб Бенедиктссон, полагавший, что в «Книге» первичными и структурно образующими являются топонимы. По его мнению, все имена «Книги» связаны исключительно с упоминаемыми в тексте топонимами, следовательно, они сохранились только в форме топонимических преданий, а все сведения о «неоттопонимических» именах поселенцев, как он считал, оказались утрачены [Jakob Benediktsson 1974]. Ссылаясь на эти концепции, некоторые ученые высказывали сомнения в надежности «Книги о занятии земли» как исторического источника [Sigurður Línal 1969, bls. 15; Hermann Pálsson 1988, с. 24–28]. Однако более поздние исследования доказали возможность

привлечения сведений «Книги» для характеристики исландского общества периода заселения [Walker, Byock, Eng, Erlandson, Holck, Prizer, Tveskov 2004; Sverrir Jakobsson 2009].

Топонимические легенды и жизнеописания первопоселенцев до сих пор выделялись исследователями лишь эмпирически, в связи с чем отсутствовал четкий критерий принадлежности фрагмента к прядям, и создавалось ложное впечатление наполненности ими отдельных частей. Представляется интересным проследить текстологические особенности частей «Книги о занятии земли» (главной из которых будет соотношение в тексте формульных фрагментов и прядей) с помощью математического инструментария и выяснить причины появления данных особенностей.

Структура «Книги о занятии земли»

1. Рукопись AM 107 fol и ее особенности

«Книга о занятии земли» сохранилась в пяти редакциях, древнейшая из которых (*Sturlubók*, «Книга Стурлы») датируется примерно 1275–1280 гг. Она была написана на древнеисландском языке (в отличие от большинства аналогичных континентальных произведений, созданных на латыни) ученым, поэтом и политическим деятелем Стурлой Тордарсоном (1214–1284), принадлежащим к одному из знатнейших и влиятельнейших родов Исландии XIII в.

Большая часть текста «Книги Стурлы» совпадает с остальными редакциями, хотя в поздних редакциях имеются небольшие сюжетные дополнения и уточнения родословных. Значительно отличаются по содержанию лишь первые пять глав, эпилог, вставленный в редакцию *Hauksbók*, и так называемые дополнения (*viðauki*) редакции *Skarðsárbók* (подр. о текстологическом соотношении редакций см.: [Varði Guðmundsson 1938; Jón Jóhannesson 1941, bls. 140–180].

«Книга Стурлы» сохранилась в единственном бумажном списке середины XVII в. (рукопись AM 107 fol), сделанном одним почерком с пергаменного протографа, который сгорел в Копенгагенском пожаре 1728 г. Все исследователи сходятся на том, что это рука священника Йоуна Эрлендссона из Потока. Данная рукопись состоит из 80 листов, лл. 76–80 об. – чистые, оставлены места для инициалов. Исправлений и помарок в тексте практически нет. По утверждениям

источниковедов, орфография рукописи свидетельствует о том, что Йоун пользовался списком ок. 1400 г. [Jakob Benediktsson 1968, bls. LXIII].

Текст рукописи разделен самим Йоуном на 102 главы (после гл. 40 идет гл. 42), главы 1–3, 10 и 11 кроме порядкового номера имеют заголовки, выполненные прописными буквами. Предисловие и первые три главы являются вводными. «Книга» состоит из пяти частей, соответствующих исландским административным единицам – четвертям (первая и пятая части рассказывают о заселении Южной четверти). Это связано с тем, что область около Рейкьявика, с описания заселения которой начинается «Книга о занятии земли», находится в центре Южной четверти. Соответственно, в первой части описывается заселение Южной четверти от Рейкьявика на север, а в пятой – заселение Южной четверти от границы с Восточной до Рейкьявика.

В данном исследовании мы используем электронную версию лингвистического издания «Книги Стурлы», сделанную нами непосредственно с рукописи AM 107 fol. Наличие единственного списка редакции при четкой авторской позиции Стурлы облегчает решение поставленных нами технических задач.

2. Источники «Книги о занятии земли»

Можно говорить о том, что при работе над «Книгой о занятии земли» Стурла Тордарсон использовал весь спектр доступных ему источников, как устных, так и письменных (о существовании части из которых мы можем только делать предположения), в разной степени перерабатывая их и выстраивая в единое последовательное повествование в соответствии со своим авторским замыслом.

В Предисловии, написанном в лучших ученых традициях своего времени, Стурла ссылается на письменные английские источники, в том числе сочинение Беды Достопочтенного (ок. 673–735) «Об исчислении времен» (*De temporum ratione*) [Landn. Formáli, bls. 1].

Большинство исследователей полагают, что Стурла Тордарсон использовал и утраченные ныне произведения историков и писателей Сэмунда Сигфуссона Мудрого (1056–1133), Ари Торгильссона Мудрого (1067/68–1148) и Кольскегга Асбьёрнссона Мудрого (ум. ок. 1130).

Известно, что Хаук Эрлендссон пользовался работой Стюрмира Карасона (1170?–1245), поскольку это он отметил в эпилоге к своей

редакции «Книги о занятии земли». Если исходить из того, что характер расхождений между редакциями Стурлы и Хаука незначителен, и учесть тот факт, что Стюрмир был помощником Снорри Стурлусона, родного дяди Стурлы, то можно с высокой степенью вероятности предполагать, что Стурла также был знаком с «Книгой Стюрмира» (что бы она собой ни представляла). Однако, на наш взгляд, нельзя категорично утверждать, что «Книга Стюрмира» была первой полноценной редакцией «Книги о занятии земли», ввиду невозможности однозначной реконструкции текста «Книга Стюрмира».

Еще одним важным источником Стурлы были саги, как родовые, так и королевские. Многие из них были записаны в то же время, что и сочинение Стурлы, или чуть позже (вполне возможно, им самим, его дядей Снорри Стурлусоном или кем-то еще из Стурлунгов или их ближнего окружения), поэтому невозможно однозначно установить, какими именно вариантами саг (устными или письменными), пользовался Стурла: во всех случаях, независимо от характера источника, автор применяет обороты «о чем говорится / рассказывается в саге»:

«*Sem segir í sögu hans*» [Landn. K. 37. Bls. 22];

«*þaðan af giorðist saga Bauðmóðs gerpis ok Grímólfs*» [Landn. K. 52. Bls. 35];

«*af því gíaurðist Þorskfirðinga saga*» [Landn. K. 40. Bls. 26];

«*þar hafa margar stórar saugur geyrst*» [Landn. K. 87. Bls. 63].

Лишь единожды, начиная рассказ о заселении Северной четверти, Стурла отмечает достоверность информации и письменный характер саг:

*Stærstar saugur hafa giorst bæði at fornu ok nýju, sem enn mun ritat verða ok raun ber á*¹ [Landn. K. 54. Bls. 37]. – «О ней сложены самые большие саги древности и современности, о чем написано и что можно проверить».

При этом следует отметить, что Стурла не пересказывал саги, а ограничивался лишь отсылкой к ним: в тексте упоминаются пятнадцать родовых и королевских саг, пять из которых не сохранились ни в какой форме [Landn. K. 37. Bls. 22; K. 50. Bls. 32; K. 50. Bls. 33; K. 52. Bls. 35; K. 71. Bls. 50]. Мы можем предположить, что часть прядей в «Книге Стурлы» также являются пересказами саг (или их частей), либо недошедших до нас, либо бытовавших только в устной традиции и никогда не записанных.

¹ Курсив авт. – Е.Л.

У Стурлы имелись и другие, несомненно устные (в отличие от саг) источники. Об этом, прежде всего, можно судить исходя из его ссылок на общеизвестную информацию, передававшуюся в устной форме («как мы слышали», «теперь можно услышать», «говорят, что» и т. п.):

Er vér höfum heyrт [Landn. К. 102. Bls. 75];
sem nú mátti heyra [Landn. К. 53. Bls. 37];
svá er sagt [Landn. К. 43. Bls. 27].

В качестве еще одной группы можно рассматривать фольклорные (и мифологические) сюжеты и мотивы. Мы можем полагать, основываясь на отсутствии каких-либо сведений об их записи на момент создания «Книги», что они также взяты из устных источников (об обращении Стурлы к устной традиции см. также: [Литовских 2010; Литовских 2019]). Использование этих сюжетов в «Книге Стурлы», их трансформация и степень авторского вклада при их изложении – отдельная тема для специального исследования, поэтому при рассмотрении наших вопросов ограничимся лишь их общим перечислением. Это, в первую очередь, те пряди «Книги», в которых речь идет о водяном [Landn. К. 26. Bls. 14], о призраке в железной лодке [Landn. К. 26. Bls. 14] и о волшебных конях [Landn. К. 31. Bls. 17; Landn. К. 62. Bls. 43].

3. Авторский вклад Стурлы Тордарсона

Мы можем утверждать, что Стурла сознательно переработал свои источники и последовательно (в соответствии с географическим принципом) изложил имевшийся у него материал.

Авторским вкладом Стурлы, несомненно, можно считать рамочную композицию «Книги о занятии земли», которая подразумевает наличие вводного и заключительного разделов и однотипные начала и окончания частей с подведением итогов заселения каждой четверти и общих итогов «Книги» [Landn. К. 22. Bls. 11; К. 54. Bls. 37; К. 74. Bls. 53; К. 87. Bls. 63; К. 102. Bls. 75].

Некоторые крупные разделы внутри частей «Книги» также начинаются обобщающими вводными фразами, такими как:

Nú er komit at landnámi Ingólfs. En þeir menn, er nú eru talder, hafa bygt í hans landnámi [Landn. К. 100. Bls. 75]. – «Теперь речь пойдет о земле,

занятой Ингольвом. Те люди, которые здесь перечислены, поселились в его владениях».

Nú hefir Kolskegur fyrer sagt héðan frá um landnám [Landn. K. 78. Bls. 57]. – «Теперь, как уже говорилось, Кольскегг поведает о занятии земли».

Глава, завершающая большой тематический раздел, заканчивается фразой:

Nú eru þeir menn talder, er laund hafa bygt í landnámi Skallagríms [Landn. K. 25. Bls. 13]. – «Здесь мы перечислили людей, которые стали жить на земле, занятой Скаллагримом».

Эти обобщения помогают последовательному изложению собранного материала, с их помощью Стурла Тордарсон строго структурирует свой текст и придает ему «научность» исторического труда.

Кроме того, когда родственные связи или передвижение первопоселенцев по стране вынуждали Стурлу в другой главе повторно упоминать одно и то же лицо, он использовал краткие или развернутые (в зависимости от потребностей сюжета) перекрестные отсылки:

Sem áður var ritat [Landn. K. 49. Bls. 31; Landn. K. 80. Bls. 58; Landn. K. 87. Bls. 63] – «о которых уже писалось выше»;

sem fyrr var getit [Landn. K. 50. Bls. 32] – «о чем уже упоминалось»;

Önundr bílldr, er fyrr var geteð, nam land fyrer austan Hróarslæk ok bjó í Aunundarholtti; frá honum er margt stórmenni komit, sem fyrr er ritat [Landn. K. 96. Bls. 71]. – «Энунд Клинок, о котором уже шла речь, занял землю восточнее Ручья Хроара и жил в Лесу Энунда; от него пошло много знатных людей, о чем уже писалось».

Личным вкладом Стурлы Тордарсона является и включение им в состав повествования прядей и вис (авторство последних вполне может быть приписано ему самому). Для выяснения, какое место они занимают в тексте «Книги Стурлы», нам необходимо, в первую очередь, выделить в нем формульные элементы.

Формульные элементы в «Книге о занятии земли»

1. Программный инструментарий

Нами был проведен подсчет соотношений структурных частей текста, формульных и генеалогических оборотов. Он производился

с использованием системы обработки естественного языка GATE (General Architecture for Text Engineering). При работе с системой GATE использовалась сделанная нами электронная версия лингвистического издания древнеисландского текста рукописи AM 107 fol в формате RTF. Для выделения в тексте лексем и предложений применялись инструменты Tokenizer и Sentence Splitter входящей в состав GATE системы извлечения информации ANNIE (A Nearly-New Information Extraction System). Выделение и подсчет структурных частей проводились с помощью набора правил сегментации текстовых фрагментов в формате JAPE (Java Annotation Patterns Engine), подготовленного авторами.

2. Распределение текста «Книги» по частям

После первичной сегментации текстовых фрагментов нами было просчитано соотношение по частям общего объема текста (в рукописных листах и знаках), количества глав, абзацев и их размера (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный объем частей «Книги Стурлы»

	1	2	3	4	5
четверть	Южная	Западная	Северная	Восточная	Южная
листы	10	26	16	11	12
главы	20	32	19	12	14
абзацы	110	249	149	88	72
знаки	24,3 т.з.	71,4 т.з.	42,3 т.з.	25,8 т.з.	29,2 т.з.

Самой большой по объёму (практически в два раза больше остальных) получается вторая часть, в ней также больше всего глав и абзацев (32 и 249 соответственно). Даже если сложить объёмы первой и пятой частей, как описывающих заселение разных территорий одной Южной четверти, и исключить первые пять вводных глав, полученный результат приблизится к показателям второй части только по количеству глав, схожего объёма текста достигнуть не удастся. Причем, если количество абзацев в второй части соизмеримо с общим объёмом текста, то количество глав в ней непропорционально велико: на 20 % превосходит дробность в других частях.

Объём абзацев также примерно одинаков по всему тексту и составляет в среднем 3,5 тыс. знаков. По этому параметру вполне прогнозируемо выделяется лишь первая часть (средний объём абзацев которой составляет 4,5 тыс. знаков) из-за вводных глав, написанных пространственным повествовательным стилем без дробного деления на мелкие смысловые фрагменты, описывающие деятельность конкретных первопоселенцев и составляющие в рукописи отдельные абзацы.

3. Распределение устойчивых оборотов по частям

Следующим этапом работы с системой GATE стало выяснение распределения формульной информации (к которой можно отнести распознаваемые программой предложения с *hét, nam, bjó, átt, son / sænir* и *dóttur / dættir*) отдельно по каждой формуле с учетом размера абзаца с формулой (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение формульных оборотов по частям

	1	2	3	4	5
X <i>hét maðr</i>	24 (2,4 %)	50 (1,9 %)	38 (2,4 %)	25 (2,3 %)	17 (1,4 %)
X <i>fór (til Ísland)</i>	17 (1,7 %)	90 (3,5 %)	64 (4,0 %)	42 (3,8 %)	4 (3,8 %)
X <i>nam (land)</i>	21 (2,1 %)	108 (4,2 %)	85 (5,3 %)	52 (4,7 %)	43 (3,6 %)
X <i>bjó</i>	38 (3,8 %)	134 (5,2 %)	93 (5,8 %)	71 (6,5 %)	66 (5,5 %)
X <i>átt</i>	35 (3,5 %)	142 (5,5 %)	99 (6,2 %)	44 (4,0 %)	41 (3,4 %)

Формулы *X hét maðr*, *X fóR (til Ísland)* вводят нового персонажа в повествование, а сочетания *X nam (land)* и *X bjó* включают в себя важные «Книги о занятии земли» топографические сведения, определяя территориальную принадлежность персонажа. Оборот *X átt* отмечает либо брачные связи персонажа с другим родом, либо переход на другую ветвь генеалогии (опять же через брак). В таблице показана

как абсолютная частота употребления этих формул в тексте «Книги», так и процентное соотношение к объёму текста каждой из частей. При этом последние значения, как видим, получаются соизмеримыми, т. е. текст «Книги Стурлы» наполнен важной формализованной информацией равномерно. Учитывая тот факт, что Северная четверть была менее густо заселена, чем остальные исландские территории, можно усмотреть в этом часть авторского замысла Стурлы Тордарсона, добившегося равномерной наполненности частей «Книги» материалом, скорее всего, путем либо компоновки сведений о первопоселенцах-родичах в общие фрагменты, либо их разделению на отдельные текстовые блоки.

4. Структурные особенности генеалогических перечней

К формульной информации можно отнести и структуру генеалогических перечней, включенных в текст «Книги Стурлы» (см. табл. 3). Особенностью «Книги» (нехарактерной, например, для саговых генеалогий) является одновременное пропорциональное ведение восходящих (при помощи формулы $Xson$) и нисходящих (формула $Xfaðir$) генеалогических линий (их распределение по частям и частоту ведения см. во второй строке таблицы 3).

Таблица 3

Структурные особенности генеалогических перечней

	1	2	3	4	5
son / faðir	68/46 6,8/4,6	201/88 7,7/3,4	73/91 4,6/5,7	55/62 5,0/5,6	68/90 5,7/7,5
dóttur / móður	40/15 4,0/1,5	124/37 4,8/1,4	98/31 6,1/1,9	56/38 5,1/3,5	37/33 3,1/2,8
Длина	9–34 (3,8 %)	10–79 (3,5 %)	9–58 (3,2 %)	9–42 (3,8 %)	7–48 (4,0 %)

Для средневековых исландских генеалогий в целом характерен счет родства как по мужской, так и по женской линии (третья строка табл. 3). Соотношение восходящей (в данном случае отражено в формуле $Xdóttur$) и нисходящей (формула $Xmóður$) женских линий оказывается превалирующим в сторону восходящей линии.

Если рассмотреть распределение генеалогических формул по частям, то в абсолютных значениях явно виден перевес данных второй части. В процентном же соотношении к объёму текста все части оказываются соизмеримы, чрезмерного отрыва нигде не наблюдается.

При сравнении общей длины генеалогических перечней (третья строка табл. 3, где первое число обозначает максимальную длину генеалогического перечня, встречающуюся в данной части; второе – общее число перечней в части; число в скобках – соотношение количества максимально длинных генеалогий к общему числу перечней в части) опять-таки по всем частям выявляется относительно одинаковая максимальная длина (до 9 колен), которая прослеживается в равном количестве перечней (3,5–4 % от общего числа перечней).

5. Соотношение формализованного текста, прядей и вис

Таким образом, отсекая устойчивые обороты и формализованную информацию, мы получаем фрагменты текста, которые принято называть «прядами», поскольку они точно так же вставлены в текст «Книги Стурлы», как «пряди об исландцах» – в состав королевских саг [Гуревич 2004, с. 6–41; о прядях в «Книге о занятии земли» см. с. 34].

К неформализованной информации можно отнести и висы – поэтические вставки в повествование, связанные по смыслу с сюжетными поворотами. При сегментации текстовых фрагментов в GATE мы считаем висами две и более строки подряд, содержащих каждая до 40 знаков.

По частям «Книги» пряди и висы распределяются следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение формализованного текста, прядей и вис

	1	2	3	4	5
листы / знаки	10 24,3 т.з.	26 71,4 т.з.	16 42,3 т.з.	11 25,8 т.з.	12 29,2 т.з.
пряди	7	14	11	5	3
висы	–	10	6	2	2

В первой части, рассказывающей о заселении Южной четверти (ее объём – 10 листов рукописного текста), присутствуют 7 прядей, вис нет совсем. Во второй части (заселение Западной четверти, объём – 26 листов) выделяются 14 прядей и 10 вис. В третьей части (заселение Северной четверти, объём – 16 листов) – 11 прядей и шесть вис. В четвертой части (заселение Восточной Четверти, объём – 11 листов), написанной с опорой на несохранившийся текст Кольскегга Мудрого, присутствуют пять прядей и две висы. В пятой части (заселение Южной Четверти, объём – 12 листов), частично повествующей о территориях, занятых людьми Ингольва Арнарсона, – три пряди и две висы.

Таким образом, получается, что две последние части представляют собой сухое изложение с простым перечислением первопоселенцев и территорий, ими занятых. Они имеют наименьший объём (11 и 12 листов соответственно), в них меньше всего прядей и вис (пять прядей и две висы на 12 глав в четвертой части и три пряди и две висы на 14 глав в пятой), однако пропорциональное соотношение количества формульных предложений (содержащих генеалогические и топографические сведения), ко всему остальному тексту сохраняется такое же, как и в других частях. Сохраняются в них и средняя и максимальная длины генеалогических перечней, длины нисходящих ветвей и степень разветвленности (в данном случае частоты счета родства по материнской линии) генеалогий. Однако при этом в большинстве глав в четвертой части преобладают формульные предложения, завершающиеся оборотом «от которого пошли» («*eru frá komnir*» [Landn. K. 76. Bls. 54–55; K. 80. Bls. 57–58; K. 81. Bls. 58–59; K. 84. Bls. 60–61]).

Исходя из вышесказанного, можно с большой долей вероятности предположить, что обе они подверглись наименьшей авторской правке Стурлы Тордарсона и по своему стилю и характеру изложения материала наиболее близки несохранившемуся протографу «Книги о занятии земли».

Заключение

В результате проведенного количественного анализа содержания текста оказалось, что структура «Книги Стурлы» при соразмерном распределении генеалогической и топографической информации неоднородна. Больше всего «неформульных» фрагментов, т. е. прядей

и вис, в «Книге» приходится на вторую часть, в которой описывается заселение Западной четверти Исландии. Эта часть – самая объёмная в «Книге», она содержит больше всего глав, и главы в ней самые развернутые. На наш взгляд, это связано с тем, что Западная четверть – родина Стурлы Тордарсона и зона его политического влияния. Историю и устные предания этой области он знал лучше всего, и они интересовали его больше, чем сведения о других исландских четвертях. Соответственно, и часть «Книги Стурлы», посвященную ее заселению и освоению, Стурла «расцвел» дополнительными сведениями, тем самым выделив ее в общей логичной и последовательной структуре «Книги».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуревич Е. А. Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах». М., 2004. [Gurevich, E. A. (2004). *Drevneskandinavskaya novella: poetika «pryadej ob islandcah» (Old Scandinavian short story: poetics of “strands of Icelanders”)*. Moscow. (In Russ.)].
- Литовских Е. В. Отношение Стурлы Тордарсона к устным преданиям: устная традиция в Sturlubók // Восточная Европа в древности и Средневековье / Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др. М., 2010. Вып. XXII. С. 170–173. [Litovskikh, E. V. (2010). *Otnoshenie Sturly Tordarsona k ustnym predaniyam: ustnaya tradiciya v Sturlubók (Sturla Thordarson’s Attitude to Oral Tradition: Oral Tradition in Sturlubók)*. In E. A. Mel’nikova et al. (eds.), *Vostochnaja Evropa v drevnosti i Srednevekov’e* (Vol. XXII, pp. 170–173). Moscow. (In Russ.)].
- Литовских Е. В. Мастерская Стурлы Тордарсона: устные и письменные источники Sturlubók // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2019. С. 196–215. [Litovskikh, E. V. (2019). *The workshop of Sturla Þorðarson: oral and written sources of Sturlubók*. In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy* (pp. 196–2015). Moscow. (In Russ.)].
- Литовских Е. В. «Пряди о лошадях» в «Книге о занятии земли» и фольклорные источники ее автора // Средние века. 2019. Вып. 80 (1). С. 122–140. [Litovskikh E. V. (2019). “Strands about horses” in the “Book of the occupation of the land” and folklore sources of its author. *Srednie veka*, 80(1), 122–140. (In Russ.)].
- Barði Guðmundsson. Uppruni Landnámabókar // Skírnir. Bd. CXII. Reykjavík, 1938. Bls. 5–22. (In Isl.)
- Hastrup K. Classification and Demography in Medieval Iceland // Ethnos. Stockholm, 1979. Vol. 44. P. 182–191.

- Hermann Pálsson*. A foundation myth in Landnámabók // *Mediaeval Scandinavia*. Odense, 1988. Vol. 12. P. 24–28.
- Jakob Benediktsson*. Formáli // *Íslendingabók*. Landnámabók. Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968 (ÍF. Bd. 1). Bls. LXIII–LXXI. (In Isl.)
- Jakob Benediktsson*. Landnámabók: Some Remarks on Its Value as a Historical Source // *Saga-Book of the Viking Society*. L., 1966–1969. Vol. 17. P. 275–292.
- Jakob Benediktsson*. Markmið Landnámabókar: Nýjar rannsóknir // *Skírnir*. Reykjavík, 1974. Vol. 148. P. 207–215. (In Isl.)
- Jón Jóhannesson*. Gerðir Landnámabókar. Reykjavík, 1941. (In Isl.)
- Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út // Íslensk Handrit*. Ser. In folio. Reykjavík, 1974. Bd. 3. P. ix–xiii. (In Isl.)
- Sigurður Líndal*. Sendiför Úlfjlóts: Ásamt nokkrum athugasemdum um landnám Íngólfs Arnarsonar // *Skírnir*. Vol. 143. Reykjavík, 1969. Bls. 5–26. (In Isl.)
- Sveinbjörn Rafnsson*. Studier i Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatidens historia // *Bibliotheca Historica Lundensis*. Vol. 31. Lund, 1974. (In Swed.)
- Sverrir Jakobsson*. (2009). The Process of State-formation in Medieval Iceland // *Viator*. Vol. 40. H. 2. P. 151–170.
- Walker P. et al.* Bioarchaeological evidence for the health status of an early Icelandic population / P. Walker, J. Byock, J. T. Eng, J. Erlandson, P. Holck, K. Prizer, M. Tveskov // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Supplement 38.

УДК 811.112.5

М. А. Лукирская

старший преподаватель кафедры германских языков
факультета иностранных языков, Военный университет
Министерства обороны РФ; e-mail: amandy07@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Становление нидерландской языковой нормы происходило на протяжении почти девяти столетий. В статье рассмотрена хронология и проанализированы основные исторические реалии, повлиявшие на формирование современного языкового ландшафта, в частности уникальное географическое положение земель Нидерландов, ряд факторов, напрямую связанных со становлением нормы (нахождение на границе немецких и французских земель, диалектная вариативность), а также влияние религиозных и миграционных процессов на развитие общественной жизни и становление литературной нормы нидерландского языка.

Ключевые слова: нидерландский язык; языковая норма; история нидерландского языка; средненидерландский период.

M. A. Lukirskaia

Senior Lecturer, Department of Germanic Languages,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: amandy07@gmail.com

SPECIFIC FEATURES OF FORMATION OF THE LINGUISTIC NORM OF THE DUTCH LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL REALIA

The formation of the Dutch language norm took place over almost nine centuries. The article explores the chronology and analyzes the main historical realia that influenced the formation of the modern linguistic landscape. In particular, the unique geographical location of the Dutch territories, the factors directly related to the formation of a language norm, as well as the influence of religious and migration processes on the development of social life and the formation of the Dutch literary norm.

Key words: the Dutch language; linguistic norm; history of the Dutch language; Middle Dutch period.

Введение

История любого языка отражает историю его народа. Язык – составная часть культуры и ее инструмент, открывающий нам область сознания, выявляя черты жизненного уклада и мышления.

Окружающий человека мир постоянно меняется, меняется и используемый им язык. История становления литературной нормы нидерландского языка, как и любого другого, напрямую связана с развитием общественной жизни. Горожане и крестьяне времен Фондела говорили на ином наречии, имели другой акцент и особенности произношения, нежели клерк, описавший кончину графа Флориса V. Предложения, которые считались ошибочными у школьников XIX в., сейчас считаются нормой.

Восстания, войны, переселение народов неизбежно оставляют след в языке. Период Реформации ознаменовался первым переводом Библии на нидерландский язык в 1637 г., что обогатило его большим количеством новых слов и выражений, таких как *zondebok* – *козел отпущения*, *slachtoffer* – *жертва*, *op twee gedachten hinken* – *неспособность принять решения*. Официальный статус нидерландского во Фландрии дал возможность отследить взлет фламандской экономики и упадок валлонской после Второй мировой войны, историю языка и историю общества, говорящего на этом языке.

Вильгельм фон Гумбольдт был одним из первых лингвистов, обративших внимание на национальное содержание языка и мышления. По его мнению, языковая картина мира формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов [Гумбольдт 1985]. Национальный язык в его понимании представляет собой целостную языковую картину мира, т. е. мир, определенным образом увиденный глазами этноса [Гумбольдт 2000].

Дальнейшее распространение эта идея получила в многочисленных трудах зарубежных и отечественных лингвистов. Как отмечает Э. Сепир, мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками общества [Сепир 1993]. «Языковые данные оказываются решающими при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей» [Вежбицкая 1999, с. 291–292].

В данном контексте интересно становление нидерландского языка, который формировался и развивался в уникальной обстановке на границе двух языковых областей, французской и немецкой. Географическое положение предопределило возможность синтеза языков

и культурных традиций этих народов, найдя отражение в восприятии мира. Рассмотрим этот феномен в рамках экскурсии в историю языка и общества.

1. История формирования языковой нормы

В истории нидерландского языка различают три периода:

- 1) древнидерландский (древненижнефранкский, IV–XI вв.);
- 2) среднидерландский (XII–XV вв.);
- 3) новнидерландский (с XVI в., выделяется как переходный этап к современному периоду).

Смена трех вышеупомянутых этапов, несомненно, отражает динамику исторического развития Нидерландов в донациональную эпоху и в период образования нации [Миронов 1973, с. 8].

Полностью сохранных письменных памятников от древнидерландского периода не сохранилось. Древнейшим свидетельством западного варианта древненижнефранкского языка являются глоссы и топонимы VIII–IX вв., а также одно изолированное предложение XI в. Косвенным свидетельством служит текст перевода Вахтендонкских, или Каролингских, псалмов (IX–X вв.) на восточном варианте древненижнефранкского диалекта [Домашнев 1977]. К лимбургскому варианту литературного языка относятся отрывки стихотворного рыцарского романа «Айол» (начало XIII в.), «Житие св. Лютгарта» (XIII в.) и восходящие к XIV в. «Лимбургские проповеди» [Миронов 1973].

Период XI–XV вв. называется среднидерландским. Он отличался большой диалектной пестротой, и применительно к нему еще нельзя говорить о существовании единого литературного языка. Но уже в это время предпринимались попытки языковой унификации. Ориентирами становились нормы крупных густонаселенных центров. Они задавали тон в политике, экономике, культуре. Выбор в пользу того или иного диалекта в качестве нормы связан с факторами экстралингвистического порядка. Как правило, это был диалект большого города, играющего ведущую роль в жизни страны.

Хендрик ван Фелдеке – один из наиболее известных в XIII в. поэтов. Его покровителем был святой Серваас из Маастрихта, города, известного как перекресток путей, ведущих в разные европейские страны. Именно в этой Маасской земле встретились и активно

обогащали друг друга немецкая и французская культура. Именно здесь ван Фелдеке написал свой известный рыцарский роман «Эниас» (Eneas). Он был написан на французский манер в стиле трубадуров.

Хендрик ван Фелдеке был известен и в Германии. Почитатели его творчества в буквальном смысле вырывали его рукописи из рук. Будучи приглашенным на бракосочетание Маргариты ван Клееф, поэт читал избранные места из своего рыцарского романа. Граф Хендрик из Тюрингии был настолько впечатлен произведением, что рукопись поэта выкрали, и автор смог завершить работу над произведением через девять лет, когда был приглашен графом к его двору в Тюрингии.

Хандрик ван Фелдеке стоял у истоков как нидерландской, так и немецкой поэзии. Родным же языком для него был лимбургский. Однако большинство сохранившихся произведений написаны на *Middelhoogduits* (Средневерхненемецкий язык). Именно поэтому и немцы, и голландцы считают его в равной степени своим. Произведение «Легенда о Сервасе» было написано им в Рейнской области. С одной стороны – германские города Кельн, Ахен и Маастрихт, с другой – романский Льеж.

Святой Серваас, если доверять его биографии, говорил на многих языках, не прибегая к помощи переводчика, хотя, по хроникам, родом был из Армении и говорил на греческом. Но как только он начинал проповедовать, Святой Дух снисходил на него, и его речь становилась понятной всем.

К старейшим памятникам литературы этого периода можно отнести фрагмент Песни о Нибелунгах, две любовные песни из Брюгге (примерно 1260 г.). Сохранилась работа фламандского писателя Якоба ван Марланта (Jacob van Maerlant), датируемая примерно 1285 г. Из голландского наследия представлены фрагменты рыцарского романа, относящегося к 1300 г., «Перхевал» (Percheval). Всего насчитывается семь текстов из Лимбурга, четыре из Брабанта, один из Фландрии и один из Голландии. Большинство сохранившихся фрагментов были написаны во французском стиле и предназначались для аристократов. Графы Фландрии с удовольствием оказывали гостеприимство таким известным франкоязычным поэтам и писателям, как Кристьен де Труа (автор романов о короле Артуре).

Знать, живущая на территории Лимбурга, была более посвящена в немецкие традиции, и потому произведения на французском языке

были для нее менее доступны. В связи с этим предпочтение отдавалось текстам на народном языке. В эпоху Средневековья, примерно до XV в., германские языки, в противоположность латыни, назывались общим словом *theodiscus* (*народный*).

Один из вариантов произношения – *Diets* – использовался для обозначения нидерландских диалектов. Другие варианты стали впоследствии названиями двух германских языков – немецкого (*Deutsch*, по-нидерландски *Duits*), и нидерландского (по-английски *Dutch*).

В XIII в. в «Низких землях» возвышаются города Фландрии. Рыцарский роман, животный эпос «О Лисе Рейнарде», легенда о деве Марии «Беатриса», а также сочинения Якоба ван Марланта, знаменуют расцвет литературы в этой части страны. Эталоном становится диалект графства Фландрии.

Экономическое процветание обуславливает интерес не только к рыцарским романам, но и к знаниям, позволяющим развивать ремесла и торговлю. Востребованной становится литература по истории, праву. Появляются первые документы для общественного использования, написанные клерками на средненидерландском. К концу XIII в. Фландрия задавала тон и во многом влияла на восточные области. Благодаря этому многие западные звуки, слова и «конструкция» предложений «перекочевали» в восточные области. Так постепенно формировался литературный ландшафт нидерландского языка.

Необходимо отметить, что в этот период диалекты подразделяются на три вида в зависимости от географии использования:

- диалекты побережья (*Kustmiddelnederlands*);
- юго-восточные (*Zuidoostmiddelnederlands*);
- северо-восточные (*Noordoostmiddelnederlands*).

Первым документом, написанным для общественного пользования на средненидерландском, был устав лепрозория. Одно из названий проказы – болезнь Лазаря, и в современном нидерландском языке сохранились выражения с достаточно негативной коннотацией: *ben je lazarus* – ты что напился?; *lazeren* – бросать, заражать, *oplazeren* – убираться прочь, *lazar op* – проваливай. Так как заболевшие должны были предупредить о своем появлении, они ходили со специальной трещоткой. В современном языке сохранились выражения *lazurusklep* – трещотка, *zijn mond gaat als lazorusklep* – он непрерывно болтает, *iemand op zijn lazerij geven* – поколотить кого-либо.

XIII в. знаменует собой начало широкого использования народного языка. В этот период начинают хождение документы на *Diets* (Дитс), так как использование латыни или французского делало составление документа более затратным. Монастыри обеспечивали производство различного рода документов, что являлось для них важной статьёй доходов. Слово, обозначавшее служителя монастыря, готовившего подобные документы – *Clericus, klerk*. В то время востребованная и уважаемая профессия. Число представителей этой профессии быстро росло и вышло за пределы монастырей. Прежде всего, они появлялись в таких крупных городах, как Брюгге, Ипр, Гент и Дордрехт. Эти города уже осуществляли официальный набор новых специалистов. В отличие от монастырей, которые еще достаточно долго продолжали использовать для официальных документов латынь, городские клерки использовали народный язык, что стимулировало его развитие.

Фландрия стала первой областью, активно адаптировавшей народный язык. После перевода на народный язык городских уставов и документов лепрозория последовали переводы городского уложения о привилегиях Гента, а в 1253 г. – городской хартии. В 1253 г. клерки Ипра уже писали на фламандском, несмотря на то, что вплоть до XIV в. французский язык продолжал считаться официальным языком на этой территории. Особенно активно народный язык стал использоваться в Брюгге, где начиная с 1262 г. один за другим появилось более двух тысяч документов на средненидерландском.

Примеру Фландрии последовали графы Голландии и Зеландии. Были открыты канцелярии в Мидделбурге, а затем в Гааге. Графы Голландии были на тот момент единственными в Нижних Землях, кто использовал народный язык. В то время как крупные города Брабанта вплоть до XIV в. использовали для деловой переписки латынь.

Благодаря Фландрии и в меньшей степени Голландии и Брабанту развитие языка значительно ускорилось, что способствовало формированию национальной идентичности, а позже, уже в XIV в., дало мощный импульс развитию литературы.

К началу XIV в. в силу объективных экономических причин процветавший и задававший тон в развитии языка Брюгге приходит в упадок. Связано это было прежде всего с обмелением реки, связывающей город с морем, и политическими изменениями в ходе Столетней войны между Англией и Францией.

В XIV–XV вв. первенство переходит к Брабанту. Это была эпоха бургундских герцогов, один из которых – Филипп Добрый – объединил под своей властью почти все нидерландские территории. Брабант был включен в эти владения в 1430 г., резиденцией становится Брюссель.

Главный город Брабанта Антверпен превращается в оживленный торговый центр и крупный порт. В Мехелене собирается Большой Бургундский совет, в Левене в 1425 г. создается первый в Нидерландах университет. Произведения писателя-мистика Яна ван Рюсбрука, религиозная и светская драма (миракль «Марикен из Наймегена», моралитэ «Эркерлик») воплощают расцвет Брабанта. Перемены в политико-экономической ситуации влекут за собой изменения и в языке: фламандский диалект обогащается значительным количеством брабантских элементов. В 1476 г. выходит первая печатная книга.

В первой половине XVI в., во время правления Карла V, происходит осознание отличия от населения Германской империи, что находит отражение в названии языка. На смену *Diets* приходят *Nederlands* и *Nederduyts*. Оба новых названия употреблялись параллельно.

В 1550 г. вышла книга Йоса Ламбрехта «*Nederlandsche Spellijnghe*» (Нидерландская орфография), а в 1584 г. – грамматика Хендрика Лауренса Спихела «*Twe-spraack van de Nederlanduitsche Letterkunst*» (Диалог об искусстве нижнегерманского языка). Название «нидерландский» как обозначение языка впервые встречается в книге из Гауды 1482 г., затем долгое время сосуществует с иными названиями и лишь в конце XIX в. окончательно утверждается как единственное общепотребительное.

Распространение книгопечатания способствует формированию наддиалектного письменного языка. Экономическая заинтересованность печатников в том, чтобы их продукцию читали на всей территории Нидерландов, сыграла в этом важную роль.

Интерес к классическим языкам в эпоху Возрождения стимулирует рост национального самосознания: родной язык может и должен соперничать с латынью и древнегреческим. Основным средством регламентации служат грамматики и словари. В 1574 г. в Антверпене в типографии Кристофера Плантена выходит знаменитый Нидерландско-латинский словарь Корнелиса Килиана (*Dictinfrum Teotonico-Latinum*). Латынь использовалась не только для перевода, но и для толкования

нидерландских слов. Этот словарь на многие годы определил развитие нидерландской лексикографии.

Основы единой нормы литературного нидерландского языка формируются в XVII в., после смены диалектной базы в связи с переносом центров языкового развития на север и упадком южных провинций.

Расцвет Голландии в XVII в. был во многом связан с фламандской и брабантской волной иммиграции. Выходцы с юга, составлявшие ядро ортодоксальных кальвинистов, сыграли важную роль в становлении Республики Семи провинций. Центр формирования нормы нидерландского языка перемещается на Север. На территории современной провинции *Голландия* складывается норма нидерландского языка. Решающую роль играет диалект Амстердама, но и южные (фламандско-брабантские) элементы сохраняются как важная составная часть литературной нормы.

2. Диалекты и наддиалектная норма

Говоря о формировании стандарта языка, нельзя не отметить важную роль диалектов. В XVII в. начинается расцвет голландской литературы (Вондел, Хоофт, Бредеро, Катс). Формируются основы устной разновидности нидерландского языка на новой наддиалектной базе, впитавшей ряд южных (фламандско-брабантских) элементов.

Многообразие диалектов, представленных в Нидерландах, а их в соответствии с классификацией Антониуса Вейнена (A. Weijnen) насчитывается шесть, в XIX в. пытались объяснить историческими особенностями расселения племен на территории страны. За основу брались факторы расселения германских племен фризов, франков и саксов. Так, термин «сакский» (Saksisch) широко используется для обозначения диалектов Гронингена, Дренте и Оверейсел и частично провинции Гелдерланд. В современном языке выделяют следующие области:

- северно-центральную (южноголландские и утрехтские диалекты);
- северо-западную (североголландские диалекты);
- южно-центральную (брабантские и восточнофламандские);
- юго-западную (западнофламандские и зеландские);
- северо-восточную (саксонские);
- юго-восточную (лимбургские).

На современном этапе существует условное разграничение использования диалектов на горизонтальное и вертикальное. Первое

подразумевает, что определенные грамматические правила, лексика, звуки могут быть характерны только для определенной географически обозначенной территории. Например, слово *дом* – *huis* имеет диалектные варианты *huis*, *hois*, *hoes*, *huus*, самый древний из которых – *hoes*. Если мы обратимся к диалектной карте 1955 г., то увидим, что для слова *поцелуй* (*kus*) в провинции Голландия используется *zoen*, в Гронингене, Дренте и Ахтерхуке – *smok*. Слово *doetje* (*простушка*, *доверчивый человек*) лишь в Гронингене будет соответствовать литературному стандарту, в то время как во Фрисландии это будет *tuutsje*, в нидерландском Брабанте и Лимбурге – *mondje*, *mundje*, *muulke*, а в Западной Фландрии – *pieper*. Немецкое слово *alt* в стандартном нидерландском языке – *oud*, однако в восточных диалектах первоначальная форма слова была *old* и *ald*, в юго-западном варианте оно произносится как *oet*.

Говоря о вертикальном разделении, имеется в виду социальный статус говорящего. Речь идет о специфической лексике, используемой людьми разного социального статуса, профессиональной принадлежности и возрастных групп. На современном этапе стандартный литературный язык практически вытеснил диалектные варианты. Использование диалектов в известной степени позволяет говорить об уровне, который говорящий на диалекте занимает на социальной лестнице.

В 1637 г. в Лейдене издается перевод Библии. Перевод был сделан по поручению Генеральных Штатов и был своего рода компромиссом между различными нидерландскими диалектами. Благодаря этому труду нидерландский язык обогатился библейскими изречениями. Новый перевод Библии в значительной степени способствовал языковой унификации. Сложившаяся и закрепившаяся в XVII–XVIII вв. наддиалектная норма была ориентирована на язык перевода Библии и классической нидерландской литературы.

В 1814–1815 гг. после Венского конгресса, ознаменовавшего крушение империи Наполеона, Северные и Южные Нидерланды вошли в состав Объединенного нидерландского королевства. Король Вильгельм I осознавал, что язык является мощным средством для укрепления государственного единства. В 1827 г. нидерландский язык был объявлен государственным в большинстве провинций (Западная и Восточная Фландрия, Антверпен, Лимбург, Южный Брабант до Лёвена и Брюсселя).

Однако языковая политика Вильгельма вызывала недовольство среди фламандского чиновничества, ориентированного на Францию. Католическая церковь видела в нидерландском языке угрозу распространения кальвинизма. Валлония рассматривала использование нидерландского как угрозу для французского языка и культуры.

В 1829 г. Вильгельм I был вынужден разрешить использование французского языка во фламандских провинциях. А в 1830 г. была провозглашена свобода выбора языка. В 1898 г. нидерландский был законодательно признан государственным языком Бельгии.

Заключение

Нидерландский язык, пройдя почти девять веков становления, является сейчас языком почти 20 миллионов граждан, объединяя народы и выступая средством национальной идентичности.

1. Одной из исторических реалий, повлиявшей на становление языковой нормы, было уникальное расположение земель на границе двух языковых областей – немецкой и французской. Этот фактор на протяжении длительного времени влиял на различные стороны жизни, и в том числе на язык. Язык играл важную роль в национальной и этнической дифференциации, не только влиял на духовное бытие, но и давал ощущение взаимной комплементарности и отличия от других наций и этносов.

2. Следующим фактором представляется большая диалектная вариативность, требовавшая унификации. Важными элементами в решении этой задачи можно считать ряд экстралингвистических факторов, таких как экономическое процветание того или иного региона. Диалект этого района начинал доминировать, на нем писались документы, создавались литературные произведения.

3. Религиозные факторы, иммиграционные процессы и, естественно, Реформация тоже во многом были историческими реалиями, повлиявшими на формирование стандарта языка.

Формирование языковой нормы является важным объединяющим фактором. Национальную и этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования любой социальной общности. Именно языку принадлежит фундаментальная роль в организации социального пространства. С одной стороны, он есть форма

национальных, этнических и других социальных отношений, а с другой – он описывает и объясняет эти отношения, создавая теории, которые в дальнейшем становятся действенной силой, способной преобразовать социальное пространство [Евсеева 2009].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры, 1999. [Vezhbitskaya, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov (Semantic universals and language description)*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М. : Рус. словари, 1996. [Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk, kul'tura, poznanie (Language, culture, knowledge)*. Moscow: Rus. slovari. (In Russ.)]
- Гумбольдт В. О различии в строении человеческого языка и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. [Humboldt, W. (2000). *O razlichii v stroenii chelovecheskogo yazyka i ego vliyaniy na dukhovnoye razvitiye chelovecheskogo roda (On the difference in the structure of the human language and its influence on the spiritual development of the human race)*. In *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. [Humboldt, W. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury (Language and philosophy of culture)*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Домашнев А. И. Романо-германские языки и диалекты единого ареала. Л.: ЛГПИ, 1977. [Domashnev, A. I. (1977). *Romano-germanskie yazyki i dialekty edinogo areala (Romano-Germanic languages and dialects of a single area)*. Leningrad: LGPI. (In Russ.)].
- Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2009. [Evseeva, L. N. (2009). *Rol' yazyka v formirovanii natsional'noi identichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (The role of language in the formation of national identity): abstract of PhD in Philology*. Arkhangel'sk. (In Russ.)].
- Миронов С. А. Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М.: Наука, 1973. [Mironov, S. A. (1973). *Stanovlenie literaturnoi normy sovremennogo niderlandskogo yazyka (Formation of the literary norm of the modern Dutch language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. [Sapir, E. (1993). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii (Selected works on linguistics and cultural studies)*. Moscow: Progress. (In Russ.)].

УДК 81'26

И. В. Матыцина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: imatits@gmail.com

ДОСТУПНЫЙ ЯЗЫК (KLARSPRÅK) – НЕСТАРЕЮЩИЙ ТРЕНД ШВЕДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Язык официально-делового общения имеет высокий статус и является образцом для книжно-письменной коммуникации в Швеции. Однако многие пользователи недостаточно владеют этим языком и копируют обороты, известные им из документов, нередко не к месту и с нарушением правил сочетаемости, что приводит к целому ряду негативных последствий. Поэтому уже более ста лет в Швеции предпринимаются попытки реформировать язык официально-делового общения, повысить его качество. Один из результатов этой деятельности – разработка политики так называемого «доступного языка».

Ключевые слова: шведский язык; язык официально-делового общения; языковая политика; языковое планирование.

I. V. Matytsina

PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of Germanic and Celtic Philology, Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University; e-mail: imatits@gmail.com

CLEAR LANGUAGE REMAINS A MAJOR TREND IN SWEDEN'S LANGUAGE POLICY

Business Swedish enjoys high status as a model for written communication. However, lack of business language skills results in copying expressions from other documents which, in a new context, are often out of place and incongruous. Such inadequate use of business Swedish leads to various negative consequences. For more than a century attempts had been made by linguists and other experts to improve the quality of business communication until finally their discussions resulted in the so-called 'clear language' policy.

Key words: Swedish; business language; language policy; language planning.

История вопроса

В XIX в. среди основных претензий в адрес языка официально-делового общения, наиболее частыми были жалобы на его искусственность и сложность для понимания не только неискушенным

читателем, но и самими чиновниками. Многословность и усложненность синтаксиса вообще были характерны для книжных стилей речи, но особенно бросались в глаза в текстах делового стиля, где, казалось бы, по определению, мысль должна быть сформулирована четко и доходчиво. Ясность, недвусмысленность содержания, простота и лаконизм – именно в таком направлении предлагалось реформировать язык официально-делового общения.

Сложность, однако, заключалась в том, что если в художественной литературе писатель и поэт сами определяют содержание своих произведений и выбирают выразительные средства – их набор, количество и качество, – то в документе должно быть сказано только то, что нужно соответствующему учреждению, не больше и не меньше. Автор документа не имеет права обходить трудные моменты при помощи абстрактных или расплывчатых формулировок, менять или опускать то, что ему трудно выразить словами. Кроме того, документ обычно является результатом групповой работы – написанное одним человеком редактируется другим, исправляется третьим, дорабатывается четвертым и т. д., т. е. авторов у документа часто бывает несколько, что позволяет более тщательно выверить формулировки, но как правило негативно сказывается на качестве текста. Ну и конечно, не исключены случаи, когда нечеткость выражений обусловлена недостаточной проработкой содержания документа.

В ходе дискуссий определились две диаметрально различные точки зрения: согласно первой, которую отстаивал, например, Л. де Геер официально-деловой язык не требует реформирования, поскольку является одной из наиболее разработанных и продуманных разновидностей языка [DeGeer 1853]; вторая точка зрения, которой придерживался, в частности, Й. Кройгер, язык документов следует немедленно упростить и приблизить к разговорной норме [Kreüger 1881].

Промежуточную позицию занимал Б. Ведберг, предложивший в своей книге «Стиль законов» провести экспертизу юридических текстов и, сравнив разные варианты формулировок, выбрать те, что окажутся наиболее выгодными с точки зрения ясности, краткости и логичности [Wedberg 1928].

В обществе активно велись дебаты, и даже королевская власть пыталась реформировать язык официально-делового общения путем издания циркуляров и предписаний.

Перелом произошел в 1950 г., когда в обсуждение вопроса включились центральные органы управления, и было опубликовано заключение Комитета по печати об издании отчетов государственных комиссий для изучения сложных вопросов, по которым требуется изменение законодательства. В Заключении 1950 г., в частности, говорилось: «В публичных дискуссиях и опросах общественного мнения настойчиво звучит мысль о том, что язык материалов государственных комиссий является недостаточно простым и емким. Назрела очевидная необходимость его реформирования, так как эта разновидность письменной речи все больше удаляется от живого языка, на котором граждане говорят и пишут»¹ [Det statliga utredningstrycket 1950].

Речь идет об отчетах правительственных комиссий, но на деле этот вывод касается языка официально-делового общения в целом, и в приложении к данному заключению Э. Велландер анализирует основные особенности языка официально-делового общения и предлагает пути его усовершенствования: «Надо стремиться к тому, чтобы материалы уже после первого прочтения были понятны читателю, не имеющему специальных знаний и располагающему обычными способностями и базовым представлением о сути предмета. ... Нет смысла писать, если написанное непонятно читателю»² [Wellander 1950:26, с. 16]. Можно сказать, что в этом документе была сформулирована стратегия реформирования языка официально-делового общения.

По мнению Э. Велландера, необходимость реформирования языка официально-делового общения обусловлена изменениями, произошедшими в общественной жизни, науке, технике и мировоззрении, – новое время требует качественно нового языка. В частности, словарный состав языка стремительно пополняется словами, обозначающими новые понятия.

Э. Велландер настаивает на том, чтобы упрощение официально-делового языка и его сближение с разговорной речью происходило лишь по тем направлениям, которые действительно позволяют изменить ситуацию к лучшему, причем в каждом конкретном случае необходимо сравнивать разные варианты и выбирать из них наиболее подходящий [Wellander 1966, с. 272].

¹ Перевод авт. – И. М.

² Перевод авт. – И. М.

Таким образом, если в художественной литературе доминантой, как правило, является эстетическая составляющая, в текстах официально-делового стиля красота слога, ритм и мелодика, лексическое разнообразие не так важны и чаще всего не учитываются. В таких текстах во главу угла ставится ясность, а не эстетическое совершенство. Здесь не следует ради разнообразия жертвовать однозначностью формулировок или четкостью изложения и вполне допустимы повторы слов и конструкций [Wellander 1966, с. 286]. Таким образом, задачей является не победа юридического языка или разговорной нормы, а их соединение для достижения наилучшего результата.

Предполагалось, что начинать изменения в языке официально-делового общения следует «сверху», т. е. с законов, поскольку их язык служит образцом для всех чиновников и юристов. Основных вопросов было два: отказ от использования конъюнктива в косвенной речи и замена форм множественного числа личных глаголов формами единственного. Точку в споре поставило решение Риксдага (1952), согласно которому в парламентской документации следовало использовать только формы единственного числа глаголов. Это означало, что и канцелярия правительства (*kanslihuset*), где готовилось большое число документов для парламента, тоже должна была следовать этим требованиям. Иначе обстоит дело с использованием конъюнктива в косвенной речи. Без всяких дебатов и обсуждений формы имперфектного конъюнктива практически перестали использоваться в СМИ, в результате они стали восприниматься как реликтовые, постепенно начали выходить из употребления и исчезли из документов, адресованных широкой общественности, а затем – автоматически – и из языка [Wellander 1966, с. 251].

Понятие и сущность «политики доступного языка»

Понимая меру своей ответственности за язык официально-делового общения, с середины 1960-х гг. центральные органы управления начали принимать меры по улучшению языка законов и исходящей документации, которая является образцом и источником цитирования для чиновников и юристов по всей стране. В 1967 г. канцелярия премьер-министра (*Statsrådsberedningen*) совместно с Комитетом по языковому регулированию (*Nämnden för svenskspråkvård*) утвердила инструкцию по написанию законов и других нормативно-правовых актов (*Språket i lagar och andra författningar*), в которой говорилось

о необходимости модернизировать язык законов, «приблизив его по используемым грамматическим формам, лексике и синтаксису к единой норме книжно-письменной речи» (*att man även i lagstilen använder sakprosans ordformer, dess ordförråd, dess sats-och meningsbyggnad*) [Språket i lagar 1967, с. 3].

В 1970-е гг. работа в этом направлении стала еще интенсивнее – канцелярия премьер-министра в 1976 г. ввела у себя должность языкового эксперта, в чьи обязанности входила организация обучения чиновников министерств и ведомств, участие в работе над текстами законов, решений, запросов и других документов, которые выпускают органы управления, а также редакторская работа по улучшению языка и стиля таких текстов. Сегодня эти функции выполняют три эксперта, в чью задачу входит усовершенствование и упрощение языка документов, исходящих из объединенной администрации министерств. Одна из главных задач, стоящих перед этими специалистами, остается прежней – сближение языка законов с единой нормой книжно-письменной речи.

Модернизация языка законов косвенно влияет на стиль всех официально-деловых текстов, в которых часто используются прямые или косвенные цитаты из нормативно-правовых актов.

В 1980-х гг. в Законе о местном самоуправлении были впервые сформулированы правила «доступного языка» (*klarspråk*): «Органы власти должны стремиться к тому, чтобы их формулировки можно было легко понимать» (*myndigheterna skall sträva efter att uttrycka sig lättbegripligt*) [Förvaltningslag 1986].

Для более эффективной работы по реформированию языка официально-делового общения 18 августа 1983 г. правительство приняло решение создать языковую комиссию и поручить ей не позднее 1985 г. представить отчет о том, что делается и что необходимо сделать для усовершенствования этого языка. Иными словами, комиссия должна была оценить эффективность языковой политики, проводимой канцелярией правительства и другими органами власти и управления, чтобы принять решение о ее дальнейшем планировании [Översyn av språkvården, с. 4]. В 1985 г. комиссия опубликовала отчет под названием «Доступный язык – основа эффективной деятельности органов управления» [Klarspråk 1985]. В нем детально анализировалась сложившаяся ситуация, перечислялись ее причины и предпосылки, а также возможные пути решения и основные участники этого процесса.

В преамбуле авторы отчета дают характеристику сложившейся в стране языковой ситуации: документы, которые создаются в крупных компаниях и различных организациях, подвергаются заслуженной критике, поскольку бюрократы, работающие на муниципальных или частных предприятиях, пользуются тарабарским языком (*krångelspråk*) [Klarspråk 1985, с. 1].

Однако, хотя работа по реформированию языка официально-делового общения ведется уже достаточно давно, делается это sporadически и непоследовательно, а достигнутые результаты имеют локальное значение и не оказывают ощутимого влияния на ситуацию в целом.

В этой связи авторы отчета предлагают осуществить следующие меры для улучшения и эффективизации работы по усовершенствованию языка в официально-деловой сфере:

1. *Учредить во всех органах власти должность языкового эксперта, который будет отвечать за обучение чиновников / сотрудников нормам написания документов.*

Языковой эксперт, постоянно работающий в том или ином государственном учреждении или в компании, находится в курсе происходящего и знает, когда, кому и в какой форме может потребоваться его помощь. Кроме того, его коллеги точно знают, куда обратиться, когда у них возникают вопросы по поводу написания документов, и избавлены от необходимости искать организацию, где им могут оказать содействие.

Таким образом, языковой эксперт должен быть готов одновременно выполнять следующие функции: контактоустанавливающую, надзорную и собственно консультативную [Hägg 1980, с. 4].

2. *Создать экспертный совет, члены которого хорошо знакомы с системой управления обществом и заинтересованы в усовершенствовании языка официально-делового общения. Они, в частности, обязаны следить за тем, чтобы доступная помощь языковых экспертов была востребована и использовалась по назначению.*

В центре внимания должны быть, прежде всего, три группы сотрудников: те, кто принимает решения; те, кто занимается оргвопросами, и те, кто составляет тексты документов. Первые должны участвовать в этой работе, так как именно они имеют наиболее полное

представление о деятельности подведомственного им органа и при необходимости могут принять решение о выделении средств на проведение мероприятий, связанных с языковым регулированием. Вторые должны хорошо представлять себе суть языкового регулирования, так как именно им придется отвечать за практическую организацию мероприятий по обучению сотрудников. Непосредственные исполнители и секретари, занимающиеся подготовкой документации, должны уметь составлять документы с учетом новых требований к языку и знать, к кому обратиться с вопросами об улучшении языка и стиля документов. Для координации этой работы необходим центральный экспертный совет, владеющий всей необходимой информацией и заинтересованный в успехе языкового регулирования. Такой совет должен не только располагать сведениями о последних достижениях в сфере языковой политики в стране и за рубежом, но и координировать методическую и исследовательскую работу по развитию и совершенствованию языка документации и помогать экспертам, работающим в небольших компаниях и в местных органах власти. Центральный экспертный совет должен состоять из влиятельных и компетентных членов, которые имеют связь с учебными и научными центрами по изучению языка, а также пользуются уважением в центральных органах власти и имеют возможность определять необходимые меры по языковому планированию в масштабах страны.

- 3. В рамках образовательных программ, проводимых Государственным институтом подготовки персонала (SIPU) и местными органами власти, уделить особое внимание обучению чиновников нормам ясного и доступного письма.*

Важно, чтобы обучение сотрудников проходило на примере реальных документов, с которыми им приходится работать, и чтобы руководили этим обучением компетентные специалисты. Поэтому организовывать курсы необходимо в тесном сотрудничестве с языковыми экспертами в компании или органе власти. Обучение может включать в себя следующие моменты: написание документов, их анализ (стиль и содержание, построение фразы, выбор лексики), методические советы, при этом преподаватель постоянно следит, чтобы ученики не употребляли в своих текстах то, что затрудняет понимание [Hägg 1980, с. 42].

4. *Рекомендовать контрольным органам включить язык документации в список моментов, проверяемых ревизорами.*

Чтобы заставить органы власти работать над улучшением языка официально-деловых текстов, необходимо наделить парламентских ревизоров и контролеров соответствующими полномочиями и вменить им в обязанности проверять понятность текстов широкому потребителю. Доступность этих текстов должна служить показателем качества предоставляемых населению услуг. Для проведения такой экспертизы необходимо, чтобы контролирующие парламентские органы могли пользоваться услугами языкового эксперта, который в тесном сотрудничестве с руководителем проверяемой организации может разработать рекомендации по улучшению языкового оформления исходящей документации, писем или анкет [Hägг 1980, с. 9].

5. *Издать правила написания документации, общие для всех государственных служащих.*

Есть много моментов, которые необходимо стандартизировать: употребление заглавных букв, знаков препинания, аббревиатур, слитное или раздельное написание сложных слов и т. п. В своей работе чиновники пользуются орфографическими справочниками, изданными Риксдагом и Языковой комиссией, однако в разных учреждениях требования, предъявляемые к документации, сильно отличаются друг от друга и от норм, принятых в парламентской канцелярии. Это вызывает необходимость постоянной переработки документов в соответствии с нормами того или иного органа власти, на что уходит дополнительное время и средства. Правительственная канцелярия и языковые эксперты канцелярии премьер-министра при содействии Языковой комиссии и Парламентской комиссии по языку могли бы разработать свод правил, которые стали бы обязательными для чиновников. Эти общие для всех базовые правила при необходимости можно дополнять на местах собственными разработками, при условии, что они не противоречат общим нормам.

Предполагается, что с помощью организаций, занимающихся языковым нормированием, власти перейдут при написании протоколов, решений, постановлений и прочих документов на доступный язык.

Целью политики доступного языка является информативность и понятность официально-деловых текстов, их содержание должно восприниматься однозначно, не требовать дополнительных разъяснений и не допускать различных толкований [Hägг 1980, с. 27].

Для достижения этой цели предлагается определить целевые группы для каждой организации и органа власти и вести работу по нормированию и планированию языка официально-делового общения исходя из потребностей конкретной группы, которой могут быть, например:

- общественность;
- предприятия-партнеры;
- региональные органы управления;
- центральные органы управления;
- университеты и институты;
- эксперты в данной сфере деятельности / области производства;
- сотрудники предприятия.

Следует отметить, что функции языковых экспертов различаются в зависимости от того, каково назначение того или иного документа. И если внутреннюю документацию предприятия или органа власти можно усовершенствовать через обучение сотрудников, то тексты, ориентированные на большое количество потребителей, должны проходить языковую экспертизу и редактироваться специалистом [Hägг 1980, с. 43].

Преимущества использования «политики доступного языка»

Практика показывает, что после работы с языковым экспертом, можно упростить текст (с сохранением всех основных элементов содержания) так, что время его прочтения сократится на 25%. При этом речь не всегда идет о сокращении количества страниц [Hägг 1980, с. 29–30].

Наряду с результатами, условно говоря, количественного характера, есть результаты, демонстрирующие повышение качества текста: речь идет о случаях, когда должностные лица, получившие экспертное заключение или докладную записку, написанные доступным языком, дочитывали их до конца, так как содержание документа казалось им интересным и заслуживающим внимания. Аналогичный документ, написанный канцеляритом, они практически сразу откладывали в сторону, не желая тратить время на то, чтобы вникнуть в суть мало-понятного текста [Hägг 1980, с. 31].

В сфере официально-делового общения каждый текст является звеном в длинной цепочке предшествующих и последующих документов – решений, экспертиз, деловых писем и т. п., а также служит отправной точкой для действий адресата, который, как минимум, должен отправить ответное письмо или передать информацию дальше. Таким образом, если в одном из ведущих звеньев этой цепочки будет начата работа по усовершенствованию языка официально-делового общения, это скажется и на других ее звеньях [Hägg 1980, с. 32]. Примером того, какой экономический эффект может дать правильно составленная документация, является анкета, разработанная в 1981 г. Министерством здравоохранения и социальной защиты Великобритании. Она содержала вопросы к обратившимся с просьбой о назначении пособия по безработице, и должна была заменить собой собеседования социальных кураторов с безработными, т. е. сэкономить государству время и деньги. Однако после тестирования первой версии анкеты выяснилось, что в 75 % случаев чиновникам все равно пришлось встречаться с клиентами для уточнения сведений. После доработки анкеты количество личных бесед сократилось до 30 %. Третий, окончательный, вариант показал удовлетворительный результат: более 80 % анкет были заполнены правильно и содержали всю необходимую государственным органам информацию. Экономический эффект – миллионы сэкономленных фунтов для социальной сферы Великобритании в 1982–1983 гг.

Среди организаций, участвующих в процессе реформирования языка официально-делового общения, можно назвать Комитет по шведскому языку (Svenska språknämnden), Шведский центр технической терминологии (Tekniska nomenklaturcentralen), Канцелярию премьер-министра (Statsrådsberedningen), Объединение языковых экспертов в сфере управления обществом (Samspråk), Шведскую Академию, а также так называемую Группу по языковому регулированию (Språkvårdsgruppen), состоящую из представителей вышеназванных организаций и способствующую развитию сотрудничества между органами управления и языковыми экспертами. В работе по усовершенствованию языка официально-делового общения также участвуют высшие учебные заведения, Шведский научно-исследовательский институт обучения персонала (Statens Institut för personalutveckling, SIPU) и языковые консультанты.

Как уже говорилось, одним из важнейших направлений работы считается модернизация языка законов, поэтому, по мере изменения содержания тех или иных законов, модернизируется и их языковое оформление. Решение об этом было принято Канцелярией премьер-министра в 1979 г. (Statsrådsberedningen, PM 1979:2 Några riktlinjer för författningsspråket) и подтверждено в инструкции 1998 г. (Statsrådsberedningen, PM 1994:4 Några riktlinjer för författningsspråket). В последней, в частности, подробно разбирается, на что следует обращать внимание при переработке уже существующих нормативно-правовых текстов, и уделяется много внимания гендерной нейтральности языка законов.

С вступлением Швеции в Европейский союз вопросы доступности языка приобрели новую актуальность, поскольку в Европе традиция написания официальных документов отличается от шведской: длинные, сложно построенные фразы являются здесь нормой. Официально-деловой язык во многих странах существует в первую очередь для специалистов, а не для широкой общественности. Поэтому Швеция (вместе с другими скандинавскими странами) старается внести свой вклад в дело упрощения официально-делового языка ЕС и распространения принципов доступности на все издаваемые органами Евросоюза документы.

В 2002 г. выходит Отчет правительственной комиссии [Mål i mun 2002], в котором рассматривается статус шведского языка в период после вступления Швеции в ЕС, в ситуации, когда в стране всё более активно во всех сферах употребляется английский. Теперь на сайте правительства (*regeringen.se*) существует раздел, где можно найти советы языковых экспертов по составлению и переводу текстов в рамках европейского сотрудничества.

В настоящее время среди основных направлений работы по формированию языка официально-делового общения выделяются следующие:

- Обучение, образовательные программы для сотрудников всех уровней с использованием текстов, актуальных для данной организации.
- Пересмотр шаблонов для документов, который сопровождается ревизией содержания и языкового оформления документов, а также обновлением компьютерной базы документов.

- Выработка требований к документам, актуальным для данной организации. Публикация справочников и руководств по составлению документов узкой направленности. Например, у Правления Стокгольмского лена есть свой специализированный справочник «Klarspråk» («Доступный язык»), у отдела акционерных обществ Патентно-регистрационного управления – инструкция «Skriv enklare» («Пишите проще»), у полиции – «Konsten att skriva bra brottsanmälningar» («Как правильно писать рапорт об обнаружении преступления») и т. д.
- Публикация статей в местной, производственной и центральной печати.
- Учреждение должностей языковых консультантов на рабочих местах.
- Публикация языковых справочных материалов в интранете организаций (правила написания, советы по стилистике, ответы на вопросы сотрудников).
- Объединение организаций по территориальному признаку для совместной работы по реформированию языка и обмена опытом (например, «Klarspråk i Västernorrlands län» – объединение нескольких центральных, региональных и муниципальных организаций Западного Норрланда) [Ehrenberg-Sundin 1999, с. 13–14].

Таким образом, после длительных споров и обсуждений, касающихся употребления отдельных слов и словоформ (см. выше Э. Велландер и др.), шведские языковеды и юристы выработали основное правило доступности текста: она в первую очередь определяется не только и не столько отдельными словами и выражениями, сколько коммуникативной направленностью текста на потребителя, уважением к адресату текста. Именно это диктует выбор тех или иных языковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- De Geer L.* Om den juridiska stilen. 1853 // Svensk Juristtidning (SvT). 1953.
Det statliga utredningstrycket // SOU. 1950. Vol. 25. Stockholm. (In Swed.)
- Ehrenberg-Sundin B.* Klarspråksarbetet i Sverige // Klart språk i Norden. 1999. URL: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/ksn/article/viewFile/18303/15960> (accessed: 20.06.19) (In Swed.)

- Förvaltningslag. 1986: 223. URL: www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forvaltningslag-1986223_sfs-1986-223 (accessed: 20.06.19). (In Swed.)
- Hägg G.* Språk i administrationssamhället // Jonsson I. (red). Språken i vårt språk. Stockholm: PAN/Norstedts, 1980. (In Swed.)
- Klarspråk – en grund för god offentlig service // Språkvårdsutredningsrapport. DsC. 1985. Vol. 3. Liber/Allmänna förl. (In Swed.)
- Kreüger J.* Några ord om den juridiska stilen i Sverige // Naumanns Tidskrift. 1881. Vol. 18. P. 546–560. (In Swed.)
- Mål i mun. Förslag till handlingsprogram för svenska språket // SOU. 2002. Vol. 27. URL: www.regeringen.se/rattsliga-dokument/statens-offentliga-utredningar/2002/04/sou-200227/ (accessed: 20.06.19). (In Swed.)
- Språket i lagar och andra författningar // Statsrådsberedningens PM 25.1 1967. (In Swed.)
- Wedberg B.* Lagstil: några citat och reflexioner. Stockholm: Norstedt, 1928. (In Swed.)
- Wellander E.* Hur bör våra myndigheters språk utvecklas – tidsenligt eller stilenligt? // Svensk Juristtidning. 1966. Arg. 51, 4. P. 241–295. (In Swed.)
- Wellander E.* Kommittésvenska – en undersökning och ett försök till riktlinjer // SOU. 1950. Vol. 26. URL: svjt.se/svjt/1952/852 (accessed: 20.06.19). (In Swed.)
- Översyn av språkvården inom förvaltningen // Dir. 1983. Vol. 49. URL: www.regeringen.se/49bb46/contentassets/140617dbecf342eea3f4a1d89f27137c/oversyn-av-statlig-regional-forvaltning-m.m.-dir.-200962 (accessed: 20.06.19). (In Swed.)

УДК 811.113.4

Д. Б. Никуличева

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института языкознания РАН;
профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ СОБЫТИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена исследованию одного из ключевых проявлений антропоцентризма в языке – выражению перспективизации события грамматическими средствами. Под перспективизацией понимается ориентация события относительно позиции говорящего. Методика исследования состоит в применении таких когнитивных категорий, как локализация, ориентация, дистанцирование, внешняя и внутренняя перспектива, профилирование событий в ментальном пространстве говорящего и др. Доказывается, что базовым когнитивным принципом организации датской грамматической системы служит противопоставление пережитой реальности всем разнообразным проявлениям удаленности от этой непосредственно воспринимаемой реальности. В качестве основных проявлений перспективизации анализируются языковые средства темпорального и таксисного дистанцирования, а также влияние категории перспективизации на продуктивность определенных сюжетов в датской художественной литературе.

Ключевые слова: антропоцентризм; перспективизация; позиция говорящего; внешняя и внутренняя перспектива наблюдателя; темпоральное и таксисное дистанцирование; когнитивный сюжет отстраненного повествователя в художественной литературе.

D. B. Nikulicheva

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Senior Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department
of Scandinavian languages, Dutch and Finnish, Faculty of Translation
and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

GRAMMAR MEANS OF EVENT PERSPECTIVIZATION IN THE DANISH LANGUAGE

The article studies one of the key manifestations of anthropocentrism in language – perspectivisation of an event by grammatical means of a particular language. Perspectivisation is understood as a linguistic orientation of the event relative to

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

the position of the speaker. The research method consists in applying such cognitive categories as localization, orientation, distancing, external and internal perspective, profiling of events in the speaker's mental space, etc. The article demonstrates that the basic cognitive principle of the Danish grammatical system is the opposition of the experienced speaker-centered reality to various manifestations of distancing from the perceived reality. As the main manifestations of perspectivisation, the article analyzes means of temporal and taxis distancing, as well as the influence of the perspectivisation on the productivity of certain cognitive plots in Danish literature.

Key words: anthropocentrism; perspectivization; vantage point; external and internal perspective of the observer; temporal and taxis distancing; cognitive plot of a detached narrator in fiction.

Введение

Статья посвящена обсуждению одного из ключевых проявлений антропоцентризма в языке – выражению перспективизации события грамматическими и лексическими средствами конкретного языка.

Антропоцентризм является важной категорией современного языкознания, дополняющей системоцентрический подход [Алпатов 1993, с. 15]. Исследователи подчеркивают значимость антропоцентрического подхода для выработки нового категориального аппарата описания языка [Бугорская 2004, с. 24]. Этот категориальный аппарат активно разрабатывается современной когнитивной лингвистикой.

Понятие перспективизации, восходящее к терминологии гештальтпсихологии, получило в рамках когнитивной лингвистики развитие как одно из важнейших, описывающих языковые явления через особенности зрительного восприятия. Под перспективизацией понимается ориентация события относительно позиции говорящего. «Перспективизация является прежде всего неотъемлемым свойством структуры языка, реализуемым в речи каждого индивидуального говорящего» [Ирисханова 2014, с. 51]. К числу когнитивных механизмов, обеспечивающих проявление зрительного восприятия в языке, в когнитологии стали активно применяться такие понятия гештальтпсихологии, как «фокусирование», «конструирование», «фигура-фон», «траектор и ориентир», «перспективизация», «точка зрения» и др. [Ирисханова 2014, с. 25].

Категория отдаленности

Исходным тезисом нашего исследования является утверждение о том, что в основе датской грамматической системы

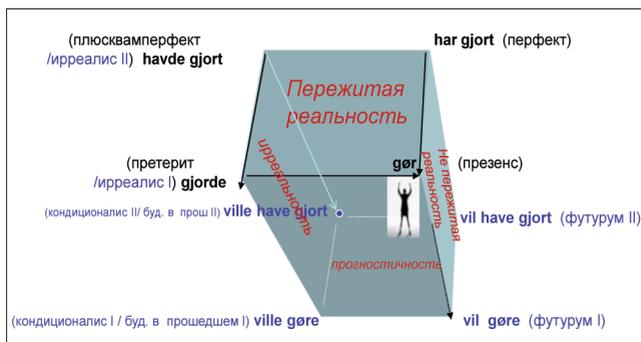
лежит противопоставление *пережитой реальности* (*den oplevede virkelighed*), в центре которой находится говорящий, всем разнообразным проявлениям *отдаленности* от этой непосредственно воспринимаемой реальности.

Для авторов новейшей академической грамматики датского языка [Hansen, Heltoft 2011] категория отдаленности является ключевой. Именно она позволяет объяснить системную омонимию форм реалиса и ирреалиса. Так, грамматическая семантика датского претерита может трактоваться «либо как расстояние до мира, который рассматривается как воображаемый, гипотетический, либо как мир, который рассматривается как реальный, фактический, но отстоящий во времени» [Hansen, Heltoft 2011, с. 648]. Темпоральную систему, сложившуюся в современном датском языке, авторы предлагают называть «системой отдаления» (*afstandssystemet*) и подчеркивают, что датская система отдаления «*ligger skævt mellem tid og realitet*» [Hansen, Heltoft 2011, с. 649].

Эта весьма трудная для перевода формулировка (буквально «лежит косо между временем и реальностью») может быть наглядно проиллюстрирована той пространственной структурой темпоральных форм датского глагола, которая была предложена нами в результате психолингвистического эксперимента по выявлению особенностей визуализации датскими информантами биографических событий (см. схему 1).

В ходе указанного эксперимента была выявлена характерная для носителей датского языка асимметричность перцептивной организации прошлых и будущих событий биографического времени. В результате

Схема 1

Когнитивные планы датской темпоральной системы

была предложена пространственная схема, объединяющая особенности внутренних визуализаций событий носителями датского языка и структуру грамматических темпоральных категорий датского глагола [Никуличева 2008, с. 100].

Важно подчеркнуть, что континуум удаленности от точки настоящего совпадает с континуумом структурной усложненности соответствующих аналитических форм, т. е. *чем в более удаленной перспективе (реальной или воображаемой) от концептуализатора находится событие, тем более сложной аналитической формой эта удаленность маркируется*. Причем наибольшая дистанция (как временная, так и эпистемическая), как видно из схемы, оказывается расположенной по диагонали, т. е., действительно, «*ligger skævt*» – между простейшей формой презенса и наиболее сложной из форм, образованной сочетанием претерита модального глагола с перфектным инфинитивом. Таким образом, антропоцентричность и системоцентричность описания дополняют друг друга, углубляя наше понимание когнитивных основ грамматической семантики форм датского глагола.

Это значит, что в датском языке категория отдаленности обслуживает задачи перспективизации как реальных, так и воображаемых событий, что нередко наблюдается в рамках одного высказывания:

Det **forekommer mig** (ситуация 1: момент речи – дистанция 0) at vi en enkelt gang **var** på tomandshånd ... og at hun i et forsøg på en fortrolighed... **fortalte** mig om et hus (ситуация 2: удаленность от момента речи в реальное прошлое – дистанция 1), hun **havde boet** i, sammen med flere andre narkomaner, og hvordan de **havde sovet** i en stor bunke og om natten simpelthen **rakt ud efter** den, der lå nærmest (ситуация 3: удаленность от момента прошлого в предшествование – дистанция 2)... og jeg **så** for mig en Hieronimus Bosch-scenarium (ситуация 2: удаленность в прошлое – дистанция 1). Og jeg **burde have undt** hende al den lykke (ситуация 4, удаленность от момента прошлого в воображаемую ситуацию, дистанция 3), hun kunne få. Men det **gjorde** jeg ikke (ситуация 2: удаленность в прошлое) (Hesselholdt 2010, с. 10). – «Мне кажется, что как-то раз мы остались наедине ... и что она, пытаясь вызвать меня на откровенность, рассказала о доме, в котором жила вместе с другими наркоманами, и как они спали вповалку и ночью просто тянулись к тому, кто лежал ближе <...> Я представила сцену из Иеронима Босха... Мне следовало бы тогда порадоваться ее счастью, но я не радовалась».

Если разместить отмеченные в примере четыре темпоральные ситуации на схеме 1, то окажется, что они, действительно, окажутся на разной удаленности от субъекта речи (дистанция $0 < \text{дистанция } 1 < \text{дистанция } 2 < \text{дистанция } 3$), что последовательно соотносится с усложненностью используемой грамматической формы предиката: *forekommer* → *fortalte* → *havde boet* → *burde have undt*.

Перфектная перспективизация

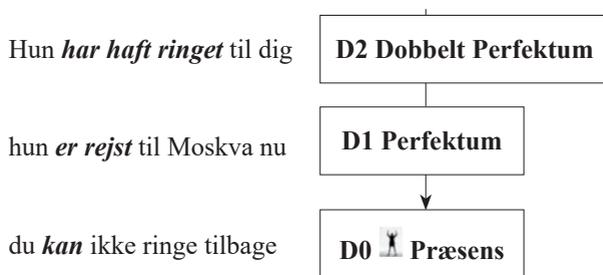
Тенденция к усилению дистанцирующей перспективизации наглядно проявляется и в активизации в датском языке такой относительно новой темпоральной формы, как *двойной перфект*. Эта форма, которая раньше воспринималась как диалектная и грамматически неправильная [Sproghandler 1988, s. 12–15], начинает все более активно использоваться как в устной речи, так и в СМИ и Интернете. Исследованию ее семантики посвящен целый ряд работ [Glismann 1989; Harder 1989; Hansen 2011; Brøcker 2015; Крылова 2018]. Э. Б. Крылова убедительно доказывает, что одним из значений датского двойного перфекта является значение «недостижение субъектом действия реального результата» [Крылова 2018, с. 35–36].

Jeg *har haft købt* en bluse i en af jeres butikker, men prøver at finde frem til, om de giver penge retur. – «Я купила себе блузку в одном из ваших магазинов, но сейчас пытаюсь выяснить, возвращают ли они деньги».

О том, что целостное значение данной конструкции «исключает функцию результативного перфекта», сохраняя функцию перфекта характеристики (*statusperfektum*) писал ранее и Эрик Хансен [Hansen 2011, s. 716]. Однако это значение является лишь частным случаем общей закономерности, согласно которой «использование двойного перфекта *отодвигает* событие и его релевантность в предшествование» («*forskyder*¹ begivenhed og relevansforhold til førtiden») [Hansen 2011, с. 712]. Особенно это заметно на примерах совместного употребления форм простого и двойного перфекта:

Hun *har haft ringet* til dig, men hun *er rejst* til Moskva nu, så du kan ikke ringe tilbage (Hansen 2011, с. 712) – Она звонила тебе, но сейчас уехала, так что ты не можешь ей перезвонить.

¹ Выделено авт. – Д. Н.

Если учесть, что по результатам упомянутого выше психолингвистического эксперимента датские информанты обычно располагали актуальные биографические события на линии прямо перед собой, то становится понятно, что визуально ближайшие актуальные события буквально «заслоняют» от перцептора предшествующие актуальные события, что закономерно отменяет их результативность для настоящего. Для нас важно подчеркнуть, что даже такая по умолчанию ориентированная на момент речи форма, как перфект, по-датски именуемая *fornutid* (букв. преднастоящее), начинает в современном датском языке участвовать в усилении базовой для его грамматической семантики языка категории дистанцирования.

Таксисная перспективизация

Еще заметнее грамматическая семантика дистанцирования проявляется в случае таксисной перспективизации. В понимании Р. Якобсона, впервые использовавшего термин *таксис* для обозначения категории временной относительности, о таксисе как об особой грамматической категории глагола можно говорить лишь тогда, когда в языке существуют те или иные специализированные глагольные формы, маркирующие временную локализацию *таксисной ситуации* относительно *опорной*. Согласно Якобсону, таксис – это не-шифтерная категория, безотносительная к факту сообщения: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения (в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения)» [Бондарко 1990, с. 504]. Вместе с тем мы хотим подчеркнуть, что именно таксисные отношения, выражая «временную соотнесенность» [Смирницкий 1959], участвуют в *расширении временной*

перспективы говорящего, усиливая эффект временной отдаленности от позиции концептуализатора-повествователя. При этом довольно часто возникает эффект, который мы предлагаем называть **телескопической перспективизацией**, когда сочетание лексических ориентиров и форм претерита и плюсквамперфекта создает телескопический эффект предшествования предшествованию.

В качестве иллюстрации обратимся сначала к переводу отрывка из романа Кристины Хессельхольдт, где героиня вспоминает свое пребывание в Африке:

В тот день **подавали** рис с бобами в томатном соусе с луком и кусочками авокадо. Снаружи то же самое блюдо на кострах **готовили** африканские женщины. Я **видела** это по пути в столовую. Я **проходила** мимо них утром того дня. **Тогда** женщины **сидели** перед хижинами и **смотрели**. Маленький Джони **упал** и **поранил** палец ноги об острый камень. Я **схватила** его и **побежала** к медсестре в главное здание...

Все предикаты русского текста выражены формами прошедшего времени, причем большинство – формами несовершенного вида. За счет этого возникает эффект *наблюдаемости процесса*, когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит. Создается образ *совместного*¹ восприятия» [Бондарко 2004, с. 278].

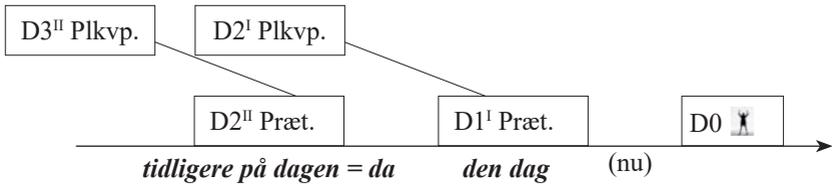
Таким образом, в русском переводе последовательность событий оказывается грамматически нейтральной, зато усиливается эмпатия повествования. Это создает внутреннюю перспективу наблюдателя = повествователя = концептуализатора.

Если же обратиться к датскому оригиналу, то обнаружится, что здесь грамматическими средствами четко выстраивается линия временной перспективизации:

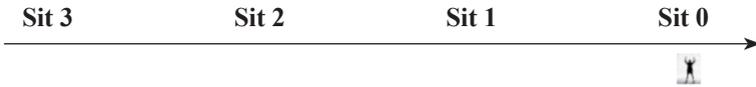
Den dag blev der serveret ris med bønner i tomat og lidt løg og dertil avocadoskiver. Udenfor, over bålene, **kogte** den samme bønneret i de afrikanske kvinders gryder (*ситуация 1, дистанция 1, Præt*). Det **havde** jeg **set** på vej til spisesalen. Jeg **havde passeret** kvinderne **tidligere på dagen** (*ситуация 2, дистанция 2, Plkvp*), **da sad** de foran deres hytter og **kiggede** (*ситуация 2, дистанция 2, Præt*). Lille John **var faldet** og **havde næsten fået skåret** storetåen over på en skarp sten (*ситуация 3, дистанция 3,*

¹ Выделено авт. – Д. Н.

Plkvp). Jeg **greb** ham og **løb** imod sygeplejerskens revir i hovedbygningen (ситуация 2, дистанция 2, Præt) (Hesselholdt 2010, с. 60).

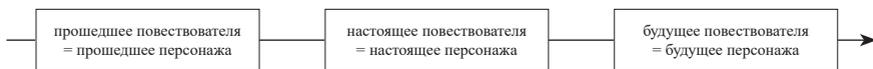
За счет этого ситуации организуются в строгой временной последовательности, которую как бы извне обзорекает повествователь (внешняя перспектива наблюдателя):

Общая идея состоит в том, что таксистная перспектива дистанцирует повествователя от ситуации. Помимо временной соотнесенности действий в прошлом, выражаемой сочетанием претерита и плюсквамперфекта, это особенно заметно в ситуациях, когда будущее время персонажа повествования для самого повествователя объективно относится к прошлому (7):

“Miskundhed og Sandhed mødes, kære Brødre,” sagde provsten. ”Retfærd og Fryd skal kysse hinanden”. Og den unge mands Tanker var ved det Øjeblik da Lorens og Martine **skulde kysse** hinanden (*Blixen*). – «Милость и истина встретятся, дорогие Братья, – говорил пробст. – Правда и мир облобызуются». А молодой человек в этот миг **думал** о лобызаниях, какими **обменяются** друг с другом Лоренс и Мартина.

Из сопоставления оригинала и перевода видно, что для грамматического представления времени в русском языке характерно «совместное» существование повествователя и субъекта повествования в «общем» для них временном пространстве: грамматическое прошлое повествователя равно грамматическому прошлому героя, а грамматическое будущее повествователя равно грамматическому будущему героя. Таким образом, посредством грамматических средств русского языка формируются три временные области:

В отличие от русской темпоральной системы в плане концептуализации времени датская система относительных времен предполагает *несовпадение временной перспективы говорящего и персонажа*:

Таким образом, по формализованном в языке правилам говорящий – хочет он того или нет – смотрит на повествование из своей временной перспективы, отличной от временной перспективы персонажа. То есть сама грамматическая система создает своего рода когнитивные предпосылки для последовательного дистанцирования повествователя от субъекта повествования.

Когнитивный сюжет отстраненного повествователя

Влияние дистанцирования, как базовой категории датской грамматической системы, столь велико, что находит отражение в продуктивности определенных сюжетов датской литературы. Так, анализ ряда произведений датских писателей позволил нам утверждать, что для современной датской литературы важным когнитивным сюжетом является художественное осмысление идеи отстраненности повествователя от субъекта его повествования [Никуличева 2019]. Датские авторы вновь и вновь возвращаются к сюжету, когда трагические события, переживаемые главным героем, излагаются с позиции отстраненного наблюдателя (или наблюдателей), который бесстрастно констатирует происходящее, таким образом здесь создается сильный художественный эффект когнитивного диссонанса. В 1990 г. был опубликован рассказ мэтра датской литературы Свена Оге Мадсена «Udenfor» («Снаружи»), а в 2010 г. молодая писательница Каролина Маллинг дебютировала с пьесой «Bag hegnet» («За забором»). Принадлежащие к разным поколениям авторы неслучайно обращаются к одному и тому же сюжету.

Название рассказа Мадсена «Снаружи» отражает суть коллизии. Компания подростков обнаруживает, что, взобравшись на забор, можно через окно подглядывать за семьей, живущей в их доме. «Снаружи» подростки наблюдают за жизнью семьи с ее буднями, горестями и нарастающим отчаянием. По ходу повествования автору удается сохранять ощущение абсолютного равнодушия любопытствующей толпы. Так же отстраненно описывается сцена самоубийства девочки, героини рассказа, со спокойным интересом наблюдаемая подростками.

В пьесе Каролины Маллинг три безликих соседа, обозначаемые цифрами 1, 2, 3, годами из-за забора наблюдают за жизнью переехавшей в их поселок семьи. Из их бесцветных реплик мы узнаем, что вот семья купила машину, вот построила сарай, вот отправляется путешествовать; что отец часто фотографирует дочку в саду. А потом между строк читается, что нет уже ни жены, ни дочери. Соседи смотрят, как мужчина стоит перед своими воротами и не решается войти. А в последней сцене они наблюдают за телом, раскачивающимся в саду на суку старой груши, и обсуждают, надо ли открыть ворота или машина, которая приедет его забирать, припаркуется снаружи...

Поскольку сюжет отстраненного наблюдателя основан на целом ряде специфических датских особенностей языковой категоризации, он закономерно вызывает определенные сложности при переводе на русский язык. Так, нарочито подчеркнутая в оригиналах таксистная отстраненность наблюдателя от персонажей неизбежно утрачивается в переводе, а иногда при передаче датского претерита переводчик использует формы настоящего времени, тем самым перцептивно еще больше приближая героя к повествователю. Ср.:

De *overvejede* (*Præet*) på et tidspunkt, om de *skulle gå* (*Fut II*) om i haven, eller hjem, eller måske søge læ i vindfanget, de *ville* godt *kunne se* (*Fut II*) ham fra vindfanget (*Malling 2010*). – «В какой-то момент они даже *подумывают*, а не обойти ли вокруг и не попытаться ли проникнуть в дом или в сад, или, быть может, встать под навесом на крыльце – с крыльца им *будет* его хорошо *видно*» (*пер. О. Рождественского*).

Использование в оригинале глагола мыслительной деятельности в претерите и дубитативного предположения в форме будущего в прошедшем четко противопоставляет перцептивную позицию наблюдателя и наблюдаемых. В русском переводе их настоящее и их будущее

совпадают, что сразу уменьшает значимую для авторского замысла когнитивную дистанцию.

Подчеркнем, что речь идет не о неполном понимании установок оригинала переводчиком, а о том, что языки в разной степени обладают грамматическим ресурсом для выражения некоторых смыслов, значимых настолько, что в соответствующей языковой культуре они становятся сюжетообразующими.

Неслучайно многие персонажи датской литературы подчеркивают восприятие себя со стороны (*udefra*). Так, главная героиня романа Кристины Хессельхолт «*Camilla – og resten af selskabet*» неоднократно говорит, что наблюдает себя «снаружи», например:

Det **forekommer** mig at vi en enkelt gang var på tomanshånd (hvilket var lettere for mig end at være i flok, alligevel *så* jeg uafladeligt ***mig selv udefra***; jeg **var** faktisk ***to*** og ***befandt mig i*** en endeløs ***træden mig selv over tæerne***) (Hesselholdt 2010, s. 10). – «Мне кажется, мы как-то раз остались с глазу на глаз, что было для меня легче, чем быть в толпе, но я все равно постоянно видела себя ***со стороны*** (*udefra*), фактически, было две меня, и я без конца наступала себе самой на пятки».

Или:

Og jeg **tænkte**: ja, det er sådan, det er (hvor 'det' sandsynligvis betød livet)... samtidig med, at jeg **følte** mig ***udenfor*** og ganske givet komplet idiotisk (Hesselholdt 2010, s. 9). – «И я подумала: да, вот оно как (где оно, разумеется, обозначало жизнь) и одновременно ощущала себя ***снаружи*** и совершенно по-идиотски».

Подруга главной героини Альма тоже видит себя со стороны:

De sad, i trusser, i det barrikaderede værelse, og drak vin og røg cigaretter og hørte musik, pludselig *så* Alma ***sig selv udefra*** og sagde: «***Man skulle tro***, vi ***sad*** på en strand» (Hesselholdt 2010, s. 39). – «Они сидели в одних трусах в забаррикадированной комнате и пили вино, курили сигареты и слушали музыку, вдруг Альма ***увидела себя со стороны*** и сказала: “*Можно подумать, мы сидим на пляже*”».

Особенно интересно передающее прямую речь Альмы предложение ***Man skulle tro, vi sad på en strand***. Оно представляет собой квинт-эссенцию разнообразных языковых средств датской перспективизации: 1. Взгляд на ситуацию со стороны (***så sig selv udefra***) отражает

отстраненность восприятия ситуации персонажем. 2. В роли воспринимающего субъекта вместо реальных участников ситуации, запершихся вдвоем в комнате, выступает неопределенно-личное местоимение *man*. 3. Предикат выражен сочетанием претерита модального глагола *skulle* + *Inf I*, которое употребляется в датском языке «главным образом для *отмежевания* (выделено автором) говорящего от чужого высказывания, он как бы снимает с себя ответственность за достоверность передаваемой им с чужих слов информации. Значение *отчуждения* (выделено авт. – Д. Н.), эксплицируемое данным сочетанием, не позволяет определить отношение говорящего к содержанию высказывания» [Крылова 2004, с. 55]. В данном контексте, используя форму предиката *skulle* + *Inf I*, субъект дистанцируется от своего собственного суждения, как будто оно высказано кем-то другим. 4. Использование ментального предиката *tro* указывает на конструирование *воображаемой* ситуации (*trosuniverset*) в противоположность ситуации, основанной на перцептивном опыте (*erfaringsuniverset*), см. [Dudst-Andersen 2011, с. 164–167]. 5. Использование претерита *sad* отодвигает синхронную моменту речи ситуацию в сферу ирреальности как контрафактивную, т. е. противоречащую реальному положению дел: персонажи заперты в комнате, а не сидят на пляже. В результате возникает то, что мы предлагаем называть *кумулятивным эффектом дистанцирования*. Высказывание *Man skulle tro, vi sad på en strand* маркируется как удаленное от позиции говорящего сразу множеством языковых средств, что многократно усиливает эффект отстраненности повествователя. Этот кумулятивный эффект дистанцирования неизбежно утрачивается в русском переводе.

Отстраненно-личная функция местоимения *man*

Что касается неопределенно-личного местоимения *man*, то, хотя в датских грамматиках указывается, что «обобщающая функция для этого местоимения является центральной», отмечается также, что «иногда, если по стилистическим или прагматическим причинам говорящий хочет избежать употребления личного местоимения, *man* может использоваться в значении 1, 2, или 3 лица» [Hansen, Heltoft 2011, с. 557–558]. Для целей нашего изложения важно подчеркнуть, что при использовании *man* в функции 1-го лица (назовем ее *отстраненно-*

личной) драматически усиливается эффект дистанцированности персонажа от самого себя, т. е. реализуется типичный когнитивный сюжет, когда говорящий воспринимает ситуацию «*udefra*».

Вот как, например, говорит о себе эксцентричный персонаж романа Ляйфа Пандуро «*De uanstændige*» Эжен Таммс:

Sidste år, før München, blev *man* standset på gaden af vildtfremmede mennesker, alle mulige med overskæg og vilde øjne, der spyttede en masse dumheder i hovedet på én (*Panduro 1960, с. 47*). – «В прошлом году, еще до Мюнхена, *человека* остановили на улице какие-то абсолютно чужие люди, бородатые, с дикими глазами, которые выкрикивали в лицо *человеку* массу всяких глупостей».

Или:

– *En anden én* bli'r snart nødt til at rejse til Paris igen, *man* kan ikke tåle klimaet... – Hvad er der i vejen? sagde Thomas. – Høslætten, sukkede Eugene, i grunden kan *man* ikke tåle noget som helst. *Man* er skrækkelig sart... (*Panduro 1960, с. 32*). – «*Человеку* скоро нужно будет вернуться в Париж, *человек* не выносит климата... – В чем дело? – спросил Томас. – Аллергия, – вздохнул Эжен, – по большому счету, *человек* вообще ничего не выносит. *Человек* очень нежный».

Заключение

Материал, рассмотренный в данной статье, позволяет сделать следующие выводы:

1. Перспективизация представляет собой стержневую категорию датской грамматической системы, организующую широкий спектр антропоцентрированных грамматических категорий датского языка.

2. Категория удаленности системно обслуживает задачи перспективизации как реальных, так и воображаемых и ирреальных событий.

3. Развитие новых грамматических категорий типа двойного перфекта свидетельствует о дальнейшем усилении категории перспективизации в современном датском языке.

4. Таксисная перспективизация создает когнитивные предпосылки для дистанцирования повествователя от субъекта повествования.

5. Сочетание различных грамматических и лексических средств датского языка целенаправленно создает кумулятивный эффект

дистанцирования, что утрачивается при переводе подобных высказываний на русский язык.

6. Влияние дистанцирования, как базовой категории датской грамматической системы, столь велико, что находит отражение в продуктивности определенных сюжетов датской литературы. Так, для современной датской литературы важным когнитивным сюжетом является художественное осмысление идеи отстраненности повествователя от субъекта повествования, а также идеи отчужденности повествователя от себя самого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С 15–26. [Alpatov, V. M. (1991). Ob antropocentrichnom i sistemocentrichnom podhode k yazyku (On the anthropocentric and system-centered approach to language). *Voprosy yazykoznanija*, 3, 15–26. (In Russ.)].
- Бондарко А. В.* Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 503–504. [Bondarko, A. V. (1990). Taksis (Taxis). In V. N. Jarceva (ed.), *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (pp. 503–504). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Бондарко А. В.* К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы. М., 2004. С. 276–282. [Bondarko, A. V. (2004). K voprosu o perceptivnosti (On the question of perceptivity). *Sokrovennye smysly* (pp. 276–282). Moscow. (In Russ.)]
- Бугорская Н. В.* Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 18–24. [Bugorskaya, N. V. (2004). Anthropocentrism as linguistic category. *Journal of Psycholinguistics*, 2, 18–24). (In Russ.)]
- Ирискханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Irischkhanova, O. K. (2014). Focus games in language. Semantics, syntax, and pragmatics of defocusing. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Крылова Э. Б.* Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц NOK, VEL, VIST в датском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. [Krylova, E. B. (2004). Pragmaticheskaya semantika i kommunikativnye funkicii modal'nyh chastic NOK, VEL, VIST v datskom yazyke: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Крылова Э. Б.* Об одном значении двойного перфекта в современном датском языке // Скрытые смыслы, или Грамматика нереального-2: материалы

- «Круглого стола». М.: Макс-пресс, 2018. С. 33–37. [Krylova, E. B. (2018). Ob jednom znachenii dvojnogo perfekta v sovremennom datskom yazyke (On one meaning of double perfect in modern Danish). In *Skrytye smysly, ili Grammatika nereal'nogo-2* (pp. 33–37). Moscow: Maks-press. (In Russ.)].
- Маллинг К. С. За забором / пер. О. Рождественский. URL: www.livelib.ru/work/1002544285-za-zaborom-karoline-sesilie-malling [Malling, C. C. Za zaborom (*Behind the fence*). URL : www.livelib.ru/work/1002544285-za-zaborom-karoline-sesilie-malling (25.12.2019). (In Russ.)].
- Никуличева Д. Б. О перцептивных основах категоризации видовременных значений в английском и датском языках // *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: сборник статей к юбилею О. А. Смирницкой*. М.: Издательский центр МГУ, 2008. С. 76–103. [Nikulicheva, D. B. (2008). O perceptivnyh osnovah kategorizacii vidovremennyh znachenij v anglijskom i datskom yazykah (On the perceptual bases of categorization of types of temporal meanings in English and Danish). In *Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaya poetika* (pp. 76–103). Moscow: Izdatel'skij centr MGU. (In Russ.)].
- Никуличева Д. Б. Когнитивные сюжеты, задаваемые грамматикой и сложности их перевода // *Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова / отв. ред. вып. М. Л. Ковшова*. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 231–239. [Nikulicheva, D. B. (2019). Kognitivnye syuzhety, zadavaemye grammatikoj i slozhnosti ih perevoda. (Cognitive plots defined by grammar and translation difficulties). In M. L. Kovshova (ed.), *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (vyp. XXXVI: Pонимание. Interpretaciya. Kognitivnoe modelirovanie, pp. 231–239). Tambov: Izd. dom «Derzhavinskij». (In Russ.)].
- Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М. Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с. [Smirnickij, A. I. (1959). *Morfologiya anglijskogo yazyka* (*Morphology of English*). Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. (In Russ.)].
- Blixen K. Babettes gestebud (Babette's Feast). Kbh.: Gyldendals tranebøger, 1995. (In Dan.)
- Brøcker K. At have haft ringet (Having had a call) // *Skrifter om samtalegrammatik*. 2015. № 2/7. (In Dan.)
- Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation (Behind the language. The cultural mental universe in language and communication). København: Hans Reitzels Forlag, 2011. (In Dan.)
- Glismann O. Jeg har haft gjort det (I have done it) // *Mål & Mæle*. 1989. № 12/4. P. 6–8. (In Dan.)

- Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3 (The Grammar of Danish. Vol. 1–3). Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense : Syddansk Universitetsforlag, 2011. (In Dan.)
- Harder P.* Om førtid og førførtid (About past and past perfect tense) // *Mål & Mæle*. 1989. № 12/4. P. 11–13. (In Dan.)
- Hesselholdt, Christina.* Camilla – og resten af selskabet (Camilla – and the rest of the company). Kbh.: Rosinante, 2010. (In Dan.)
- Madsen, Svend Oge.* Udenfor // Mellem himmel og jord. Noveller (Outside // Between heaven and earth. Short stories). Kbh.: Gyldendal, 1990. (In Dan.)
- Malling, C. C.* Bag hegnet. Katapult (Behind the fence. Catapult). 2010. URL: ebookparadise.online/pdf?title=Bag+hegnet&geo=dk&i=OTc4ODc3ODY1OTg2Ng%3D%3D&src=google-sites (accessed: 25.12.2019) (In Dan.)
- Panduro, Leif.* De uanstændige (The indecent). Kbh., Gyldendals trænebøger, 1972. 2. udg. (In Dan.)

УДК 81-114.2

А. А. Ржешевская

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и перевода для иностранных учащихся,
Институт международных образовательных программ,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ФОКУСИРОВАНИЕ В РЕПЛИКАХ ПЕРСОНАЖЕЙ И АВТОРСКИХ РЕМАРКАХ¹

В данной статье предпринимается попытка продемонстрировать роль механизмов распределения внимания (наведение / отдаление, детализация, изменение точки обзора и др.) в создании гетерогенного драматургического текста, гетерогенность которого находит свое проявление в сочетании реплик персонажей и речи автора. Помимо самих механизмов распределения внимания анализируются лингвистические средства, которые используются для их реализации в различных метатекстовых включениях.

Ключевые слова: гетерогенность текста; пьеса; перспектива; когнитивные механизмы; фокусирование.

A. A. Rzheshesvskaia

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Translation for Foreign Students, Institute of International Educational Programmes, Moscow State Linguistic University;
e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

HETEROGENEITY IN DRAMA: FOCUSING IN THE CHARACTERS' CUES AND AUTHOR'S REMARKS

The article demonstrates the role of the cognitive mechanisms of focal shifts, specification, shifts in scanning paths and viewpoint, etc. in the construal of a heterogeneous drama text, where heterogeneity is manifested in the characters' and author's remarks. Apart from the cognitive mechanisms it explores the linguistic means used to introduce the remarks of different types.

Key words: text heterogeneity; drama; perspective; cognitive mechanisms; focusing.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

Введение. Гетерогенность драматургического текста

Гетерогенность во многих лингвистических исследованиях связана с взаимодействием текста и сопровождающего его изображения, т. е. присутствием невербального компонента. В лингвосомиотике в качестве гетерогенных исследуются явления переключения кода и канала информации. Применительно к художественному дискурсу гетерогенность чаще рассматривается в аспекте взаимодействия разных типов дискурса, их интеграции, а также пересечения нескольких областей знаний [Чернявская 2004]. Гетерогенность драматургического дискурса, тексты которого становятся объектом анализа настоящей работы, связана с особой формой гетерогенности, проявляющейся в введении ремарок автора (что в литературоведении чаще называют метатекстовыми включениями [Фатеева 2012]) и в особой форме чередования реплик персонажей и ремарок автора (не включающей нарративное описание события). Таким образом, гетерогенность рассматривается как присутствие разнородных текстовых вкраплений: 1) авторских сеттингов (глобальных и локальных); 2) авторских ремарок; 3) особых диалогичных форм коммуникации между персонажами. Подобная структурная организация текста драматургического произведения оказывает влияние на особенности распределения внимания читателя, описываемые в когнитивной лингвистике в терминах *фокусирование*, *перифокусирование*, *дефокусирование* [Langacker 2000; Wårwik 2004; Ирисханова 2014 и др.]. Как известно, данные процессы распределения внимания исследуются с опорой на различные механизмы фокусирования, например механизмы наведения / отдаления, субъективации / объективации, смены точки обзора, масштабирования, салиентности, резонанса и др. (см. [Ирисханова 2013; Ржешевская 2014; Петрова 2017; Логинова 2017; Киосе 2019]). В настоящей работе на материале пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» будут рассмотрены некоторые из перечисленных механизмов, актуализация которых стимулируется автором при создании гетерогенного текста пьесы, а также некоторые лингвистические средства, реализующие данные механизмы.

Гетерогенность пьесы и механизмы распределения внимания

Процессы распределения внимания и способы их оформления в языке основаны на универсальных законах зрительного и слухового

восприятия, особенностях обработки и распределения информации. Отличительным свойством названных процессов является селективность и выделение одних объектов на фоне других. Фон нередко оказывает значительное влияние на интерпретацию дискурса, особенно в условиях определенного социокультурного контекста или, иными словами, культурного кода. В ходе восприятия и декодирования информации, поступающей через визуальные каналы, особую значимость представляет то, что находится в фокусе, в поле зрения человека. В то же время фон может влиять на интерпретацию, которая представляет собой не только декодирование, но и достраивание, формирование смысла дискурса.

Согласно исследованиям, в зоне внимания читателя чаще всего располагаются такие элементы дискурса, как субъект и его характеристики (реализующиеся в выборе определенных лексических единиц, например, одушевленных существительных в единственном числе, имен собственных, конкретных существительных и др.), совершаемые им действия и их характеристики (как правило, выраженные с помощью вида, типа глагола, а также типа дополнения), имеющие отношение к центральным для сюжета событиям. Синтаксически более значимая информация представлена в главном предложении, а не в подчиненном, однако, подчиненное предложение может нередко обладать большей выделенностью по сравнению с главным (эти случаи описаны, например, в работах Р. Лэнекера, где главное предложение определяется как траектор, в то время как подчиненное – ориентир [Langacker 2000]). Обращает на себя внимание также и тот факт, что распределение внимания связано не только с синтаксической структурой, но выходит за рамки предложения [Wąrwik 2004].

Данное положение становится особенно актуальным для изучения процессов распределения внимания в тексте драматургического произведения в условиях введения разных типов гетерогенности. Анализ этих процессов становится возможным с опорой на лингвистические средства, используемые автором при создании пьесы как гетеросемитического пространства.

Так, использование однокомпонентных именных предложений при введении глобальных сеттингов (1) позволяет автору «быстро и компактно» вывести в фокус повествования значимые компоненты содержания:

1. «Вишневый сад»: имение героини Л. А. Раневской, XIX век (А. П. Чехов «Вишневый сад»).

Введение имен собственных и основных характеристик персонажей, предшествующее введению их реплик, позволяет сразу сфокусировать внимание на говорящем персонаже и по ходу восприятия реплики легче переключиться на его действия и мнения, ср. (2а) и (2б):

- 2а. *Варя*. Как холодно, у меня руки заоченели.
- 2б.* Как холодно, у меня руки заоченели, – произнесла Варя.

Анализ перечисленных и иных лингвистических средств, оформляющих текстовые включения, помогает установить ряд ведущих когнитивных механизмов распределения внимания, характерных для драматургического текста. В то же время сама систематизация данных лингвистических средств является значимой для определения специфики гетерогенной формы драматургического текста. Далее мы рассмотрим, как разные типы гетерогенности эксплуатируют механизмы перераспределения внимания.

Авторские сеттинги (глобальные и локальные), авторские ремарки и диалогичные формы коммуникации между персонажами способствуют конструированию особых образов объекта / субъекта повествования, а также особого типа текстовой ситуации (текстового события). Как было отмечено выше, благодаря использованию прямого наименования имен персонажей, их характеристик, действий, названий мест, где происходит действие, внимание читателя сразу фокусируется на этих свойствах и ему не нужно их достраивать по ходу восприятия реплик. При восприятии самих реплик внимание фокусируется на внутренних переживаниях персонажей, их субъективном восприятии текстового события; при этом сами участники дискурса и место события подвергаются дефокусированию. Таким образом, ключевыми механизмами перераспределения внимания становится **фокусирование** и **дефокусирование**.

Глобальные сеттинги (1) задают пространственно-временные характеристики событий произведения, также автор представляет участников последующих событий, отмечая их возраст, социальный статус. В этом случае задействуются когнитивные механизмы **наведения внимания** и **субъективации**.

Локальные сеттинги, в свою очередь, предоставляют более подробную информацию о месте события в каждом действии пьесы и количестве участников события. В качестве примера рассмотрим локальный сеттинг ко второму действию названной пьесы (3):

3. *Поле.* Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле неё колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце. Шарлотта, Яша и Дуняша сидят на скамье; Епиходов стоит возле и играет на гитаре; все сидят задумавшись. Шарлотта в старой фуражке; она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне.

Как можно заметить, перечисляется большое количество деталей текстового события: предметы обстановки, описание места, времени события. Поэтому введение локальных сеттингов задействует механизм **детализации текстового события**.

Межрепликовые ремарки (4) дают описание психологического или эмоционального состояния персонажа, его действия:

4. Шарлотта (*в раздумье*); Епиходов (*играет на гитаре и поет*); Дуняша ... (*Глядит в зеркальце и нудрится*).

Помимо того, что межрепликовые ремарки концентрируют внимание читателя на различных свойствах объекта, они устанавливают типы коммуникативных отношений между участниками события, реализуя таким образом механизм **интерсубъективации**.

Смена диалоговых реплик и смена реплик автора и персонажей также задействуют механизмы **смены точки обзора**, так как одно и то же событие представляется с позиции автора и с позиции персонажей.

Таким образом, распределение внимания в драматургическом произведении задействует несколько ведущих когнитивных механизмов, выбор которых управляется типом текстового включения в пьесе как гетерогенном образовании. В отличие от, например, нарратива-повествования, где распределение внимания будет определяться особенностями репрезентации объектов / субъектов повествования и текстовых событий, в драматургическом тексте выбор этих механизмов

диктуется типом текстовых включений и их роль в «конструировании» перспективы пьесы.

Для нашего исследования особый интерес, помимо самих механизмов распределения внимания, представляют и лингвистические средства их оформления, поэтому далее мы обратимся к их анализу.

Лингвистические средства распределения внимания в драматургическом тексте

Анализ разных типов гетеросемиотических включений и разных типов когнитивных механизмов распределения внимания позволяет выявить группу равноуровневых лингвистических средств их оформления. Рассмотрим некоторые примеры.

Один из первых случаев фокализации внимания осуществляется в самом начале пьесы с помощью когнитивного механизма наведения, когда автор знакомит читателя с действующими лицами и приводит не только их имена, но и другие характеристики, в частности социальный статус персонажа («помещица»), степень родства и возраст (5):

5. Раневская Любовь Андреевна, помещица; Аня, её дочь 17 лет; Варя, её приемная дочь, 24 года. Действие происходит в имении Л. А. Раневской.

Также автор указывает на место, где разворачиваются события. В дальнейшем, в действии первом, под влиянием механизмов наведения и детализации внимание читателя ещё более локализуется, так как описывается только часть имения, а именно, – комната (6):

6. Комната, которая до сих пор называется детскою. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты. Входят Дуняша со свечой и Лопухин с книгой в руке.

Автор направляет внимание читателя не только на место (комнату), но и на время события, сам процесс детализации можно представить в виде конструирования пути ментального сканирования: рассвет → скоро взойдет солнце → светло на улице → обзор. В данных примерах в качестве основных лексических средств репрезентации механизмов наведения и детализации используются *номинации, имена*

собственные, приложения. В качестве синтаксических средств используются **простые номинативные предложения**, обращает на себя внимание использование **предложений с конечной ремой**. Из графических средств назовем **разрядку** и **минимизацию средств орфографии**.

Рассмотрим пример с межрепликовыми ремарками (7):

7. Слышно, как к дому подъезжают два экипажа. Лопахин и Дуняша быстро уходят. Сцена пуста. В соседних комнатах начинается шум. Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Фирс, ездивший встречать Любовь Андреевну; он в старинной ливрее и в высокой шляпе; что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шум за сценой все усиливается. Голос: «Вот пройдемте здесь...» Любова Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному. Варя в пальто и платке, Гаев, Симеонов-Пищик, Лопахин, Дуняша с узлом и зонтиком, прислуга с вещами – все идут через комнату.

В приведенном отрывке, представляющим собой авторскую ремарку, обозначено присутствие множественных персонажей пьесы, представленное в тексте **графическим выделением имен персонажей** (например, **Лопахин**) и других **действующих лиц** (**прислуга**). Под действием механизма дефокусирования происходит сдвиг фокуса внимания читателя со сцены и персонажей на ней на то, что происходит за ней (**слышно, как к дому подъезжают два экипажа; в соседних комнатах начинается шум; через сцену, опираясь на палочку, торопливо входит Фирс; шум за сценой всё усиливается; все идут через комнату**). В качестве лексического средства наведения внимания используются **лексемы со значением телесного восприятия**, актуализирующие два канала: аудиальный (**слышно, как к дому подъезжают два экипажа; голос; в соседних комнатах начинается шум; шум за сценой все усиливается**) и визуальный (**опираясь на палочку; с собачкой на цепочке; одетые по-дорожному; в пальто и платке; с узлом и зонтиком; с вещами**).

После данной локальной ремарки автор приводит диалог между персонажами (8):

8. Аня. Пройдемте здесь. Ты, мама, помнишь, какая эта комната?

Любовь Андреевна (*радостно, сквозь слезы*). Детская!
 Варя. Как холодно, у меня руки заоченели. (*Любови Андреевне.*) Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка.
 Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (*Плачет*). И теперь я как маленькая... (*Целует брата, Варю, потом опять брата.*) А Варя по-прежнему всё такая же, на монашку похожа. И Дуняшу я узнала... (*Целует Дуняшу.*)

Внимание читателя переходит с реплики одного персонажа на реплики другого персонажа, что в тексте вновь выделено графически с помощью *интервального шрифта*, или *разрядки* (А н я ; Л ю б о в ь А н д р е е в н а ; В а р я). Авторские ремарки в тексте также выделены графически с помощью *курсива* (*радостно, сквозь слезы; Любoви Андреевне; Плачет; Целует брата, Варю, потом опять брата*). Обращает на себя внимание и использование *эллиптических предложений* (*Целует Дуняшу*), в целом *простых предложений*, а также *параллельных конструкций*. В авторских ремарках наблюдается действие механизма субъективации, с помощью которого передается субъективное отношение персонажа и эмоциональная перспектива, поэтому используются *эмотивы* и *экспрессивы* (*радостно, сквозь слезы; Плачет*). Субъективация отмечается и в реплике Любови Андреевны, которая рассуждает о комнате и делает паузы между предложениями (*графически оформленное паузирование*), выделенные в тексте многоточием:

Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (*Плачет*). И теперь я как маленькая...

Таким образом, можно утверждать наличие специфических лингвистических средств, оформляющих когнитивные механизмы распределения внимания в разных текстовых включениях пьесы. Приведенные в качестве примера фрагменты пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» демонстрируют лексические, графические, синтаксические средства, которые направлены на актуализацию механизмов наведения, детализации, смены точки обзора и др. Перечисленные средства и механизмы распределения внимания позволяют определить специфические характеристики разных типов текстовых вкраплений, формирующих гетерогенность драматургического текста.

Заключение

Выбор когнитивных механизмов распределения внимания и лингвистических средств их реализации диктуется характерными чертами жанра драматургического произведения в целом, а именно, направленностью дискурса на несколько уровней (автор – читатель; автор – режиссер; автор – актер); одновременным присутствием в тексте нескольких перспектив (автора, персонажей; реципиента (читателя и зрителя); специфическим характером постановки. Гетерогенность текста драматургического произведения предстает многомерным полиперспективным явлением, которое проявляется в репликах персонажей и в авторских ремарках. Разнообразные вербальные и невербальные средства способствуют фокусированию внимания на точке обзора, масштабе, ракурсе, контексте события или объекта благодаря использованию определенных синтаксических, лексических, графических структур, указаниям автора на мимику, жесты, передвижение персонажа и др. Анализ продемонстрировал, что помимо особой структурной формы, которую имеют рассматриваемые текстовые «вкрапления», их отличает и роль в «конструировании» перспективы пьесы, которая проявляется в выборе специфических механизмов и средств распределения внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ирисханова О. К.* О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. Москва – Тамбов : ИЯ РАН, ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 43–58. [Iriskhanova, O. K. (2013). O ponjatii perspektivizatsii v kognitivnoj lingvistike (On the concept of perspectivization in cognitive linguistics). In V. Z. Demjankov (ed.), Cognitive language studies. Issue XV. Mechanisms of linguistic cognition (pp. 43–58). Moscow – Tambov: IA RAN, ID TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russ.)].
- Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с. [Iriskhanova, O. K. (2014). Focus games in language. Semantics, syntax, and pragmatics of defocusing. Moscow: RLC Publishing House. (In Russ.)]
- Кюсе М. И.* Текстовые показатели салиентности непрямых номинаций в русском языке: корпусный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. М., 2019. Вып. 1 (23). С. 116–130. [Kiose, M. I. (2019). Text indicators of salience of indirect nominations

- in Russian: corpus analysis. *Russian journal of linguistics*, 1(23), 116–130. Moscow. (In Russ.).
- Логонова Е. Г. Подобие и контраст элементов семиотических систем в полимодальном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777) С. 216–226. [Loginova, E. G. (2017). Similarity and contrast of elements of semiotic systems in polymodal discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(777), 216–226. (In Russ.).]
- Петрова Н. Ю. Построение перспективы в тексте пьесы. М.: Культурная революция, 2017. [Petrova, N. Yu. (2017). *Postroenie perspektivi v tekste piesi (Building perspective in the text of the play)*. Moscow: Kulturnaia revoliutsia. (In Russ.).]
- Ржешевская А. А. Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта (на материале английской драмы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. [Rzheshesvskaia A. A. (2014). *Iazikovie sredstva postroenia perspektivi v diskurse konflikta (na materiale angliiskoi dramy) (Linguistic means of building perspective in the discourse of conflict (based on the material of the English drama): PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.).]
- Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: URSS, 2012. [Fateeva, N. A. (2012). *Inetrtekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstualnosti (Intertext in the World of Texts: The Counterpoint of Intertextuality)*. Moscow: URSS. (In Russ.).]
- Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стиль. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 33–41. [Cherniavskaia, V. E. (2004). *Tekst kak interdiskursivnoe sobitie (Text as an interdiscursive event)*. In *Tekst – Diskurs – Stil* (pp. 33–41). St. Petersburg: SPbGUEF. (In Russ.).]
- Чехов А. П. Избранное. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. [Chehov, A. P. (2000). *Izbrannoe (Selected works)*. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)]
- Langacker R. Grammar and Conceptualisation. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2000.
- Wårvik B. What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding // Virtanen T. (ed.) *Approaches to Cognition through Text and Discourse*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 99–122.

УДК 82.091

Т. В. Топорова

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания РАН; e-mail: t1960@list.ru

«СТАРШАЯ ЭДДА» КАК ОТРАЖЕНИЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Цель статьи – в выделении фрагментов различных жанров в составе «Песни о Трюме», относящейся к мифологическому циклу «Старшей Эдды», и в интерпретации их взаимодействия на основе контекстуального анализа. В «Песне о Трюме» можно констатировать наличие фрагментов трех жанров – космогонической и эпистемиологической песен и вербальной деятельности с явным доминированием первого жанра, наиболее релевантным признаком которого является акцент на эсхатологии, детерминированный фигурой главного действующего лица – великана Трюма (букв. шум), имя которого имплицитно хтонические коннотации.

Ключевые слова: древнеисландский язык; эпос; контекст; жанр; лингвостилистический анализ; мифологическая модель мира; миф творения; семантическая мотивировка; имя собственное.

T. V. Toporova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Leading Research Fellow,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: t1960@list.ru

«ELDER EDDA» AS A REFLECTION OF THE MYTHOPOETIC MODEL OF THE UNIVERSE

Our task consists in allocation of fragments of various genres as a part of Eddic Prynaskviða and in attempt of interpretation of their interaction on the basis of the contextual analysis. As a result it is possible to state existence of fragments of three genres – cosmogonic and epistemologic songs and verbal activity with obvious domination of the first genre, the most sign of which is the emphasis on eschatology determined by a figure of the main character – a giant Prymr (literally 'noise') which name expresses chthonic connotations.

Key words: the Old Norse language; epos; context; genre; linguostylistic analysis; mythological model of the world; myth of creation; semantic motivation; proper name.

Введение

В качестве объекта изучения выступает древнеисландский поэтический эпос «Старшая Эдда» (рукописи XIII–XIV вв., прежде всего

Codex Regius 2365 второй половины XIII в.), отражающий языческое мировоззрение. Основная цель заключается в том, чтобы продемонстрировать воздействие архаичной модели мира, конституируемой этими представлениями, на структуру и содержание этого выдающегося памятника письменности на примере одной из эддических песен мифологического цикла. Объясним значение используемого термина **МОДЕЛЬ МИРА**: «В самом общем виде модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Мифы народов мира 1982, с. 161].

Лингвостилистический анализ «Песни о Трюме»

В качестве предмета изучения служит «Песнь о Трюме». По сравнению с другими песнями мифологического цикла она кажется не столь интересной, несколько примитивной, выхолощенной («облегченной»), слишком понятной, «прозрачной», не требующей особых усилий для проникновения к глубинному смыслу и недостойной внимания исследователей. Такое впечатление обусловлено рядом факторов:

- достаточно поздней датировкой [Einarsson 1957, с. 24], ее отношением к концу XII в. [Vries 1942, II; Vries 1928; Hallberg 1954];
- репрезентацией соответствующего сюжета исключительно в более поздних памятниках, а именно исландских римах (ок. 1400 г.), норвежских, шведских и датских балладах, письменная фиксация которых не могла быть осуществлена ранее XVI в. [Стеблин-Каменский 1963, с. 231–232];
- несвойственным эддическим песням стилем, близким балладному типу с многочисленными повторами, параллелизмами, вариациями, рефренами, характерным для западногерманских (главным образом древнеанглийских) героических элегий, где предложение может занимать более одной строки, т. е. имеет место перенос (enjambement) [Einarsson 1957, с. 22–23].

Однако существуют веские контраргументы в пользу необходимости детального анализа «Песни о Трюме». К их числу можно отнести следующие:

- во-первых, по поводу датировки этой эддической песни у специалистов нет единого мнения; в частности, некоторые выдающиеся германисты – Могк, Йонссон и Поске – считали ее

древнейшей в корпусе «Старшей Эдды» и полагали, что юмор как неотъемлемая черта стиля, мог проявиться только в произведении, отражающем *языческое* мировоззрение, которое не ощущало ни малейшей угрозы со стороны других идеологических концепций, и относили ее к IX в. [Mogk 1904; Jónsson 1920; Paasche 1957]. Но даже если и не согласиться с такой точкой зрения, нельзя отрицать наличия *мифологической* основы «Песни о Трюме», нуждающейся в экспликации (ср.: «Der mythische Wert der *Brymskviða* ist schwer zu bestimmen» [Vries 1970, II, с. 144]);

- во-вторых, не следует пренебрегать наличием индоевропейских (например, мотива *переодевания* [Vries 1970, II, с. 144]) и неиндоевропейских параллелей (ср. зафиксированный в финских и эстонских сказках мотив кражи у бога-громовника его главного орудия – молота [Vries 1970, II, с. 129]), свидетельствующих о неокказиональности эддического сюжета;
- в-третьих, нельзя исключать потенциальную связь сюжета «Песни о Трюме» со сферой *ритуала*. Дело в том, что одевание Фрейи, для обозначения которого служит др.-исл. *fiadr-hamr*, истолковывается в рационалистическом ключе как *оперение*, букв. *federkleid (Prk.)* [Kuhn 1968, с. 54], которое Локи просит ему одолжить для посещения Трюма и возвращения молота богу Тору, а вместе с тем подобное явление составляет сущность обряда *инициации*, во время которого герой надевает шкуру животного, вживаясь в его образ и как бы уподобляясь ему [Vries 1970, I, с. 223];
- в-четвертых, нельзя абстрагироваться от дублирования отдельных элементов сюжета «Песни о Трюме» *археологическими* находками, ср., например, аналог освящения свадьбы молотом (тридцатая строфа) в наскальных изображениях (ср. [Vries 1970, I, с. 127–128]).

Приведенные доводы, как нам представляется, достаточно убедительно доказывают актуальность изучения «Песни о Трюме», которая несмотря на кажущуюся простоту, всегда будет представлять интерес и открывать новые грани в зависимости от целей исследования. Наша задача заключается в выделении фрагментов различных жанров в составе «Песни о Трюме» и в попытке интерпретации их

взаимодействия на основе контекстуального анализа, являющегося отправным пунктом лингвостилистических штудий.

Прежде чем перейти к непосредственному изучению «Песни о Трюме», необходимо дать краткую характеристику ее содержания и привести наиболее убедительные его трактовки. В этой эддической песне рассказывается, как бог громовержец Тор вернул себе молот, похищенный у него великаном Трюмом. Он отправился в жилище Трюма под видом невесты – богини Фрейи, представлявшей собой объект постоянных притязаний великанов, сватовство с которой являлось неременным условием возвращения главного орудия борьбы с противниками асов Мьёлльнира, в сопровождении бога Локи, искусно нивелирующего все его промахи – зверский аппетит, воинственный взгляд, грубость и неотёсанность, агрессию и пр. Благодаря хитрости Локи удастся вернуть молот, которым Тор и убивает Трюма. Что касается трактовок сюжета, то репрезентированы две версии:

- вариация мотива о *краже богини плодородия*, очень напоминающего мотив *подброшенной невесты*, в качестве которой в данном случае выступает бог-громовник, оказывающийся во власти великанов и служащий надежной гарантией их безопасности;
- реликт индоевропейского мифа о *напитке богов*, древность которого верифицируют наскальные изображения (ср. [Schultz 1929]) и который претерпевает на германской почве трансформации и распадается на несколько блоков: 1) добывание напитка; 2) попытка похищения напитка враждебными богам силами; 3) повторное овладение напитком богами, прибегающими к хитростям, например переодеванию в женскую одежду; 4) наказание противников богов [Vries 1970, II, с. 261], отождествляемое с третьим разделом и частично забытое, так как напиток бессмертия замещается молотом, а роль субъекта – Тора (вместо Одина в мифе о «мёде поэзии»).

1. Космогоническая песня

После краткого изложения сюжета «Песни о Хюмире» приступим к лингвостилистическому анализу и выделим в пределах этой эддической песни фрагменты следующих жанров, иллюстрируемых примерами из других мифологических песен «Старшей Эдды».

В «Песне о Трюме» представлены фрагменты *космогонической песни*, описывающей *миф творения*; в ней «актуальное состояние вселенной в мифопоэтическом мышлении связывается воедино с ее происхождением как следствие с причиной: ...то, что порождено в ходе создания и устройства космоса, и является его составом; все, что входит в состав космоса, возникло в ходе его развития» [Мифы народов мира 1982, с. 6]. Космогоническая песня предполагает постоянное возвращение к *прецеденту*, «служащему образцом для воспроизведения уже в силу того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаического сознания мифопоэтической эпохи всё, что есть, – результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям «оплотняющегося» космологического бытия» [Топоров 1998, с. 60]. Ключевым элементом песни является демиургический акт – «созидание элементов мироздания, космических и культурных объектов, людей» [Мифы народов мира 1980, с. 366]. Приведем соответствующие примеры:

- земля & верхнее небо:

er eigi veit *iarðar* hvergi
né *upphimins*: áss er stolinn hamri (*Þrk.* 2) –
«то, что не знает никто ни на земле,
ни на верхнем небе: у аса украден молот»*;

hvaðan *iörð* um kom eða *uphiminn*
fyrst, inn fróði iötunn (*Vm.* 20) –
«откуда земля произошла и верхнее небо,
самые первые, мудрый великан»*;

Þat man hon fólcvíg *fyrst* í heimi (*Vsp.* 21; аналогично 24) –
«Помнит войну она первую в мире»;

- под землей:

Ec hefi Hlórriða hamar um fólgin,
átta røstom *fyr iörð neðan* (*Þrk.* 8) –
«Я запрятал Хлорриди молот
на восемь поприщ под землю вниз»*;

en annarr gelr *fyr iörð neðan*,
sótrauðr hani,
at sölom Heljar (*Vsp.* 43) –

«другой под землей внизу первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога»*;

bú ес fyrir *iörð neðan* (*Alv.* 3) –
«под землей внизу я живу»*;

- асов ограды – великанов чертоги (= внутри – снаружи):

unz fyrir *útan* kom *ása garða*
oc fyrir *innan* kom *iötna heima* (*Þrk.* 5; 9) –
«пока наружу не вышел из асов оград
и внутрь не вошел в великанов чертоги»*;

Heima letia ес mynda Heriaföðr
í gördom goða,
þvíat engi *iötun* ес hugða iafnramman
sem Vafðrúðni vera (*Vm.* 2) –
«Лучше останься, Ратей Отец,
в оградах богов,
Вафтруднир слывет сильнейшим из великанов,
кто с ним сравнится!»*;

- асы & альвы:

Hvat er með *ásom*, hvat er með *álfom*? (*Þrk.* 7; *Vsp.* 48) –
«Что там у асов? Что там у альвов?»;

ása oc álfa þat vill engi maðr,
at við sátт séм (*Skm.* 7) –
«асы и альвы не хотят,
чтобы у нас было согласие»;

- самое первое:

Oс hann þat orða allz *fyrst* um qvað (*Þrk.* 2; 3) –
«И он из этих слов самое первое сказал»*;

hvaðan iörð um kom еða uphiminn
fyrst, inn fróði iötunn (*Vm.* 20) –
«откуда земля произошла и верхнее небо,
самые первые, мудрый великан»*;

- эсхатология:

– гореть:

brann iqrð loga (*Þrk.* 21) –
«горела земля пламенем»*;

- geisar **eimi** við aldrnara,
leicr hár **hiti** við himin síalfan (*Vsp.* 57) –
«пламя бушует питателя жизни
(то есть огонь [Стеблин-Каменский 1963, с. 219],
жар нестерпимый до неба доходит»;
- рухнуть:
biörg **brotnoðo** (*Prk.* 21) –
«горы рушились»;
brotinn var borðveggr borgar ása (*Vsp.* 24) –
«рухнули стены крепости асов»;
- трястись:
allr ása salr undir **bifðiz** (*Prk.* 13) –
«весь асов чертог затрясся»*;
iǫrð **bifaz** (*Skm.* 14) –
«земля затряслась»;
- шуметь: имя великана – др.-исл. *Þrumr*, букв. ‘шумящий’,
ср. соответствующий апеллятив – др.-исл. *þrumr* ‘шум’ и гла-
гол – др.-исл. *þruma* ‘греметь’ [Kuhn 1968, с. 243];
gnýr allr iǫtunheimr, æsir ro á þingi;
stýnia dvergar fyr steindurom (*Vsp.* 48) –
«гудит весь мир великанов,
карлики стонут перед каменным входом»*;
griǫtbiörg **gnata** (*Vsp.* 52) –
«скалы сталкиваются с шумом»*.

2. Эпистемиологическая песня

В «Песне о Трюме» обнаруживаются признаки функционирования *эпистемиологической песни*, посвященной приобщению к знаниям о происхождении и устройстве вселенной, с типичным маркером, глаголом *знать*. В мифопоэтической модели мира овладение высшей мудростью сопряжено с *жертвой (самопожертвованием)* и *испытанием*, через которые должен пройти субъект. В качестве примера эпистемиологической поэзии можно привести миф о «мёде и поэзии» из «Речей Высокого», где Один, висящий на мировом древе и пронзенный копьем, усваивает руническую магию. Тема познания тайн

мироздания актуализируется и в «Речах Вафтруднира», представляющих собой выдающийся образец архаичной поэзии, в котором миф творения становится объектом познания. Приведем примеры:

– знать:

er eigi **veit** iarðar hvergi
né upphimins: áss er stolinn hamri (*Drk. 2*) –
«то, что не знает никто ни на земле,
ни на верхнем небе: у аса украден молот»*;

Mic **veitzu** verða vergiarnasta,
ef es es með þér í iotunheimi (*Drk. 13*) –
«Меня ты знал бы как самую охочую до мужни,
если бы я поехала с тобой в жилище великанов»*;

vissi hann vel fram, sem vanir aðrir (*Drk. 15*) –
«знал он наперед хорошо, как другие ваны»*;

þá scal freista, hvárr fleira **viti**,
gestr eða inn gamli þulr (*Vm. 9*) –
«нужно испытать, кто больше знает,
гость или старый тул»*;

Segðu þat íþ eina, ef þitt æði dugir
ос þú, Vafðrúdnir, **vitir** (*Vm. 20; 22; 38; 42*) –
«Скажи первое, если твой ум годится,
и ты, Вафтруднир, знаешь»*;

– советоваться:

ос um þat **réðo** ríkir tívar,
hvé þeir Hlógríða hamar um sœtti (*Drk. 14*) –
«о том советовались сильные боги,
как им найти Хлорриди молот»*;

varð es þeim qllom efri at **ráðom** (*Hrbl. 18*) –
«был я изо всех выше в советах»* (*речь идет об Одине*);

– гневный:

Reiðr var þá Vingþórr, er hann vacnaði
ос síns hamars um sacnaði (*Drk. 1*) –
«Гневным стал Винг-Тор, когда он проснулся
и своего молота не обнаружил»*;

Reið varð þá Freyja ос fnásaði (*Drk. 13*) –
«Гневной стала Фрейя и фыркнула»*;

Reiðr er þér Óðinn, *reiðr* er þér ásabragr,
...enn þú fengit hefir
gambanreiði goða (*Skm.* 33) –
«Гневен на тебя Один, гневен на тебя повелитель асов,
...ты получила великий гнев богов»*;
reiðir ro þér æsir oc ásynior (*Ls.* 31) –
«гневные по отношению к тебе асы и асиньи»*.

3. Вербальная деятельность

Вербальная деятельность, для выражения которой служат глаголы *говорения* (*говорить, спрашивать, отвечать* и др.) и иная соответствующая лексика (*слово, ответ, вопрос* и т. д.), является важным инструментом анализа. Необходимость введения такого параметра описания продиктована самим эддическим материалом, недвусмысленно свидетельствующем о том, что предметом спора является именно **слово**, т. е. противостояние развертывается именно на **вербальном** уровне. Ср.:

ef þú við inn naddgofga
orðom skiptir iqtun –
«если ты с украшенным копьем
великаном **обменяешься словами**» (*Gg.* 14);

Fór þá Óðinn, at freista orðspeki
þess inn alsvinna iqtuns (*Vm.* 5) –
«Отправился в путь Один, чтоб **слов** мудрость
испытать сведущего великана».

Ср. следующие примеры:

– говорить:

Oc hann þat orða allz fyrst um *qvað* (*Þrk.* 2; 3; 9; 15) –
«И он из этих слов самое первое **сказал**»*;

Heyrðu nú, Loki, hvat ec nú *mæli* (*Þrk.* 2) –
«Слушай-ка, Локи, тебе я **скажу**»;

segðu á lopti lǫng tíðindi (*Þrk.* 10) –
«**скажи** на лету длинные новости»*;

Þá *qvað* þat... (*Þrk.* 15; 17; 18; 20; 25; 30) –
«Тогда **сказал** это ...»*;

- молчать:
Þegi þú, Þórr, þeira orða (Þrk. 18) –
 «*Молчи* ты, Тор, эти слова»*;
- называть:
Mic muno æsir argan kalla,
ef ec bindaz læt brúðar líni (Þrk. 17) –
 «Меня *назовут* женовидным асы,
 если повяжусь я покрывалом невесты»*;
- речь:
Sat in alsnotra ambót fyrir,
er orð um fann við iqtuns máli (Þrk. 26; 28) –
 «Рядом сидела служанка разумная,
 слово нашла на *речь* великана»*;
- слово:
Os hann þat orða allz fyrst um qvað (Þrk. 2; 3) –
 «И он из этих *слов* самое первое сказал»*;
Þegi þú, Þórr, þeira orða (Þrk. 18) –
 «Молчи ты, Тор, эти *слова*»*;
Sat in alsnotra ambót fyrir,
er orð um fann við iqtuns máli (Þrk. 26; 28) –
 «Рядом сидела служанка разумная,
слово нашла на *речь* великана»*.

Заключение

На основании анализа языковых фактов, зафиксированных в «Песне о Трюме», можно сделать некоторые выводы относительно жанровой структуры данной эддической песни. В ней обнаружены фрагменты трех жанров – *космологической* и *эпистемологической* песен, и *вербальной деятельности*, относящейся к уровню метаописания, причем два последних жанра представлены редуцированно, их маркеры немногочисленны (*знать, советоваться, гневный; говорить, молчать, называть, слово, речь*) и исчерпываются несколькими примерами, в то время как первый явно преобладает. О его доминирующем положении убедительно свидетельствуют, во-первых, гораздо более разветвленная система репрезентантов, во-вторых, функционирование

сложных структур в их составе, в частности, двойных оппозиций (ср. *асов ограды – великанов чертоги* (= *внутри – снаружи*), и, в-третьих, наличие формул, принадлежащих индоевропейскому поэтическому языку (ср. *земля & верхнее небо*). Нельзя не обратить внимания на то, что в «Песне о Трюме» отражены ключевые элементы космогонической песни, характеризующие время первотворения (*самый первый*), субъектов (*асы & альвы*) и объектов (*земля & верхнее небо*) демиургической деятельности. Следует отметить, что локально-темпоральная модель мира реализуется в полном объеме: на временной оси фигурируют начало (*illo tempore*) и конец (эсхатология), а пространственная проекция описывается как по горизонтали (*асов ограды – великанов чертоги*), так и по вертикали (*верхнее небо – земля – под землей*).

Специального упоминания заслуживает тот факт, что особенно развита сфера эсхатологии, которую репрезентируют четыре примера, причем *глагольных*, т. е. воплощающих идею динамики. Очевидная маркированность эсхатологии, несомненно, нуждается в объяснении, которое не должно сводиться к общим постулатам, например, к ориентации эддической модели мира на ситуацию предела, выражающуюся в концепции «гибели богов». Адекватная интерпретация этого феномена может быть получена только при обращении к персонажу, чье имя с прозрачной семантической мотивировкой фигурирует в названии песни, т. е. Трюму. Для определения его значения не нужно прибегать к процедуре реконструкции, так как оно выражено эксплицитно, ср. др.-исл. *Þrymr*, букв. ‘шумящий’ на фоне существительного – др.-исл. *þrymr* ‘шум’. Аудиокод превалирует в «Песне о Трюме», ср. наиболее релевантные примеры:

Fló þá Loki, fiadrhamr *dundi* (*Þrk.* 5; 9) –
«Полетел тогда Локи, шумел наряд из перьев»*;

Látom und hanom *hrynia* lucla (*Þrk.* 16; 19) –
«Связка ключей брянчать будет сзади»;

hon *scell* um hlaut fyr scillinga (*Þrk.* 32) –
«она получила звонкие удары вместо шиллингов»*.

Эддические данные не оставляют сомнений в том, что др.-исл. *þrymr* ‘шум’ кодирует специфические реалии хтонического происхождения, а именно – подземную реку в мире ином – др.-исл. *Þrym-gioll* ‘шума звенящая’, локализуемую у входа в хель и служащую границей

между миром живых и миром мертвых. В свете этих данных Трюм предстает не просто как один из великанов, поборников хаоса и противников богов и космозации вселенной, но как хтонический демон [Vries 1970, II, с. 141], поэтому в «Песне о Трюме» крен в эсхатологию вполне предсказуем.

Таким образом, в результате лингвостилистического анализа «Песни о Трюме» можно констатировать наличие фрагментов трех жанров – космогонической и эпистемиологической песен и вербальной деятельности с явным доминированием первого жанра, наиболее релевантным признаком которого является акцент на эсхатологии, детерминированный фигурой главного действующего лица – великана Трюма (*букв. шум*), имя которого имплицитно указывает хтонические коннотации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2 (К–Я) / гл. ред С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1982. [Mify narodov mira. (1982). In S. A. Tokarev (ed.), *Enciklopedija* (vol. 2. К–Я). Moscow: Sovetskaja enciklopedija. (In Russ.)].
- Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна; ред., вступ. ст. и комм. М. И. Стеблин-Каменского. М.–Л., 1963. [Starshaja Edda (Elder Edda), transl. by A. I. Korsuna (1963). In M. I. Steblin-Kamensky (ed.), *Drevneislandskie pesni o bogah i gerajah*. Moscow, Leningrad. (In Russ.)]
- Стеблин-Каменский М. И.* Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна; ред., вступ. ст. и комм. М. И. Стеблин-Каменского. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 181–257. [Steblin-Kamenskij M. I. (1963). Starshaja Edda (The Elder Edda), transl. by A. I. Korsuna. In M. I. Steblin-Kamensky (ed.), *Starshaja Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i gerajah* (pp. 181–257). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.)]
- Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М. : Изд-во РГГУ, 1998. 320 с. [Toporov, V. N. (1998). Predistorija literatury u slavjan. Opyt rekonstrukcii (Vvedenie k kursu istorii slavjanskih literatur) (*Prehistory of literature among the Slavs. Experience of reconstruction (Introduction to the course of the history of Slavic literature)*). Moscow: Izdatel'stvo RGGU. (In Russ.)]
- Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn (The songs of the Codex Regius along with related monuments / ed. by Gustav

- Neckel. I. Text. Fourth, revised edition by Hans Kuhn). Heidelberg, 1962. (In Germ.)
- Einarsson St.* A history of Icelandic literature. New York: The Johns Hopkins Press for The American-Scandinavian Foundation, 1957.
- Hallberg P.* Om Þrymskviða (About Thrymskviða) // Arkiv för nordisk filologi (Archive for Nordic philology). 1954. Vol. 69. P. 51–77. (In Swed.)
- Jónsson F.* Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie (The History of Old Norse and Old Icelandic Literature). 2. udgave. 1, København, 1920. (In Dan.)
- Kuhn H.* Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. II. Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte umgearbeitete Auflage des Kommentierenden Glossars (Edda. The songs of the Codex Regius along with related monuments / ed. by Gustav Neckel. II. Short dictionary by Hans Kuhn. Third revised edition of the Commentary Glossary). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. (In Germ.)
- Mogk E.* Geschichte der norwegisch-isländischen Literatur (History of Norwegian-Icelandic literature). 2. Auflage. Strassburg // Grundriss der germanischen Philologie hrsg. von H. Paul, 1904. (In Germ.)
- Olrik A.* Miterne om Loki (Myths about Loki) // Festskrift til Feilberg. København, 1911. (In Dan.)
- Paasche F.* Norges og Islands litteratur indtil utgangen av middelalderen. Ny utgave ved A. Holtsmark (Norwegian and Icelandic literature until the end of the Middle Ages. New edition by A. Holtsmark). Oslo, 1957. (In Norw.)
- Schultz W.* Die Felsritzung von Hvitlycke und das Eddalied vom Thrym (The Hvitlycke rock carving and the Eddalied from the Thrym) // Mannus. 1929. Vol. 21. P. 52–71. (In Germ.)
- Vries J. de.* Over de dateering der Þrymskviða (Over the date of the Thrymskviða) // Tijdschrift voor nederlandsche taal- en letterkunde (Magazine for Dutch language and literature). 1929. Vol. 47. P. 251–322. (In Dutch)
- Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte (Old Norse literary history). Berlin & Leipzig, 1941–1942. Vol. 1–2 // Grundriss der germanischen Philologie (Fundamentals of Germanic philology) / ed. by H. Paul. 1942. Vol. 15–16. (In Germ.)
- Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. Dritte, unveränderte Auflage (Ancient Germanic history of religion. Third, unchanged edition). Berlin, Walter de Gruyter & Co, vol. I–II // Grundriss der germanischen Philologie (Fundamentals of Germanic philology). 1970. Vol. 12/1. (In Germ.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Hrbl. – Hárbardzlióð – «Песнь о Харбарде»
Ls. – Locasenna – «Перебранка Локи»

Skm. – For Scírnis – «Поездка Скирнира»
Vm. – Vafþrúðnismál – «Речи Вафтруднира»
Vsp. – Vǫlospá – «Прорицание вэльвы»
Þrk. – Þrymsqviða – «Песнь о Трюме»

УДК 811.113.3

М. А. Флакман

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет ЛЭТИ; e-mail: mariaflax@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ИСЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена рассмотрению проблем перевода звукоизобразительной (звукоподражательной, оноματοпоэтической) лексики на исландский язык. Работа проводилась на материале перевода на исландский романа «Гарри Поттер» английской писательницы Дж. К. Роулинг. В результате исследования выяснилось, что только менее трети звукоизобразительных слов переводится звукоизобразительными словами того же типологического класса, а 40 % звукоизображений полностью утрачиваются в ходе тех или иных переводческих трансформаций, что ведет к смысловым и стилистическим потерям.

Ключевые слова: звукоизобразительность; звукоподражания; перевод; исландский язык.

M. A. Flaksman

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages,
St. Petersburg State Electrotechnical University 'LETI';
e-mail: mariaflax@gmail.com

PHONO-ICONIC WORDS IN ICELANDIC: PROBLEMS OF TRANSLATION

This article is devoted to problems of translating imitative (onomatopoeic, mimetic) words. The material analyzed is the Icelandic translation of J. K. Rowling's *Harry Potter*. The results show that less than one third of the English imitative words are rendered by Icelandic imitative words of the same typological class, and that as much as 40 per cent of imitative words have been replaced by non-imitative ones in the translation due to the use of various translation techniques, which has led to considerable losses both in sense and style.

Key words: phono-iconicity; onomatopoeia; translation; Icelandic language.

Введение

Адекватная передача звукоизобразительной (далее – ЗИ) лексики является сложной переводческой задачей, так как подобная лексика обладает повышенной экспрессивностью, основанной на иконической,

изобразительной, связи между двумя сторонами языкового знака – материальной и психической. Поэтому при переводе ЗИ лексики на другой язык необходимо учитывать не только ее «содержательную», но и также и «формальную» сторону.

Наличие ЗИ лексики в языке является универсалией, она встречается во всех языках мира, однако ЗИ слова в то же время не являются полностью тождественными. Поэтому перевод звукоподражательной, оноματοпоэтической лексики вызывает неугасающий интерес исследователей [Ермакова 1993; Bartashova, Sichinskiy 2014; Шляхова, Шестакова 2014; Краснова 2015; Кривошеева 2017; Воробьева 2018].

В статье рассматриваются особенности перевода английских ЗИ слов на исландский язык, а также предпринимается попытка оценить смысловые и стилистические потери, возникающие в процессе перевода.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил исландский перевод третьего тома романа «Гарри Поттер» английской писательницы Дж. К. Роулинг, выполненный Хельгой Харальдсдоуттир в 2000 г. (оригинал: *Rowling J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*. London: Bloomsbury, 1999. 317 p.; перевод: *Rowling J. K. Harry Potter og fanginn frá Azkaban*. Reykjavík: Vjartur, 2016, 301 bls.). Выбор произведения был продиктован следующим:

1. *Стилистической ограниченностью* ЗИ лексики – ЗИ лексика обладает повышенной экспрессивностью (ср. рус. *бах! бу-бух! бряцать, шмыгать*), ее использование, в основном, ограничивается следующими жанрами: детская сказка [Иванова 1990] и поэзия [Егорова 2008], реклама [Baxter et al 2015], фэнтези-литература [Давыдова 2017; Пономарева 1991; Brodovich, Davydova 2018], сленг [Кузьмич 1993]. Исследуемый роман принадлежит к жанру фэнтези.

2. *Наличием работ*, посвященных рассмотрению ЗИ лексики в романе [Беседина, Ноланд 2016].

3. *Популярностью* романа – книга была переведена более чем на 80 языков, в том числе, на исландский, что обеспечивает дальнейшие перспективы исследования.

Методом сплошной выборки из произвольно взятых шестой, седьмой и восьмой глав третьего тома романа были отобраны

100 неповторяющихся ЗИ слов. Их ЗИ статус проверялся по «Словарю звукоизобразительной лексики английского языка» [Флакман 2016]. ЗИ статус исландских эквивалентов устанавливался по: [Íslensk orðsifjabók 1989], а также методом фоносемантического анализа [Воронин 2006].

В процессе работы изучались использованные переводчиком общие приемы перевода ЗИ слов – транслитерация, замена и др., а также рассматривались проблемы адекватности перевода ЗИ лексем с точки зрения фоносемантики.

1. Сохранение ЗИ лексики при переводе на исландский

В ходе исследования было выявлено, что при переводе с английского языка на исландский только 3/5 (61 %) ЗИ лексем переводится ЗИ лексемами исландского языка. Например:

there was a *roar* of *laughter* – allir *öskruðu* af *hlátri*;
he *cried* – hann *hrópaði*;
Harry let out *snort* of *laughter* – Harry *flissaði*;
a voice *growled* – þau heyrðu *urrað*;
let out a great *Ha!* of laughter – hann *hló* hástöfum
a long, *wailing shriek* – *skerandi óp*;
with a *snap* – með *smelli*;

В остальных случаях ЗИ лексика оригинала переводится по-разному. В тексте встречается несколько случаев, когда английские ЗИ междометия или не переводятся (*aha!* – *aha!*; *hmm* – *hmm*), или транскрибируются (*Woooo!* – *Víúúúú!*; *Ooooh!* – *óóóóh!*).

В семи случаях ЗИ лексика опускается при использовании приема генерализации, например:

clanking loudly «громко звеня» – með miklum látum (букв. ‘с громким звуком’);
tinkle «звон» – brothljóð (букв. ‘звук ломания’);
in a loud *whisper* «громким шепотом» – í hálfum hljóðum (букв. ‘в половину звука’).

Частыми являются различные контекстуальные замены, в результате которых ЗИ лексемы также заменяются на слова, не ЗИ по своему происхождению:

there was a moment of *hushed* silence – það ríkti grafarþögn (прилагательное hush, образованное от междометия hush! «ш-ш!»), переводится через существительное grafarþögn «гробовое молчание»);
 to make *fuss* «поднять шумиху» – voða spenntir «сделаться возбужденным»);
 in *hushed* voices – í lágum hljóðum (букв. ‘низким звуком’);
Shrieking Shack, букв. «орущая лачуга» – Draugakofann «лачуга с приведениями»;
whizzing worms «жужжащие черви» – flugormar «летающие черви»;
 whip *crack* «свист хлыста» – hárfellur «громкий удар».

В некоторых случаях ЗИ слова просто опускаются:

murmur of voices «шепот голосов» – raddir «голоса»

На с. 100 переводчик, по-видимому, по ошибке опускает большую часть абзаца текста, содержащего ЗИ слово:

There were seven people on a Quidditch team: <...>; two Beaters, who were equipped with heavy bats to repel the Bludgers (two heavy black balls that zoomed around trying to attack the players), a Keeper, who...

Í hverju Quidditchliði voru sjö leikmenn: <...>; gæslumaður sem...

В тексте перевода, встречается, однако, и обратное – в редких случаях ЗИ вводятся в текст там, где их нет в оригинале: *the sound of his armor* – *skröltinu í herklæðum* (букв. ‘звук доспехов’ в оригинале – «звон доспехов» в переводе); *said Dean* – *gall í Dean* («сказал» – «прокричал, воскликнул»).

Таким образом, при переводе значительная часть (40%) ЗИ лексики утрачивается из-за использования переводческих приемов генерализации, опущения и замены. Даже если их использование и оправдано с точки зрения передачи смысла, формальная составляющая исходного текста оказывается отчасти утраченной, обедненной. ЗИ лексика – это лексика экспрессивная, экспрессивная благодаря иконической, легко опознаваемой связи между фонетическим обликом и денотатом. Замена ЗИ лексики на нейтральную, незвукоизобразительную, приводит к потере акцентного фонетического «рисунка» исходного текста – текст перевода становится менее «звучным», более однородным; обедняется его эмоциональная составляющая.

2. Эквивалентность при переводе звукоизображений

Следует отметить, что при переводе происходит не только утрата, но и *искажение* исходного фонетического рисунка текста с большой звукоизобразительной насыщенностью.

Рассмотрим те случаи, когда английская ЗИ лексика переводилась ЗИ лексикой исландского языка:

ah – ó	growl – urra	shriek – óp
bang – hvella	Ha! – hlæja	slam – skella
belch – rop	hiss – hvæsa	slash – klóra
bellow – þruma	hiss – hvísla	snap – hreyta
chatter – masa	knock – berja	snap – skella
chew – tyggja	laugh – hlæja	snap – smella
chop – hakka	laugh – flissa	snarl – urra
chortle – flissa	moan – kveina	snigger – flissa
clank – brólta	moan – stynja	sob – stynja
clank – skrólta	mutter – muldra	spit – hvæsa
clatter glamra	Ooh – ó	spit – hreyta
click – smella	pop – hvellur	splash – skvamp
crack – Pomm	rasp – ræskja	squeak – skrækja
crack – hvellur	ring – hringja	squeal – góla
cry – hrópa	roar – öskra	swallow – kyngja
cry – gráta	roar – hrópa	wail – kveina
Eh – ha	rumble – drynja	whisper – hvísla
Er – öh	scream – öskra	yawn – geispa
flop – hlamma	scream – veina	yell – hrópa
giggle – flissa	shout – hrópa	zoom – þeyta
		shriek – skrækja

В представленной выборке только три пары слов являются родственными. Это *laugh* и *hlæja* «смеяться», *ring* и *hringja* «звенеть», *shriek* и *skrækja* «визжать, орать». Остальные пары восходят к разным этимонам.

2.1. Виды звукоизобразительных слов

Звукоизобразительная лексика неоднородна по своему составу. Звукоизобразительность в общем понимании – это иконическая связь (т. е. связь на основе подобия) между фонетическим обликом слова и его (психоакустическим, или сенсорным) денотатом.

С. В. Воронин [Воронин 2006] ввел в научный оборот классификацию звукоизобразительной лексики, основанную на различных видах формо-смысловых соответствий: исследователь разделил звукоизобразительную систему языка на звукоподражательную и звукоимовленную.

Звукоподражания (далее – ЗП) – это слова, психоакустические параметры фонем которых наиболее приближены к акустическим параметрам номинируемого звучания, и чья структура иконически отображает последовательность элементов акустически сложного денотата [Флакман 2016]. Способом создания звукоподражательных слов является акустическая имитация – из фонемного «инвентаря» языка берутся фонемы с наиболее близкими к называемому звуку акустическими параметрами (высотой, тембром, длительностью). Примерами ЗП слов в исландском являются: *hringja* «звенеть», *urra* «рычать», *drynja* «рокотать».

Звукоимовленные слова (далее – ЗС) имеют незвуковой или лишь отчасти звуковой денотат. Способом создания ЗС слов является артикуляторная, или акустико-артикуляторная, имитация. Денотатом могут выступать различного вида движения, форма, размер предметов. Наиболее распространенным денотатом ЗС являются физиологические проявления самого человека (кашель, чихание, бормотание). Они имитируются не только звуком, но и сопутствующей артикуляцией (*tyggja* «жевать», *hlæja* «смеяться», *muldra* «бормотать»).

С. В. Воронин [Воронин 2006] предложил разделить ЗП лексику на пять больших классов в зависимости от характера денотата:

- *инстанты* (денотат – удар, отрывистый звук; в фонетической структуре слова удар передается смычными; пример – *klapp* «хлопок»);
- *континуанты* (денотат – протяжное, однородное, длящееся звучание; в фонетической структуре слова длящееся звучание передается или гласными соответствующего качества, или сibilлянтами и щелевыми; примеры – *ór* «ор, крик» [тоновый континуант] и *sið* «жужжание» [шумовой континуант]);
- *фреквентативы* (денотат – резкое, «рваное» диссонансное звучание, серия коротких ударов, сливающихся в один; в фонетической структуре слова передается вибрантом (или его ближайшим эквивалентом); пример – *urra* «рычать»);

- *инстанты-континуанты* (денотат – акустически сложное звучание, являющееся сочетанием удара и тона или шума в любом порядке; передается сочетанием смычных с щелевыми или сонорными; примеры – *duna* «гул», *glamm* «шум, плеск»);
- *фреквентативы (квази)-инстанты-континуанты* (денотат – акустически сложное звучание, являющееся сочетанием всех перечисленных выше типов звучаний; передается комбинацией вибранта с сонорным или смычным; примеры – *braml* «грохот», *rutja* «грохотать»).

ЗС подразделяются на две большие группы – *интракинесемизмы* (ЗС ИКС, 36 подтипов), имитирующие денотат способом акустико-артикуляторного подражания (*kingja* «глотать»), и *экстракинесемизмы* (ЗС ЭКС), имитирующие денотат способом артикуляторного подражания (*bumba* «широкая часть (бутылки)»), где лабиальные имитируют округлость денотата).

2.2. Типологическое соответствие ЗИ слов оригинала и перевода

В исследуемом отрывке наблюдается следующая картина:

- 26 ЗИ слов были переведены на исландский ЗИ словами того же типологического класса;
- 32 ЗИ слова были переведены на исландский ЗИ словами другого типологического класса.

Рассмотрим пример:

Crack!

Quite a few people **screamed**. A giant spider, six feet tall and covered in hair, was advancing on Ron, **clicking** its pincers menacingly. For a moment, Harry thought Ron had frozen. Then – «Riddikulus!» **bellowed** Ron, and the spider's legs vanished; it rolled over and over; Lavender Brown **squealed** and ran out of its way.

Pomm!

Margir ráku upp **vein**. Tveggja metra há, kafloðin risakónguló nálgadist Ron og **smellti** griptöngunum ógnvænlega. Eitt andartak hélt Harry að Ron hefði misst málið. En svo.. “Riddiculus!” **brumaði** Ron; fæturnir á kóngulónni hurfu og hún kútveltist eftir gólfinu; Lavender Brown **gólaði** og stökk úr vegi hennar.

В приведенном отрывке *Crack!* переводится как *Pomm!*, которое принадлежит другому типологическому классу ЗП. В тексте чудовище-богарт меняло форму со звуком, похожим на удар хлыста (*‘with a crack*

like a whip'). *Crack!* повторяется в тексте главы семь раз, являясь звуковым сопровождением описываемых превращений. По своей природе номинируемый звук – это звук резкого, внезапно обрывающегося удара. Английское *crack* – это звукоподражание фрекватив-(квази)-инстант, где /r/ передает резкость звучания, а смычные /k/ – отрывистость. Использованное в переводе *Pomm!* является ЗП инстантом-континуантом, где сонорный /m/ передает резонансное, затухающее, длительное звучание. Таким образом, резкое, отрывистое звучание, описанное в оригинале, заменяется на приглушенное и длительное в переводе. Единственное, что роднит эти слова – это центральная сема «звук», но значение типа звука, заложенное в самой форме слова, оказывается утраченным, искаженным.

Рассмотрим остальные пары слов, приведенные в отрывке: *scream* (ЗП-фрекватив (квази)-континуант) – *veina* (ЗП-тоновый континуант); *click* (ЗП-инстант) – *smella* (ЗП-инстант-континуант); *bellow* (ЗП-тоновый континуант) – *pruma* (ЗП-фрекватив-(квази)-континуант); *squeal* (ЗП-тоновый континуант) – *góla* (ЗП-тоновый континуант).

Как видим, только в одном случае – *squeal* – переводчик подобрал слово того же самого типологического класса. При этом искажение звучания всё равно имело место, так как гласный /i:/ в *squeal* указывает на высокое, «писклявое» звучание, а дифтонг /ou/ в слове *góla* – на низкое, громкое и протяжное, в меньшей степени характеризующее визг испуганной девочки.

Примерами удачных переводов ЗИ, где совпадение идет на уровне типологических классов, являются: *cry* – *hrópa* (оба слова ЗП фреквативы(квази)-инстанты); *growl* – *urra* (оба ЗП фреквативы(квази)-континуанты); *hiss* – *hvæsa* (оба ЗП шумовые континуанты); *rasp* – *ræskja* (оба ЗП фреквативы(квази)-инстанты).

В целом, только 1/4 ЗИ отрывка переводится словами того же типологического класса, в то время как 3/4 оказываются в языке перевода совершенно иными звукоизображениями (с точки зрения формы).

Следует подчеркнуть, что такая ситуация наблюдается при переводе с языка, принадлежащего к той же языковой семье и группе, но только 3% пар слов восходят к одному и тому же этимону, что подтверждает предположение, высказанное в [Flaksman 2019] о том, что ЗИ лексика является относительно «новой» в языке. Это согласуется с данными по переводу с турецкого языка на английский [Краснова

2015], где только 26% турецких ЗИ слов переводились ЗИ словами того же фонотипа, в 50% случаев фонотип ЗИ слов менялся, а 24% ЗИ слов переводилось не ЗИ словами с использованием различных трансформаций.

Заключение

Адекватная передача ЗИ лексики при переводе является сложной, едва выполнимой задачей. В исследованном отрывке 39% звукоизобразительных слов утрачивается в результате переводческих трансформаций; 32% переводятся звукоизображениями другого типологического класса (они обозначают звук, но *другой* звук – низкое звучание вместо высокого, протяжное вместо отрывистого, глухое вместо звонкого и т.п.); и лишь 29% слов (включая 3% родственных) переводятся звукоизображениями того же типологического класса. Таким образом, меньше трети звукоизобразительных слов сохранены в тексте перевода, и переданы адекватно.

Адекватным переводом звукоизобразительной лексики мы считаем как сохранение семантики передачи звука, так и сохранение формы на уровне принадлежности к тому же типологическому классу. Поскольку форма и значение звукоизобразительного слова представляют собой неразрывное единство, любое изменение формы, выходящее за рамки типологического класса, автоматически влечет за собой искажение значения.

Это можно объяснить как невниманием переводчика к данной проблеме, так и принципиальной невозможностью подобрать в языке перевода звукоизобразительное слово одного и того же типологического класса с переводимым. Однако максимальный учет не только смысловой, но и формальной составляющей звукоизобразительной лексики позволит сохранить экспрессивность текста оригинала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков В. П.* Исландско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1962. 1032 с. [Berkov, V. P. (1962). *Islandsko-russkii slovar' (Icelandic-Russian dictionary)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. (In Russ.)]
- Беседина Е. И., Ноланд Н. Н.* Звукоизобразительная лексика в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и кубок огня»: идиостилевой аспект // Проблемы фоносемантики: материалы Международного научного семинара.

- Орехово-Зуево. 2016. С. 68–70. [Besedina, E. I., Noland, N. N. (2016). *Zvukoizobrazitel'naya leksika v romane J. K. Rowling "Harry Potter i kubok ognia": idiostilevoi aspekt* (Sound-visual vocabulary in JK Rowling's novel "Harry Potter and the Goblet of Fire": an idiostyle aspect). In *Problems of Phonosemantics: Materials of the International Scientific Seminar* (pp. 68–70). Orekhovo-Zuevo : Izd.-vo gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskii universiteta. (In Russ.)].
- Воробьева Е. В. Проблема передачи ономастопей на примере перевода комиксов с норвежского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 34–44. [Vorob'eva, E. V. (2018). The Problem of Rendering Onomatopoeias in Translation of Comics from Norwegian into Russian // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(799), 34–44. (In Russ.)].
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. [Voronin, S. V. (2006). *Osnovy fonosemantiki (Fundamentals of phonosemantics)*. Moscow: LENAND. (In Russ.)]
- Давыдова В. А. Лингвоконструирование и материя звука: феномен ономастопей в вымышленных языках // Актуальные проблемы языкознания. 2017. № 1. С. 265–272. [Davydova V. A. (2017). *Lingvokonstruirovaniye i materiya zvuka: fenomen onomatopei v vymyshlennykh yazykakh* (Linguistic Construction and the Matter of Sound: The Phenomenon of Onomatopoeia in Fictional Languages). *Aktual'nye problemy yazykoznavaniya*, 1, 265–272. (In Russ.)].
- Егорова А. А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии (на материале Nursery Rhymes) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. [Egorova, A. A. (2008). *Zvukoizobrazitel'nost' v traditsionnoi angliiskoi detskoj poezii (na materiale Nursery Rhymes)* (*Sound Imaging in Traditional English Children's Poetry (based on Nursery Rhymes)*): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Ермакова Н. М. Ономастопея: англо-русские параллели в переводе: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1993. [Ermakova, N. M. (1993). *Onomatopeya: anglo-russkie paralleli v perevode (Onomatopeya in an English-language children's fairy tale)*: PhD in Philology. Leningrad (In Russ.)].
- Иванова М. В. Звукоизобразительная лексика в англоязычной детской сказке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 16 с. [Ivanova, M. V. (1990). *Zvukoizobrazitel'naya leksika v anglojazychnoj detskoj skazke*. Leningrad. (In Russ.)]
- Краснова А. В. Перевод звукоизобразительной лексики турецкого языка средствами английского языка (на материале произведений Ферита Орхана Памука) // Вестник Ленинградского государственного университета им.

- А. С. Пушкина. 2015. № 7 (1). С. 193–200. [Krasnova, A. V. (2015). *Per-evod zvukoizobrazitel'noi leksiki turetskogo yazyka sredstvami angliiskogo yazyka (na materiale proizvedenii Ferita Orkhana Pamuka)* (Translation of onomatopoeia of Turkish language by means of the English language (based on the works of Ferit Orhan Pamuk)). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 7(1), 193–200. (In Russ.)]
- Кривошеева Е. И. Эффективность использования метода фоносемантического анализа при переводе японской звукоизобразительной лексики на русский язык (на материале японских поэтических текстов хайку) // Научный диалог. 2017. № 3. С. 55–67. [Krivoshcheeva, E. I. (2017). Efficiency of Method of Phonosemantic Analysis in Translation of Sound Descriptive Vocabulary into Russian (on Material of Japanese Poetic Texts Haiku). *Scientific Dialogue*, 3, 55–67. (In Russ.)]
- Кузьмич И. В. Звукоизобразительность и американский сленг: фоносемантический анализ: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 249 с. [Kuz'mich, I. V. (1993). *Zvukoizobrazitel'nost' i amerikanskii sleng: fonosemanticheskii analiz (Sound Imaging and American Slang: Phonosemantic Analysis)*: PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Пономарева С. Н. Фоносемантический анализ лексики: этимологический аспект (на материале англоязычной научной фантастики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. 17 с. [Ponomareva, S. N. (1991). *Fonosemanticheskii analiz leksiki: etimologicheskii aspekt (na materiale angloyazychnoi nauchnoi fantastiki)* (*Phonosemantic analysis of vocabulary: etymological aspect (based on the material of English-language science fiction)*): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: НОУ ВПО «Институт Иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016. [Flaksman, M. A. (2016). *Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii (Dictionary of English sound-visual vocabulary in diachronic coverage)*. St. Petersburg: NOU VPO «Institut Inostrannykh yazykov», Izd-vo RKhGA. (In Russ.)].
- Шляхова С. С., Шестакова О. В. Проблема перевода звукоподражаний // Индустрия перевода. 2014. № 1. С. 76–81. [Shlyakhova, S. S., Shestakova, O. V. (2014). Problema perevoda zvukopodrazhaniy (Onomatopoeia translation problem). *Industriya perevoda*, 1, 76–81. (In Russ.)].
- Ásgeir Blöndal Magnússon. Íslensk orðsifjábók (Icelandic dictionary). Reykjavík: Orðabók Háskólans, 1989. (In Isl.)
- Bartashova O. A., Sichinskiy A. E. Japanese-English onomatopoeic and mimetic parallels: the problem of translatability // Журнал сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 7 (2). С. 222–229. [Bartashova, O. A., Sichinskiy, A. E. (2014). Japanese-English onomatopoeic

- and mimetic parallels: the problem of translatability. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 7(2), 222–229. (In Eng.).
- Baxter S., Ilicic J., Kulczynski A, Lowrey T. Communicating product size using sound and shape symbolism // *Journal of Product & Brand Management*. 2015. Vol. 24(5). URL: <http://dx.doi.org/10.1108/JPBM-11-2014-0748> (accessed: 1.09.2019).
- Brodovich O. I., Davydova V. A. Articulatory gestures in the phonoiconic system of language // *Журнал сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки*. 2018. Вып. 11 (1). С. 19–26. [Bartashova, O. A., Sichinskiy, A. E. (2018). Articulatory gestures in the phonoiconic system of language. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 11(1), 19–26. (In Eng.)].
- Flaksman M. A. From IE * μe - to English window: on the number and age of imitative words in the language // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIII (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы международной конференции, проходившей 24–26 июня 2019 г. СПб.: Наука, 2019. С. 1066–1076. [Flaksman M. A. (2019). From IE * μe - to English window: on the number and age of imitative words in the language. In *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XXIII (readings in memory of I.M. Tronsky*, pp. 1066–1076). St. Petersburg: Nauka. (In Eng.)].*

УДК 811.113.3-811.111/811.161.1

Е. Б. Яковенко

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук;
e-mail: yakovenko_k@rambler.ru

ИСЛАНДСКИЕ САГИ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Предлагаемое исследование, посвященное контрастивному анализу отдельных исландских саг и их современных английских и русских переводов, выполняется в русле теории эквивалентности и имеет своей целью определить характер межъязыковых лексических и грамматических соответствий, возникающих между единицами и их контекстами внутри сопоставляемых текстов. Исследование демонстрирует различные случаи проявления семантического тождества или различия ключевых слов при различной степени структурно-семантического тождества их контекстов в сагах и переводах.

Ключевые слова: исландские саги; перевод; межъязыковая эквивалентность; контрастивный анализ.

Ye. B. Yakovenko

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Leading Research Fellow at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: yakovenko_k@rambler.ru

SAGAS AND THEIR TRANSLATIONS SEEN FROM THE POINT OF VIEW OF EQUIVALENCE THEORY

The present research devoted to the contrastive analysis of some Icelandic sagas and their modern English and Russian translations is carried out within the theory of equivalence and aims to determine the nature of lexical and grammatical correspondences appearing between units and their contexts within the contrasted texts. The study demonstrates various types of semantic identity / non-identity of the keywords as well as structural and semantic identity / non-identity of their contexts in the sagas and their translations.

Key words: Icelandic sagas; translation; cross-language equivalence; contrastive analysis.

Введение

17-я Международная конференция по исландским сагам, состоявшаяся в августе 2018 г. в Исландии, подтвердила устойчивый интерес

к этому выдающему памятнику мировой литературы со стороны специалистов разных областей: филологии, истории, археологии, социологии, права и т. д. Несмотря на то, что исландские саги известны во всем мире преимущественно по их переводам, переводческий аспект изучения саг остается недостаточно разработанным.

Данное исследование имеет своей целью определить виды эквивалентности, возникающие между исландскими сагами и их английскими и русскими переводами в ходе их контрастирования. Объектом исследования выступают ключевые слова исландских саг – обозначения родовой принадлежности героев, их социального статуса, рода занятий, моральных качеств и т. п. Предметом исследования являются семантические соответствия ключевых слов и особенности структурно-семантической организации их контекстов в самих сагах и их переводах.

Материалом данного исследования являются широко известные исландские саги и их английские и русские переводы: «Egils saga Skalla-Grímssonar» [Egils saga URL], «Egil's Saga» [Egil's Saga URL], «Сага об Эгиле» [Сага об Эгиле 1999], «Brennu-Njáls saga» [Brennu-Njáls saga URL], «The Story of Burnt Njal» [The Story of Burnt Njal URL], «Сага о Ньяле» [Сага о Ньяле 1999], «Hrafnkels saga Freysgoða» [Hrafnkels saga Freysgoða URL], «The Story of Hrafnkell, Frey's Priest» [The Story of Hrafnkell URL], «Сага о Храфнкеле Годи Фрейра» [Сага о Храфнкеле 1999], «Laxdæla saga» [Laxdæla saga URL], «The Laxdale Saga» [The Laxdale Saga (1) URL; The Laxdale Saga (2) URL], «Сага о людях из Лососьей Долины» [Сага о людях из Лососьей Долины 1999], «Eiríks saga rauða» [Eiríks saga rauða URL], «The Saga of Erik the Red» [The Saga of Erik the Red URL], «Сага об Эйрике Рыжем» [Сага об Эйрике Рыжем 1999], «Heiðarvíga saga» [Heiðarvíga saga URL], «The Saga of the Heath Slayings» [The Saga of the Heath Slayings URL], «Сага о Битве на пустоши» [Сага о Битве на пустоши 2000].

При изучении проблемы эквивалентности между исландскими сагами и их переводами мы опираемся на классические работы по переводоведению [Nida 1964; Waard & Nida 1986] и типологию межъязыковых эквивалентов, разработанную нами в [Яковенко 2007] и успешно примененную ранее при контрастировании библейских текстов – первоисточников и переводов.

Контрастирование ключевых слов и их контекстов в исландских сагах и их переводах

Следуя теории функциональной эквивалентности Юджина Найдя [de Waard & Nida 1986], развившейся из его более ранней теории динамической эквивалентности [Nida 1964], мы различаем две основные переводческие стратегии: стремление максимально точно воспроизвести лексико-грамматическую структуру оригинала (формальная эквивалентность, представленная буквальными переводами ('word-for-word translations') и передача содержания оригинала наиболее естественным для языка-реципиента способом (смысловая эквивалентность, представленная смысловыми переводами ('thought-for-thought' translations)). Более детальное рассмотрение отношений между единицами контрастируемых текстов и контекстами этих единиц позволяет нам выделить четыре типа эквивалентности:

- I. Семантическое и / или морфологическое тождество ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов.
- II. Семантическое и / или морфологическое тождество ключевых слов при отсутствии структурно-семантического тождества контекстов.
- III. Отсутствие семантического и / или морфологического тождества ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов.
- IV. Отсутствие семантического и морфологического тождества ключевых слов и структурно-семантического тождества контекстов [Яковенко 2007]. Четвертый тип, характерный для вольных переводов, пересказов, переложений и т. п., редко наблюдается в переводах исландских саг, в большинстве своем довольно точно воспроизводящих структуру и смысл оригинала. Эти типы эквивалентности, иллюстрируемые примерами, рассматриваются ниже.

Тип I. Семантическое тождество ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов

Это нечастый тип эквивалентности, вероятно, идеальный для переводчика и читателя, но малоинтересный для контрастивного исследования:

- (1) Það sama haust veittu synir Atla heimför að Ölvi hnúfu og vildu drepa hann [Egils saga URL].

That same autumn the sons of Atli set on Aulvir Hnuf at his home, and would fain have slain him [Egil's Saga URL].

Той же осенью сыновья Атли Сухопарого напали на Альвира Хнуву в его доме и хотели его убить [Сага об Эгиле 1999].

Данный тип включает и незначительные структурные отступления в переводе (объединение простых предложений в одно сложное в английском примере (2), использование форм прошедшего времени вместо исторического презенса в английском примере (3) и т. п.):

- (2) Höskuldur átti sér dóttur er Hallgerður hét. Hún lék sér á gólfi við aðrar meyjjar [Brennu-Njáls saga URL].

Hauskuld had a daughter named Hallgerda, who was playing on the floor with some other girls [The Story of Burnt Njal URL].

У Хёскульда была дочь по имени Хальгерд. Она играла с другими девочками на полу [Сага о Ньяле 1999].

- (3) Svo bar til einn morgun er þau voru úti í skemmu bæði að Barði vildi sofa en hún vildi vekja hann og tekur eitt hægindi lítið og kastar í andlit honum svo sem með [Heiðarvíga saga URL].

So it befell one morning, as they were both together in their sleeping loft, away from other folk, that Bardi would sleep on, but she would be rousing him, and so she took a small pillow and cast it into his face as if for sport [The Saga of the Heath Slayings URL].

Однажды утром случилось, что Барди с женой были в горнице вдвоем, и Барди хотелось спать, а ей хотелось разбудить его, и вот она хватает подушечку и вроде бы в шутку бросает ему в лицо [Сага о Битве на пустоши 2000].

Безусловно, принадлежность языка к тому или иному морфологическому типу, преобладание в нем синтетических или же аналитических черт и, соответственно, определенных способов выражения грамматических значений, а также доминирующий порядок слов не являются препятствиями для установления эквивалентности первого типа. В приведенных выше примерах отдельные структурные особенности сопоставляемых языков (наличие *vs.* отсутствие в языке артикля, свободный *vs.* умеренно жесткий порядок слов, возможность *vs.*

невозможность инверсии в эмфатических предложениях) могут считаться второстепенными и, следовательно, не влияющими на характер эквивалентности.

Тип II. Семантическое тождество ключевых слов при отсутствии структурно-семантического тождества контекстов

По нашим наблюдениям, это наиболее распространенный тип эквивалентности, при котором на фоне семантического тождества ключевых слов расхождения между контекстами приобретают второстепенный характер.

- (4) Með honum var í félagsskap sá maður, er kallaður var Berðlu-Kári, göfugur maður og hinn mesti afrekismaður að afli og áræði [Egils saga URL].

In fellowship with him was one Kari of Berdla, a man of renown for strength and daring [Egil's Saga URL].

У него в то время был товарищ, которого звали Кари из Бердлы. Это был человек знатный и необыкновенно сильный и смелый [Сага об Эгиле 1999].

В приведенном выше примере наличие товарищеских отношений между Ульвом и Кари обозначается в исландском тексте с помощью абстрактного существительного *félagsskap*, входящего в состав предложно-именного сочетания *að vera í félagsskap með + D* (букв. «состоять в товариществе с кем-либо»), в английском переводе этот оборот калькируется), тогда как в русском тексте наблюдается структура $N_{\text{subject}} + \text{быть} + \text{у} + N_{\text{object}}$, используемая для выражения отношения possessивности.

В примерах (5), (6), (7) наблюдаются те же типы эквивалентности: английские переводы конца XIX в., воспроизводящие лексикограмматическую организацию оригинала, создают эквивалентность I типа, тогда как русские переводы, отступая от оригинала в структурном отношении, демонстрируют II тип эквивалентности. Так, в нижеследующем примере английские обороты *a man of the greatest mettle* и *the greatest man of his hands* носят очевидно искусственный характер. Русский перевод *во всем умелый* (мы бы сказали, «умелый во всяком деле») являет, по терминологии Ю. Найды, пример «ближайшего естественного перевода»:

- (5) Ólafur feilan var yngstur barna Þorsteins. Hann var mikill maður og sterkur, fríður sýnum og atgervimaður hinn mesti [Laxdæla saga URL].

Olaf "Feilan" was the youngest of Thorstein's children. He was a tall man and strong, goodly to look at, and a man of the greatest mettle [Laxdale Saga (1) URL].

Olaf Feilan was the youngest of Thorstein's children. He was a mickle man and stark, fair to look on, and the greatest man of his hands [Laxdale Saga (2) URL].

Олав Фейлан был самым младшим из детей Торстейна. Он был человек рослый и сильный, красивый собой и во всем умелый [Сага о людях из Лососьей Долины 1999].

В примере (6) присутствует та же тенденция: в то время как английский перевод следует оригиналу, незначительно отличаясь от него синтаксически и лексически (в оригинале Торольв выступает в качестве «завоевателя душ» (*vinsæll*) всех людей, в английском переводе он «завоевывает» сердца), в русском переводе наблюдается смена субъектно-объектных отношений («...его все любили»):

- (6) Var Þorólfur manna vænstur og gjörvilegastur; hann var líkur móðurfrændum sínum, gleðimaður mikill, ör og ákafamaður mikill í öllu og hinn mesti kappsmaður; var hann vinsæll af öllum mönnum áráði [Egils saga URL].

But Thorolf was most comely as well as doughty, favoring his mother's kin; very cheery was he, liberal, impetuous in everything, a good trader, winning the hearts of all men [Egil's Saga URL].

Он походил на своих родичей со стороны матери, был очень веселый и деятельный, за все брался горячо и рьяно. Его все любили [Сага об Эгиле 1999].

Аналогичная трансформация субъектно-объектных отношений имеет место и в русском переводе примера (6), что отличает его от исландского оригинала и английских переводов (исл., англ. *букв.* 'старость легла тяжелым бременем на Унн' – *рус.* Унн... изнемогла под бременем старости):

- (7) Elli sótti þá fast að Unni svo að hún reis ekki upp fyrir miðjan dag en hún lagðist snemma niður [Laxdæla saga URL].

Old age fell now fast upon Unn, so that she did not get up till mid-day, and went early to bed [Laxdale Saga (1) URL].

Eld was then weighing heavy on Unn, so that she rose not up before midday, and went to rest early [Laxdale Saga (2) URL] (отметим также использование в данном переводе устар. *eld* «возраст; старость» в целях стилизации).

Унн так изнемогла под бременем старости, что вставала не раньше полудня и рано ложилась в постель [Сага о людях из Лососьей Долины 1999].

Tun III. Отсутствие семантического тождества ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов

В разработанной нами типологии это наиболее сложный тип эквивалентов. Несовпадение семантики ключевых слов оригинала и перевода может привести к иному прочтению текста. Так, в примере (8) «туманный» характер отрывка, широко обсуждаемого в саговедении, и возможность его неоднозначной интерпретации привели к появлению английского и русского переводов с диаметрально противоположным смыслом:

- (8) En við þann átrúnað, að ekki verði að þeim mönnum, er heitstrengingar fella á sig, þá hljóp hann af baki til hans og hjó hann banahögg [Hrafnkels saga Freysgoða URL].

But by reason of the belief that those who fulfil their vows never come to grief, he leaped off his horse, sprang upon Einarr, and dealt him his death-blow [The Story of Hrafnkell URL].

И, веря, что не будет счастья человеку, преступившему клятву, он соскочил с коня, подбежал к Эйнару и зарубил его насмерть [Сага о Храфнкеле 1999].

Появление данного типа эквивалентности может быть также обусловлено присутствием в оригинале лексической единицы с широкой референтной областью, включающей в себя референтные области лексических единиц, используемых в переводах. В примере (9) исл. *áþauðgir* передается в английском переводе как *bondmen* «зависимые крестьяне, крепостные», в русском – как «рабы», хотя, строго говоря, речь идет не о крепостной зависимости и не о рабстве как таковом,

а о плене, невольничестве (исл. единица могла подразумевать и одно, и другое, и третье):

- (9) Með henni komu út margir göfgir menn þeir er herteknir höfðu verið í vesturvíking og voru kallaðir ánauðgir [Eiríks saga rauða URL].

There came with her to Iceland many men worthy of honour, who had been taken captive in sea-roving expeditions to the west, and who were called bondmen [The Saga of Erik the Red URL].

С нею приехали в Исландию многие знатные люди, которые были взяты в плен викингами на западе и назывались рабами [Сага об Эйрике Рыжем 1999].

**Тип IV. Отсутствие семантического
и морфологического тождества ключевых слов
и структурно-семантического тождества контекстов**

Данный тип эквивалентности предполагает отсутствие жесткой структурной и смысловой зависимости перевода от оригинала. Так, в следующем примере общая мысль отрывка – недовольство Торгерд жизнью в Исландии, ее планы уехать на родину и печаль сына по поводу предстоящего расставания с матерью – получает в оригинале и переводах различное лексическое и грамматическое оформление:

- (10) En Þorgerður Þorsteinsdóttir móðir Höskulds var þá enn ung kona og hin vænsta. Hún nam eigi yndi á Íslandi eftir dauða Kolls. Lýsir hún því fyrir Höskuldi syni sínum að hún vill fara utan með fjárhlut þann sem hún hlaut. Höskuldur kvaðst það mikið þykja ef þau skulu skilja en kvaðst þó eigi mundu þetta gera að móti henni heldur en annað [Laxdæla saga URL].

Thorgerd, Thorstein's daughter, the mother of Hoskuld, was still a young woman and most goodly; she did not care for Iceland after the death of Koll. She told Hoskuld her son that she wished to go abroad, and take with her that share of goods which fell to her lot. Hoskuld said he took it much to heart that they should part, but he would not go against her in this any more than in anything else [Laxdale Saga (1) URL].

But Thorgerd daughter of Thorstein, mother of Hoskuld, was then yet a young woman and a right fair one. She took no pleasure in Iceland after the death of Koll; wherefore she makes it known to Hoskuld her son, that she will fare to the outlands with such chattels as were her

portion. Hoskuld saith that it forthinketh him mickle if they must part; yet he saith that he may not do in this against her will, more than in aught else [Laxdale Saga (2) URL].

Но Торгерд, дочь Торстейна, мать Хёскульда, была еще молодой и очень красивой женщиной. После смерти Колля она не чувствовала себя счастливой в Исландии. Поэтому она сообщила Хёскульду, своему сыну, что хочет покинуть страну, захватив с собой все, что досталось на ее долю из наследства. Хёскульд сказал, что мысль о разлуке с нею очень тяжела ему, но что в этом, как и во всем остальном, он не будет препятствовать ее воле [Сага о людях из Лососьей Долины 1999].

Приведенный выше пример, представляющий собой реализацию стратегии ‘thought-for-thought translation’, показывает, что переводы могут воспроизводить оригинал весьма приблизительно.

Заключение

Анализ свыше 400 фрагментов исландских саг и их английских и русских переводов показывает, что использование переводчиками различных стратегий приводит к образованию различных типов эквивалентности между первичными и вторичными текстами. Выявленные типы эквивалентов оказываются в неравном соотношении. Наиболее распространена эквивалентность I и II типов (более 70 % всех соответствий), что говорит о предпочтении переводчиками стратегии ‘word-for-word translation’; небольшие различия в лексико-грамматической организации исходного и переводных текстов вызваны лишь стремлением переводчиков изложить мысль наиболее естественным для читателя образом. Расхождения между английскими и русскими переводами обусловлены не столько межъязыковыми различиями, сколько разным временем создания переводов, различными переводческими интенциями и индивидуальным стилем переводчика. Эквиваленты типа III свидетельствуют не столько об отходе от текста первоисточника, сколько о различиях в лексико-семантических системах языка оригинала и языка перевода. Эквиваленты типа IV, более характерные для пересказов, достаточно редки и свидетельствуют о значительных отступлениях от первоначального текста. Структурная и смысловая близость переводов текстам исландских саг, нередко даже стилизованных под саги, безусловно, вполне ожидаема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Saga о Битве на пустоши // Исландские саги. Т. 1 / пер. А. В. Циммерлинга. М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 44–110. [Saga о Bitve na pustoshi (The Saga of the Heath Slayings), transl. by A. V. Tsimmerling. (2000). In *Islandskie sagi* (vol. 1, pp. 44–110). Moscow: RLC Publishing House. (In Russ.)].
- Saga об Эгиле / пер. С. С. Масловой-Лашанской, В. В. Кошкина и А. И. Корсуна // Исландские саги: в 2 т. СПб.: Нева, Летний сад, 1999. Т. 1. С. 21–216. [Saga ob Egile (Egils saga), transl. by S. S. Maslovoy-Lashanskoy, V. V. Koshkina and A. I. Korsuna. (1999). In *Islandskie sagi* (vol. 1, pp. 21–216). St. Petersburg: Neva, Letniy sad. (In Russ.)].
- Saga о людях из Лососьей Долины / пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман // Исландские саги : в 2 т. Т. 1. СПб. : Нева, Летний сад, 1999. С. 217–410. [Saga о lyudyakh iz Losos'ey Doliny (The Laxdale Saga), transl. by V. G. Admoni and T. I. Sil'man. (1999). *Islandskie sagi* (vol. 1, pp. 217–410). St. Petersburg: Neva, Letniy sad. (In Russ.)].
- Saga о Ньяле / пер. С. Л. Кацнельсона, В. П. Беркова, М. И. Стеблина-Каменского // Исландские саги : в 2 т. Т. 2. СПб. : Нева, Летний сад, 1999. С. 47–370. [Saga о N'yale (Njals saga), transl. by S. L. Katsnelson, V. P. Berkov, M. I. Steblin-Kamensky. (1999). In *Islandskie sagi* (vol. 2, pp. 47–370). St. Petersburg: Neva, Letniy sad. (In Russ.)].
- Saga о Храфнкеле Годи Фрейра / пер. О. А. Смирницкой // Исландские саги : в 2 т. Т. 2. СПб. : Нева, Летний сад, 1999. С. 15–46. [Saga о Khrafinkele Godi Freyra (The Story of Hrafnkell, Frey's Priest), transl. by O. A. Smiritskaya. (1999). *Islandskie sagi* (vol. 2, pp. 15–46). St. Petersburg: Neva, Letniy sad. (In Russ.)].
- Saga об Эйрике Рыжем / пер. М. И. Стеблина-Каменского // Исландские саги : в 2 т. Т. 1. СПб. : Нева, Летний сад, 1999. С. 417–500. [Saga об Eyrike Ryzhem (The Saga of Erik the Red), transl. by I. M. Steblin-Kamensky. (1999). In *Islandskie sagi* (vol. 1, pp. 417–500). St. Petersburg: Neva, Letniy sad. (In Russ.)].
- Яковенко Е. Б. Языковой образ человека в английских и немецких переводах библии (опыт концептуального моделирования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 48 с. [Jakovenko, E. B. (2007). *Jazykovej obraz cheloveka v anglijskih i nemeckih perevodah biblii (opyt konceptual'nogo modelirovaniya)* (*The linguistic image of a person in English and German translations of the Bible (experience of conceptual modeling)*): abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Brennu-Njáls saga // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).

- Egils saga Skalla-Grímssonar // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Egil's Saga / transl. into English by W. C. Green. 1893 // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Eiríks saga rauða // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Heiðarvíga saga // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Hrafnkels saga Freysgoða // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Laxdæla saga // The Icelandic Saga Database. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Nida E.* Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
- The Laxdale Saga (1) / transl. into English by M. A. C. Press // The Icelandic Saga Database. 1880. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- The Laxdale Saga (2) / translated into English by R. Proctor // The Icelandic Saga Database. 1903. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- The Saga of Erik the Red / transl. into English by J. Sephton // The Icelandic Saga Database. 1880. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- The Saga of the Heath Slayings / transl. into English by W. Morris and E. Magnússon // The Icelandic Saga Database. 1892. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- The Story of Burnt Njal / transl. into English by G. W. Dasent // The Icelandic Saga Database. 1861. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- The Story of Hrafnkell, Frey's Priest / transl. into English by J. Coles // The Icelandic Saga Database. 1882. URL: sagadb.org (accessed: 28.12.2019).
- Waard J. de, Nida E.* From One Language into to Another: Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, Camdon, New York : Thomas Nelson Publishers, 1986.

УДК 811.11-112

Э. И. Бархатова

ассистент, Институт гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта;
e-mail: elvira.barkhatova@gmail.com

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ В НОВОЙ ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Настоящая статья посвящена анализу неологизмов, репрезентирующих события, в современном английском и немецком языках. В статье рассматриваются основные способы пополнения событийной лексики, а также основные словообразовательные модели, лежащие в основе ее формирования. В результате анализа удалось выявить, что ведущим способом образования событийных неологизмов как в английском, так и в немецком языках является словосложение, ведущей моделью – N + N (сущ. + сущ. / усеч. сущ.).

Ключевые слова: неологизм; событие; словообразовательная модель; способ пополнения лексики.

E. I. Barkhatova

Lecturer, Institute for Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University;
e-mail: elvira.barkhatova@gmail.com

EVENT VERBALISATION IN NEW ENGLISH AND GERMAN VOCABULARY

The article deals with the analysis of new English and German lexical units representing events. The analysis includes identification of the major word-formation types and word-formation models underlying the creation of modern English and German event neologisms. The study revealed that the main word-formation type for English and German new event vocabulary is composition, and the leading word-formation model is N + N (noun + noun).

Key words: neologism; event; word-formation model; word-formation type.

Введение

В рамках настоящей статьи основным *предметом* анализа являются неологизмы, репрезентирующие события. *Актуальность* исследования обусловлена наблюдающимся повышением интереса к анализу события с позиций различных наук, таких как когнитивная

психология [Pöppel, Bao 2017; Zacks, Tversky 2001], психолингвистика [Bohnenmeyer, Pederson 2011], когнитивная лингвистика [Заботкина 2017; Позднякова 2017; Schmid 2011] и др. В нашей статье используется лингвистический подход.

Целью настоящего исследования является выявление и сопоставление основных словообразовательных особенностей новой событийной лексики современного английского и немецкого языков.

Источниками англоязычного материала послужили списки новых слов издательств Macmillan, Oxford, Cambridge и др., онлайн-база данных WordNet, а также онлайн-программа по сбору неологизмов, NeoCrawler, источниками немецкоязычного материала – базы данных неологизмов современного немецкого языка Wortwarte и OWID (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch). Выборка составила 316 неологизмов современного английского языка (существительные и герундии) и 263 неологизма современного немецкого языка (существительные), репрезентирующих события.

В рамках настоящего исследования рассматриваются событийные неологизмы, выраженные именами существительными и герундиями, т. к. «для описания события должен существовать механизм номинализации», например, «если кто-то что-то совершил, и эта ситуация не может быть номинализована, невозможно говорить о самом событии или ситуации» [Fonteyn 2017].

Словообразовательный анализ

В ходе словообразовательного анализа неологизмов современного немецкого языка, репрезентирующих события, удалось выяснить, что основным способом пополнения лексики является сложение (57%, см. рис. 1). Аналогичная тенденция была выявлена также и в результате анализа событийных неологизмов английского языка, где доля сложения составляет 46% (см. рис. 2).

Преобладающей словообразовательной моделью в основе немецких событийных неологизмов является N+N (сущ. + сущ. / усеч. сущ.) и составляет 50% от общего числа выборки. В английском языке ведущей моделью также является «сущ. + сущ. / усеч. сущ.», однако ее доля меньше и составляет 31%. Как в английском, так и в немецком языках была выявлена относительно новая тенденция к образованию неологизмов от элементов «паратекста» в киберпространстве,

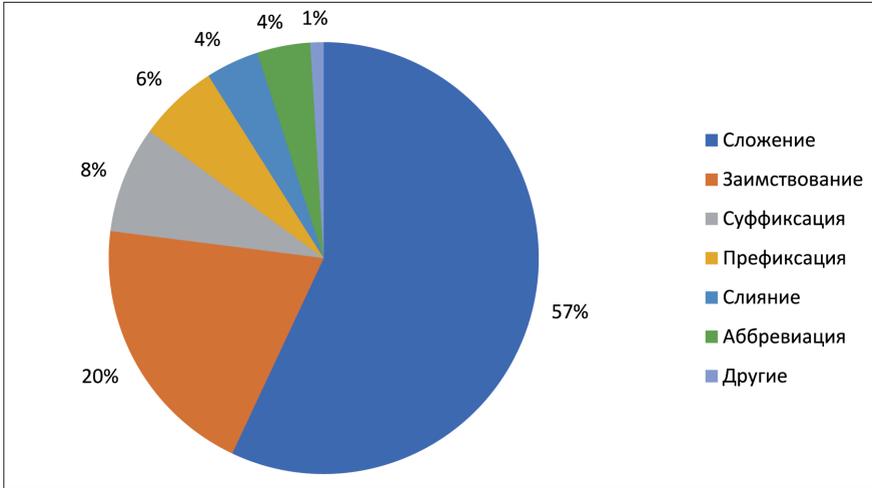

Рис. 1. Основные способы пополнения новой событийной лексики современного немецкого языка

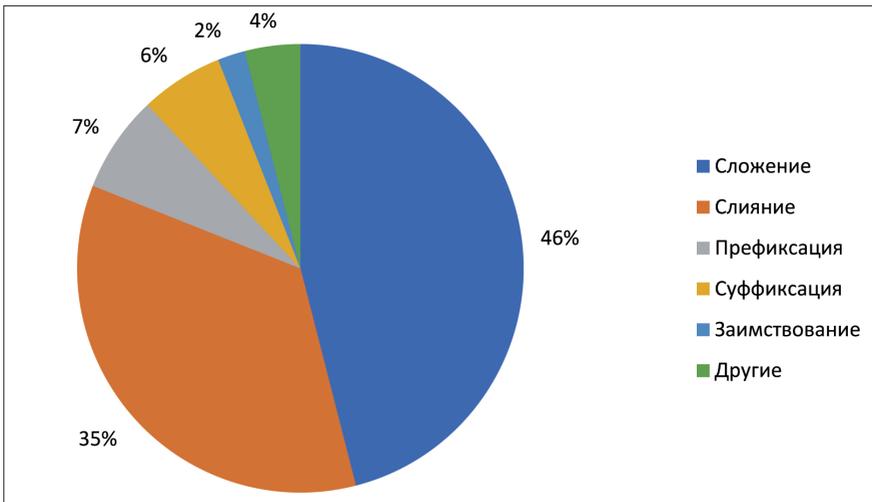

Рис. 2. Основные способы пополнения новой событийной лексики современного английского языка

например, хэштегов (*MeToo-Debatte*; #MeToo + Debatte – дебаты об общественном движении «MeToo»), названий опций на различных вебсайтах («*Gefällt mir*»-Button; «кнопка «лайк»») и т. д. На наш взгляд, число подобных неологизмов в будущем будет продолжать расти. Неологизмы, образованные от хэштегов, скорее всего в своем большинстве можно будет классифицировать как эвфемизмы, так как их основной функцией является привлечение внимания к конкретному событию, мероприятию или движению, соответственно, их конвенционализация маловероятна.

В отличие от английского языка, где второй по частотности моделью является N + Gerund (сущ. + герундий; 23 %), в немецком языке данная модель отсутствует, что обусловлено особенностями его грамматики. В немецком языке функцию английского герундия выполняет скорее субстантивированный инфинитив, например, *Bungeespringen*. Однако в основе данного неологизма лежит модель «сущ. + сущ.», так как *Springen* в данном случае является отглагольным существительным,

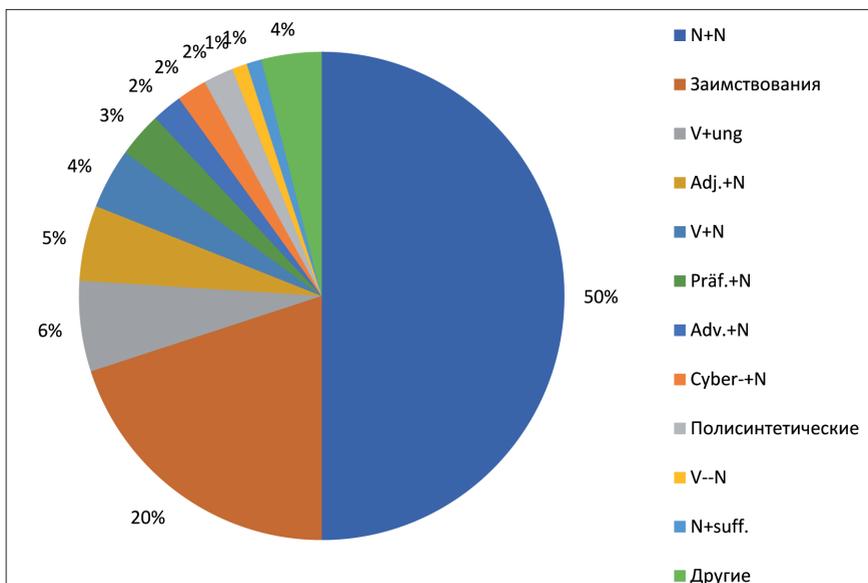

Рис. 3. Основные словообразовательные модели событийных неологизмов в немецком языке

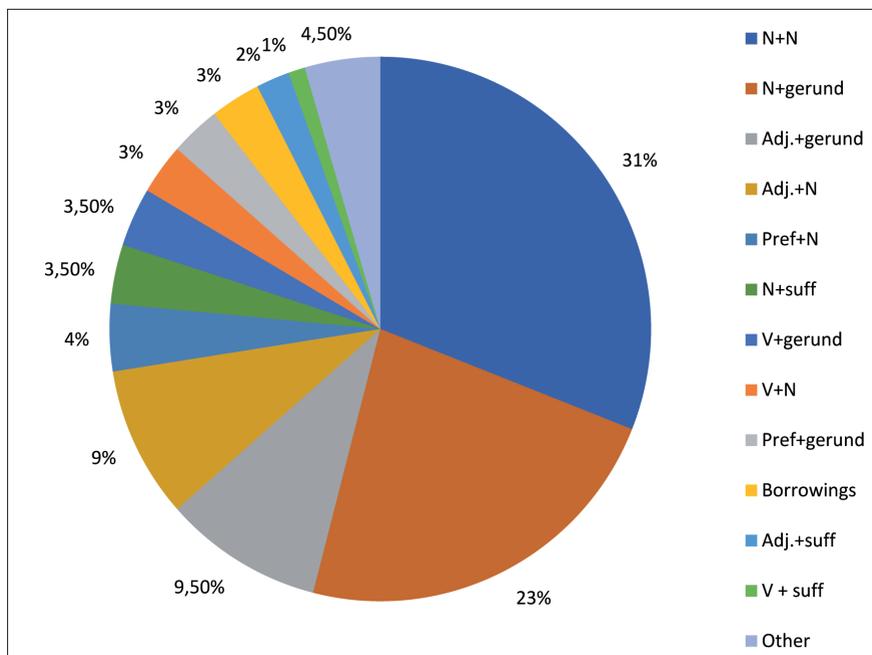

Рис. 4. Основные словообразовательные модели событийных неологизмов современного английского языка

а не глаголом. Также функциональное соответствие английского герундия и немецкого субстантивированного инфинитива хорошо иллюстрируется на примере синонимичных неологизмов, как, например, *Inselhopping* = *Inselhüpfen*, где в первом случае используется заимствованный элемент сложного слова *hopping*, а во втором случае он заменяется на немецкий аналог – субстантивированный инфинитив *hüpfen* с тем же значением.

Таким образом, можно сделать вывод, что в немецком языке модель «сущ. + сущ.» включает в себя и выполняет те же функции, что и модель «сущ. + герундий» в английском языке. С учетом этого можно утверждать, что процентное соотношение моделей, лежащих в основе формирования новой событийной лексики в немецком и английском языках, схоже: доля неологизмов немецкого языка, образованных по модели «сущ. + сущ. / усеч. сущ.», составляет 50%, доля

моделей «сущ. + сущ.» и «сущ. + герундий» в английском языке в совокупности составляет 54 %.

Принципиальная разница была выявлена в результате анализа неологизмов, образованных слиянием (блендинг). В немецком языке их доля составляет 4%, в то время как в английском языке – 35%, являясь вторым по частотности типом словообразования. В немецком языке слияние не классифицируется как отдельный словообразовательный тип, а входит в состав словосложения (*Zusammensetzung*, или *Komposition*) и называется *Kontamination*. Немногочисленные примеры включают: *Chexperiment* (der Checker + Experiment), *Pfandraising* (Pfand + fundraising), *Kurlaub* (Kurort + Urlaub), *Etymogelei* (Etymologie + Mogelei) и т. д.

Причины такой разницы сложно определить однозначно. На наш взгляд, словообразовательный тип слияние в целом более «энергозатратен», что могло бы объяснить низкую долю неологизмов подобного типа в немецком языке, однако совершенно не объясняет их растущую долю в английском языке. Мы также полагаем, что «потребность» в неологизмах, образованных слиянием, в немецком языке частично покрывается за счёт прямых заимствований из английского языка, например, *Homejacking* (home + hijacking), *Stagflation* (stagnation + inflation), *Politainment* (politics / political + entertainment) и т. д. Доля заимствованных неологизмов, образованных слиянием, составляет 15% от общего числа заимствований в нашей выборке.

Также одной из причин недостаточно широкого распространения неологизмов, образованных слиянием, в немецком языке можно назвать тенденцию к образованию сложных слов из сокращенных, например, *Dokusoap*, *Dokutainment*. Данные неологизмы выглядят как бленды (dokumental + Soap; dokumental + Entertainment), однако являются сложными словами, т. к. *Doku* функционирует как сокращённое существительное с одним из значений «документальный фильм». Согласно лексикографической базе данных немецкого языка OWID, элемент *-tainment* классифицируется как конфикс (*Konfix*); согласно Oxford English Dictionary, речь идет о *combining form*. Мы предлагаем рассматривать подобные элементы как аффиксоидные элементы, входящие в состав бленда и имеющие потенциал к трансформации в полноценный аффикс. Данные неологизмы можно также интерпретировать как заимствования, если они написаны как *Docusoap* (*Docu-*

Soap) и *Docutainment*, однако такой вариант написания встречается значительно реже.

В результате словообразовательного анализа также была выявлена значительная разница в доле заимствований в немецкой и английской событийной лексике. Заимствование в немецком языке является вторым по частотности способом пополнения лексики, лежащим в основе формирования неологизмов, репрезентирующих события, и составляет 20%. В английском языке его доля значительно меньше – 2%. Данный факт во многом объясняется тем, что основным источником заимствования в немецком языке являются неологизмы именно из английского языка. Большинство заимствований из английского языка относятся к цифровому концептуальному домену (новые технические приемы, например, *Domain-Grabbing*, *Streamingoffensive*, а также новые виды виртуальных правонарушений и преступлений – *Cybermobbing*, *Cybercrime*) и экономическому концептуальному домену (новые виды торговли и финансовой деятельности, например, *Onlineshopping*, *Eventmarketing*), а также к субдомену «развлечения», например, *Coachingshow*, *Aquajogging* и т. д. Большинство заимствований в английском языке связаны с разнообразной физической активностью – спортом или фитнесом, например, *Kabaddi* – контактная игра для двух команд по семь игроков, цель которой состоит в том, чтобы дотронуться до игроков чужой команды; *Bokwa* – вид коллективного физического упражнения, сочетающего элементы танца и стен-аэробики, *Zumba* – программа физических упражнений, основанная на латиноамериканской музыке и танцах. Заимствования в английском языке имеют различные источники – Индия (хинди, тамильский), Африка (суахили, африкаанс), Латинская Америка (испанский).

В новой событийной лексике немецкого языка также существует тенденция к сложению основ различного происхождения, например, из английского и немецкого языков (*Hypebildung* – «наращивание «хайпа» вокруг какого-либо события», *Fashionsendung* – «телепередача о моде», *Meinungsslam* – «публичная «битва мнений», дебаты», *Ärztelhopping* – «частая смена лечащего врача», *Netzwerk-Streaming* – «поточковая передача по сети» и т. д.), реже из французского и немецкого языков (*Valeurverschiebung* – «сдвиг ценностей», *Metaphernbombardement* – «включение в речь или текст слишком большого числа выразительных

средств» и т. д.). Также наблюдается тенденция к формированию синонимичных пар неологизмов, т. е. напрямую заимствованное слово сосуществует с частично «переведённым» аналогом, например, *Cyber-Attack* и *Cyber-Anschlag*; *Copyrightwar* и *Copyrightkrieg* и т. п.

В немецкой событийной лексике распространены такие англоязычные части сложных слов как *-party* и *-show*, например, *Fessle-Dich-Party* (вечеринка, на которой участников при входе случайным образом разбивают на пары и надевают наручники на весь вечер, чтобы они могли лучше познакомиться друг с другом); *Kochshow* (кулинарное шоу). Следует также отметить, что основа *-party* расширила свое значение в немецком языке и не ограничивается только вечеринками в привычном понимании, например:

Masernparty – «umstrittene Veranstaltung, bei der absichtlich nicht gegen Masern geimpfte gesunde Kinder von ihren Eltern mit akut an Masern erkrankten Kindern zusammengeführt werden, damit sich die ungeimpften Kinder auch anstecken und gegen die Krankheit immun werden» (мероприятие, на которое родители умышленно приводят здоровых детей, не прошедших вакцинацию против кори, чтобы они могли заразиться от детей с острой корью, и таким образом приобрести иммунитет к этому заболеванию) [OWID 2020].

В немецком языке также выявлен такой тип неологизмов, как «псевдоанглицизмы», т. е. неологизмы, которые выглядят как заимствования, однако таковыми не являются, например, *Flatrateparty* (вечеринка, на которой неограниченное употребление напитков, чаще всего алкогольных, уже включено в стоимость входного билета). Обе основы были заимствованы из английского языка (*flatrate* и *party*), однако процесс сложения произошел непосредственно в немецком языке. В английском языке подобный неологизм нами не был обнаружен. Следующей тенденцией является образование «псевдоанглицизмов» современного немецкого языка по аналогии с существующими словообразовательными моделями в английском языке. Так, от заимствованного из английского языка неологизма *Shitstorm* («волна негативных комментариев в социальных сетях, форумах и т. п.») был образован немецкий неологизм *Candystorm* («волна одобрения, поддержки и симпатии в киберпространстве»; т. ж. синонимы – *Flauschstorm*, *Lovestorm*) [OWID 2020]. Данная тенденция к образованию неологизмов с более «мягким» значением путем аналогии

наблюдается и в английском языке, например, *Caspering* (««дружелюбный» разрыв отношений») возникло по аналогии с *ghosting* («резкий разрыв отношений и исчезновение»); *catfishing* («создание фальшивого онлайн-профиля с целью установления отношений») стало основой для формирования *kittenfishing* (более «безобидный вариант» подмены информации, например, публикация отредактированного фото в более молодом возрасте и т. д.) [Macmillan 2020].

Наибольшее сходство словообразовательных тенденций наблюдается в неологизмах, образованных аффиксацией – их доля в немецком и английском языках практически совпадает: 14% и 13% соответственно. Внутри данного словообразовательного типа была выявлена следующая пропорция: префиксация – 6% от общего числа в выборке неологизмов немецкого языка, 7% – английского языка; доля суффиксации составляет 8% в немецкой событийной лексике и 6% в английской. Наиболее продуктивной моделью суффиксации в немецком языке является «*V + -ung*» (76% от общего числа неологизмов, образованных суффиксацией; например, *Globalisierung*), префиксации – модель «*Cyber- + N*» (40%; например, *Cyber-Anschlag*). В английском языке наиболее частотная суффиксальная модель представлена «*N + -ing*» (40% от числа неологизмов, образованных суффиксацией; например, *planking*); самым распространённым префиксом является *cyber-*, представленный в моделях «*cyber- + Gerund*» (19%; например, *cyberbullying*) и «*cyber- + N*» (13%; например, *cyberdisinhibition*), что коррелирует с тенденцией в немецком языке.

Согласно OWID, такие неологизмы как *Aldisierung* (от имени собственного «Альди») (супермаркет); «тенденция покупать товары как можно дешевле, сопровождающаяся снижением и выравниванием уровня качества, и распространяющаяся на все большее число сфер общества») и *McDonaldisierung* (от имени собственного «Мак-Доналдс»; «тенденция к рационализации процессов во многих сферах и их стандартизации на более низком уровне») образованы суффиксацией по модели «*V + -ung*», что означает, что сначала появились соответствующие глаголы – *aldisieren* и *mcdonaldisieren*. На наш взгляд, данное утверждение спорно, так как вполне вероятно, что данные неологизмы-существительные возникли напрямую по аналогии, например, с *Globalisierung*, т. е. без формирования неологизма-глагола как переходного звена. Следует также отметить, что большинство

неологизмов современного немецкого языка, образованных по модели «*V + -ung*» репрезентируют тренды и тенденции, что также является событием, однако находится скорее на периферии категории.

Рассмотрим далее особенности аббревиации при формировании новой событийной лексики в немецком языке. В немецком языке её доля составляет 4%, в английском – менее 1%. В результате анализа удалось выявить, что аббревиатуры чаще всего относятся к концептуальному домену «медицина» в немецком языке, например, *PID* (*Präimplantationsdiagnostik* – «преимплантационная диагностика»), *PrEP* (*Präexpositionsprophylaxe* – «профилактический прием лекарств для защиты от инфицирования ВИЧ») [OWID 2020]. Количество аббревиатур в английской новой событийной лексике не позволяет выделить подобные закономерности.

В результате словообразовательного анализа событийных неологизмов немецкого языка нами были выявлены особые словообразовательные модели, которые мы предлагаем классифицировать как полисинтетические конструкции. В рамках нашего исследования мы выделили их в отдельную группу. Данные конструкции образованы сложением, однако отличаются разнообразием словообразовательных моделей: *Antiterrorkrieg* (*präpositionale Wortgruppe + N*); *Hartz-IV-Reform* и *Mehrgenerationenausflug* (*nominale Wortgruppe + Nomen*); *Ü-30-Party* (*präpositionale Wortgruppe + N*; содержит сокращение – *Ü* и числительное – *30*); *Original-Super-WG-Risiko-Abend* (*Adj + Adv. + N + N + N*; содержит сокращение *WG*). Формирование подобных неологизмов иллюстрирует общеизвестную тенденцию к образованию многокомпонентных сложных слов в немецком языке.

Словообразовательный тип «конверсия» как в немецкой, так и в английской событийной лексике представлен незначительно – 1,5% и 0,5% соответственно. Примеры включают *Internetsurfen*, *Stehpaddeln*, *Flatratesaufen*, образованные по модели «*V--N*». Теоретически, доля неологизмов, репрезентирующих события, в немецком языке могла бы быть больше, так как субстантивация инфинитива является достаточно распространенным явлением, однако большинство конвертатов входят в состав новых сложных слов, таким образом увеличивая долю неологизмов, образованных сложением. Также, ряд неологизмов, содержащих конвертат, относятся к другим типам словообразования за счет наличия аффиксов,

например, *Telelernen* («Tele + N»; префиксация). В английском языке небольшая доля событийных неологизмов, образованных конверсией, может быть объяснена широким распространением герундиев, успешно выполняющих функцию субстантивации действия.

Заключение

Таким образом, в результате анализа удалось выяснить, что как в немецкой, так и в английской событийной лексике основным словообразовательным типом является словосложение, основной словообразовательной моделью является N + N (сущ. +сущ. / усеч. сущ.). Выявлено существенное отличие: в немецкой событийной лексике доля неологизмов, образованных слиянием, значительно меньше, чем в английской.

Также асимметрия наблюдается в доле заимствованных неологизмов – в немецком языке она значительно выше, чем в английском. Основным источником заимствования для немецких неологизмов – английский язык; для английских неологизмов – испанский, хинди, суахили и др.

Особенностью немецкой событийной лексики является практически одновременное появление синонимичных неологизмов, что объясняется наряду с неологизмами немецкого языка появляются синонимичные сложные слова с заимствованными компонентами слова. Для английских событийных неологизмов данная черта не является характерной. В немецком языке выявлен особый тип неологизмов – так называемые «псевдоанглицизмы», состоящие из основ английского происхождения, однако сформированные непосредственно по моделям немецкого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Заботкина В. И.* Репрезентация событий в когнитивных моделях и дискурсе: аксиосфера культуры // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 28–46. [*Zabotkina, V. I.* (2017). *Reprezentatsiya sobytii v kognitivnykh modelyakh i diskurse: aksiosfera kul'tury* (Representation of events in cognitive models and discourse: the axisphere of culture). *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (pp. 28–46). Moscow: RLC Publishing House. (In Russ.)].

- Позднякова Е. М.* Событие как когнитивная структура // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 93–112. [Pozdnyakova, E. M. (2017). *Sobytiye kak kognitivnaya struktura (Event as a cognitive structure)*. In *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (pp. 93–12). Moscow: RLC Publishing House. (In Russ.)].
- Bohnmeyer J., Pederson E.* *Event Representation in Language and Cognition*. Cambridge University Press, 2011. 296 p.
Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 10.09.2020).
- Fonteyn L.* The early semantics of the neologism BREXIT: a lexicogrammatical approach // *Functional Linguistics*. 2017. URL: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-017-0040-x>.
- Macmillan Online Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (accessed: 10.09.2020).
- Macmillan Buzzwords. URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/> (accessed: 10.09.2020).
- Neocrawler. URL: <http://www.neocrawler.anglistik.uni-muenchen.de/crawler/html/> (accessed: 10.09.2020).
- Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. Walter de Gruyter GmbH & Co. Berlin, 2004.
- OWID. URL: www.owid.de/docs/neo/start.jsp/ (дата обращения: 10.09.2020).
- Pöppel E., Bao Y.* Nothing makes sense in cognitive science except in the light of time windows – the operative basis of events // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 46–64. [Pöppel, E., Bao, Y. (2017). *Nothing makes sense in cognitive science except in the light of time windows – the operative basis of events*. In *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (pp. 46–64). Moscow: RLC Publishing House].
- Schmid H.-J.* *English Morphology and Word-formation. An Introduction*. Berlin: Erich Schmidt, 2011.
- Wortwarte. URL: <http://www.wortwarte.de/> (accessed: 10.09.2020).
- Zacks J. M., Tversky B.* Event structure in perception and conception // *Psychological Bulletin*. 2001. № 127. P. 3–21.

УДК 82-3

А. В. Ломагина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: a.lomagina@spbu.ru

ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ СТАРШИЙ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ Й. В. ЙЕНСЕНА «ПАДЕНИЕ КОРОЛЯ»

На основании типологии интермедиальных корреляций О. А. Ханзен-Леве в статье выявляются основные схемы взаимодействия художественного текста и визуального образа в романе Й. В. Йенсена «Падение короля» (1901), взаимоотношения между живописными и повествовательными кодами, рассмотрен перенос в повествование концептуальных моделей эпохи Северного возрождения. Историческая эпоха получает в романе новое прочтение, обнаруживая болезнь нации, и ничтожество человека перед лицом эволюционных законов природы.

Ключевые слова: интермедиальность; датская литература; Й. В. Йенсен; исторический роман; экфрасис, живопись Северного Возрождения; П. Брейгель Старший.

A. V. Lomagina

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian and Dutch Philology, St. Petersburg State University;
e-mail: a.lomagina@spbu.ru

PIETER BRUEGEL THE ELDER AND THE INTERMEDIALITY OF THE LITERARY TEXT IN JOHANNES V. JENSEN'S NOVEL "THE KING'S FALL"

The article analyses the intermedial interaction between the visual media and the literary text in Jhannes V. Jensen's "The King's Fall" (1901). The research is based on A. Hansen-Löve's typology of intermedial correlations and examines the main patterns of interaction on the constructive and conceptual level. The incorporated historical codes represented in the paintings give a feeling of the historical period but are revaluated in the novel showing the godless nature and the little man before its face, depending on Darwinistic laws.

Key words: intermediality; Danish literature; J. V. Jensen; historical novel; ekphrasis; Northern Renaissance; Pieter Bruegel the Elder.

Введение

При использовании термина «интермедийность» применительно к каналам коммуникации между художественной литературой и живописью, приходится учитывать его широкое значение, как формы диалога культур, и более узкое, как особый тип организации художественного текста [Тишунина 2001]. В ходе коммуникации осуществляется обмен информацией между различными медиа, когда сначала происходит перевод одного художественного кода (живописного) в другой (словесный), а затем – взаимодействие на смысловом уровне.

Интерес к явлению интермедийности, возникший в 80-х гг. XX в., переживает бурный рост, развивая более раннее понятие взаимодействия между различными текстами – интертекстуальности (М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт), охватив все сферы культуры на основе понятий ее «полиглотизма» и «многоголосья» (Ю. Лотман) и расширив понятие текста до понятия медиума. Оно было сформулировано и описано М. Маклюэном в 1962 г. [Маклюэн 2003] в попытке расширить область анализа культуры новыми факторами воздействия различных средств и каналов коммуникации, что породило множество направлений в исследовании семиотики и теории коммуникации. И. П. Ильин в рамках семиотического направления исследований «большого языка культуры» в 1998 г. предложил считать основной характеристикой «медиа», как знаковой системы, закодированность информации, которая подчиняется в каждом случае определенной организации и коду, присущему каждому виду искусства [Тимашков 2008].

Понятие «интермедийность» было введено в научный оборот исследователем русского авангарда О. Ханзен-Леве в 1983 г., когда он предложил общую типологию интермедийных корреляций, на которую опирается и наш анализ [Ханзен-Лёве 2016].

В задачи исследования входит проведение анализа видов интермедийного взаимодействия живописи XV–XVI вв. с текстом романа Й. В. Йенсена «Падение короля», обосновать причину выбора живописных прототипов, глубины проникновения в ткань произведения элементов живописного кода и их функционирования и роли в создании нового художественного смысла.

Методология исследования

Методология предполагает поиск доказательств, подтверждающих значение живописных свидетельств эпохи для автора романа, выявление специфической информации живописных произведений и их черт (композиционных, нарративных, колористических), которые могли проникнуть в информационную систему романа.

За основу для анализа выбраны картины П. Брейгеля Старшего «Триумф смерти» и «Падение Икара», которые композиционно, сюжетно и концептуально обнаруживают признаки сходства с текстом романа.

Для доказательства использования живописных прототипов при написании «Падения короля» выбрана реализация темы смерти в тексте и два описания сцен битвы, несущие на себе следы интермедиального взаимодействия с визуальными изображениями эпохи Северного Возрождения. Анализ проводится с опорой на типологию интермедиальных корреляций О. А. Ханзен-Лёве.

Немецкий исследователь предполагает, что существуют три уровня взаимной трансформации между языками художественных форм:

1. *Перенос мотивов из одной художественной формы в другую:*
 - 1.1. Семантические мотивы (архетипы, символы, иконограммы).
 - 1.2. Нарративные мотивы.
 - 1.3. Перенос дескриптивных и дискурсивно-абстрактных мотивов в жанрах экфрасиса.

2. *Перенос конструктивных принципов*, когда приемы из изобразительного искусства переносятся в словесные жанры (фактура), моделирование материальной фактуры другого вида искусства в литературе (мелодика поэтической речи, визуальная поэзия / проза, принцип монтажа, пространственная перспектива). Он может быть выражен в литературном произведении в отражении формообразующих принципов живописного полотна, архитектурного сооружения, музыкального произведения, кинокартины.

3. *Проекция концептуальных моделей*, эксплицитно сформулированных в виде теоретического дискурса или имплицитно реконструируемых из нарративных или имагинативных текстов. Этот принцип основан на комплексном использовании в литературном тексте образов, мотивов, сюжетов других видов искусства [Ханзен-Лёве 2016, с. 40].

Место романа в творчестве автора и его исследования

Действие романа Й. В. Йенсена (1873–1950) разворачивается в Дании в эпоху Реформации и охватывает больше половины XVI в., с его начала до конца 50-х гг., т. е. период, когда в Скандинавии произошли кровавые события, имевшие отношение к правлению, свержению и заточению в замке короля Кристиана II. Исследователи творчества Йенсена, вслед за самим автором, уделяют меньше внимания этому роману, чем его последующей эволюционно-исторической эпопее «Долгий путь» [Салтыков 2012, с. 35].

Й. В. Йенсен писал свой роман, по утверждению исследователей, во многом в борьбе с декадансом и символизмом, преодолевая их в собственном творчестве и осуждая историческое бездействие, мечтательность и слабость, приведшие Данию к многочисленным военным поражениям и ослаблению национального характера. Он сам объяснял в интервью, что роман – попытка понять, «как случилось, что мы из государства крупных масштабов опустились до уровня маленькой страны» [Куприянова 2011, с. 96].

Этот роман выделяется среди его прозаических произведений и не похож ни на более ранние, ни на последующие, где он развивает принцип так называемого нового реализма. Именно в этом романе и в написанных в то же время стихах он развивает необычайно образный, чувственный стиль повествования, который дает читателю по-пробовать действительность на вкус, увидеть ее цвет, почувствовать запах, услышать звуки и стать, таким образом, непосредственным свидетелем происходящего.

Многие исследователи Йенсена, говоря о романе «Падение короля», приводят высказывание автора, что он написал свой исторический роман без серьезной исторической подготовки, опираясь только на «Историю Отечества» К. Аллена, сборник репродукций Г. Гольбейна и А. Дюрера, изданный Кнакфуссом, и картины Х. Рибера из музея Прадо [Wamberg 2010].

Существует несколько исследований, посвященных взаимодействию между визуальными образами эпохи и текстом, анализирующих эти взаимодействия как явление экфрасиса – «описательной речи, отчетливо являющей глазам то, что она поясняет» [Брагинская 1977, с. 259]. Так, С. Иверсен предложил концепцию экфрасиса у Й. В. Йенсена как развивающегося по двум типам: «описательному»

(миметическому) и «развивающему» (экспрессионистическому) [Kraftlinjer ... 2004] Однако, представляется, что именно методика интермедиального анализа позволит наиболее точно объяснить процессы взаимодействия между различными медиа в тексте романа.

Эпоха рубежа веков и интермедиальность

Рубеж веков и эпоха символизма, на излете которой написан роман «Падение короля», характеризуется поисками универсального языка, неоплатоническими представлениями о существовании мира идей и их отражениями в искусстве и, следовательно, созданием «суггестивного» языка как способа организации художественного целого. Интермедиальность, к которой тяготело искусство на рубеже XIX–XX вв., опираясь на принцип художественной цитации, осуществлялась при равноправном отношении между различными медиа как средствами передачи информации [Тишунина 1998, с. 5].

Можно с большой долей вероятности предположить, что для Йенсена, писавшего свой исторический роман, цель заключалась не в поиске единого универсального языка искусства, как у символистов, а универсального языка, знака конкретной эпохи, которую он изображал.

Доказательством серьезного исследовательского отношения Й. В. Йенсена к живописи являются его многочисленные эссе, анализирующие портреты Возрождения и барокко. Портреты предстают источником визуального знания об эпохе – информации об одежде и, главное, типажах – лицах людей и их национальной или, как говорит писатель, находившийся в тот период под сильным влиянием социал-дарвинизма, «расовой» принадлежности, а живописное изображение действительности, начиная с наскальных рисунков, трактуется как «Generalisation af Sansindtryk» – «обобщенный результат чувственного восприятия» [Jensen URL, с. 147]. В другом фрагменте он утверждает, что картина позволяет понять «душу эпохи», и, соответственно, является ее точным свидетельством.

Описание исторических фактов, персоналий, сражений, казней бурной эпохи Реформации происходит через восприятие действующих лиц романа – их зрение, обоняние, осязание и слух. Задача, которую решает автор, – сделать эпоху зримой, осязаемой, слышимой и достоверной для читателя. Среди живописных произведений, которые послужили автору источником информации, можно с большой долей

уверенности назвать гравюры Дюрера, «Пляски смерти» и портреты Гольбейна, пейзажи Брейгеля и его «Триумф смерти», «Три возраста женщины» Х. Бальдунга, портретную галерею датских и английских королей. Живопись, которая фиксирует историю в типажах и является свидетельством отношения эпохи к человеку, его судьбе, жизни и смерти, становится для автора источником внешней информации о периоде Реформации, с одной стороны, и задокументированным восприятием духа описываемой эпохи, который автор определяет как *temento mori*, ее современниками – художниками, – с другой.

В пользу интермедиального взаимодействия с живописными полотнами для этой цели говорит и тот факт, что роман «Падение короля» – единственный, где он использует этот принцип.

«Душа эпохи» – проекция концептуальной модели

Основной идеей эпохи, которая проходит фоном через все события романа становится «*temento mori*», а ее зримым выражением «*dance macabre*» – «пляска смерти». По утверждению Й. Хейзинга, «ни одна эпоха не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как 15-е столетие!» [Хейзинга 2018, с. 142]. Эта та же концептуальная модель, но в обновленной трактовке, которая оказывается востребованной и на рубеже XIX–XX вв. в музыке, живописи и литературе. В романе она получает вполне современную эпохе написания трактовку «переплетения» Эроса и Танатоса, продолжения рода и смерти, а круговорот родов от рождения к смерти и смена поколений становится движущей силой истории.

В «Падении короля» смерть как переход из состояния живого в бездыханное является одним из основных изображаемых моментов судьбы каждого действующего персонажа, венцом существования каждого из исторических или вымышленных лиц. Кроме того, смерть получает в романе физическое воплощение. Так, одна из глав представляет собой описание путешествия смерти-скелета с косою на коне через Данию.

В описании битвы при Дитмаршане она присутствует аллегорически, как метафора огромных человеческих потерь: «Смерть чавкала, уписывая эту плоть, самым невоспитанным образом»¹ [Jensen 1950, с. 65].

¹Здесь и далее перевод авт. – А. Л.

Описание битвы представляет собой текст, в котором сталкиваются знаковые системы различных видов искусства – словесного, театрального и живописи. Прием стилизации описания битвы под рецензию на драматический спектакль позволяет передать ироническую интонацию, свойственную художникам XV–XVI вв. при описаниях двух излюбленных мотивов – «Пляски смерти» и «Триумфа смерти».

Картина П. Брейгеля Старшего «Триумф смерти», которая должна была быть хорошо знакома писателю, объединяет в себе оба мотива. Композиционным центром многофигурного полотна является смерть с косой, скачущая на коне, от нее в ужасе бегут толпы людей, которых теснят сонмища скелетов, загоняя их в огромный гроб. Толпа при внимательном рассмотрении распадается на отдельные сцены, повествующие о разнообразии форм людской гибели. Скелеты копируют одеяния или пародируют действия живых людей и выставляют в ироничном свете все ценности земной жизни – богатство, общественное положение, влюбленность. Смерть в романе трактуется созвучно эпохе рубежа веков, как проявление жизни, «жизнь – это убийца» [Jensen 1950, с. 65].

Многочисленные варианты «Плясок смерти» художников Северного Возрождения объединяет идея о тщетности всего земного и равенстве всех пред смертью. Идея о том, что у каждого своя смерть, в романе воплощается в параллельных по синтаксической конструкции описаниях болезни протагониста Миккеля Терегсена: «Он лежал, выгнувшись дугой, касаясь опоры только пятками и затылком и смотрел вверх в глубочайшей тоске» [Jensen 1950, с. 110] и описания конца путешествия смерти-скелета, которая в образе больного батрака приходит в дом к селянам и повторяет позу страдающего персонажа: «Он лежал ... выгнувшись дугой, касаясь опоры только пятками и затылком и смотрел вверх в глубочайшей тоске» [Jensen 1950, с. 77].

Ирония в описании смерти на поле битвы тоже проникает в ткань романа, будучи выражена стилистическими средствами. Так же, как и на картине Брейгеля, где зрителю уже известно, чем закончится суетная, тщетная попытка людей цепляться за земную жизнь, и только сами персонажи еще не верят, что им всем предстоит умереть, Йенсен в самом начале рассказа о битве сообщает о ее конце и смотрит на

события с учетом итога сражения. Война начинается со «страшной самоуверенности и кичливости», а заканчивается тем, что «всех пере-резали» [Jensen 1950, с. 65]. Интонация рассказа меняется в момент описания битвы, повествование переходит к отдельному насмешливому, всеведующему рассказчику, который принижает героическое и превращает гибель множества людей в повод для иронии.

Иронический эффект в тексте создается с помощью введения несобственно-прямой речи – чужого голоса – в повествование от лица рассказчика. В описание включаются оценочные хвастливые суждения «смести голыми усами», «грозный полковник Сленц», «пятнадцать тысяч сердец, которые так и распирает от горячей крови», «тысяча пятьсот обозных телег, приготовленных для добычи» [Jensen 1950, с. 65]. Ирония в описании смерти участников битвы заложена, как сообщает рассказчик, в антитезе. Второй акт резни описан как возмездие за высокомерную уверенность наступавших. На лингвистическом уровне использование пассивного залога и интонация перечисления (их убивали, затапывали, топили, пускали кровь из горячих сердец) создают иллюзию массовости, беспомощности, живописной статичности и далекой перспективы.

В другом описании – сцене битвы при Свенструпе, которое во многом построено как экфрасис живописного произведения, в повествовании появляется персонаж, чье присутствие объяснимо при привлечении к анализу картины П. Брейгеля Старшего «Падение Икара» (1552). В словесном описании битвы, которая представлена глазами одного наблюдателя, внезапно возникает фигура пахаря, который «пахал и даже не приостановил упряжку во время битвы. Он прекрасно успевал смотреть и пахать» [Jensen 1950, с. 190].

«Падение Икара» – одно из самых известных полотен нидерландского художника, с которым Й. В. Йенсен почти наверняка был знаком. У Брейгеля пахарь вынесен на передний план и движется справа налево, находясь почти в композиционном центре полотна. За фигурами пахаря и пастуха простирается далекий прекрасный, залитый солнцем морской пейзаж, и на самом правом краю картины виднеется исчезающее в море тело Икара, крошечное на фоне величественной природы и людского безучастия. Помимо мифа о гибели Икара, в картине зашифрована концепция противопоставления богосозданного мира и человека, и иллюстрация нидерландской поговорки «Ни один

плуг не остановится, пока кто-то погибает». Гибель одного человека не может прервать общего течения жизни.

В пользу того, что речь идет о переносе в текст романа концептуальной модели ничтожности человеческой смерти перед лицом бесстрастной истории и безучастной природы, имплицитно представленной в картине «Падении Икара», говорят и огромное пространство, на котором разворачивается битва, и описание природы, на фоне которой разворачиваются полные драматизма события датской истории, и фигура безразличного пахаря, и замечания наблюдателя: «Сама природа оставалась безучастной»; «Одна только земля пребудет вечно, а поколения людей одно за другим проходят по ней, словно тени облаков» [Jensen 1950, с. 189. пер. И. П. Стребловой].

Перенос конструктивных живописных принципов

Живопись воздействует на зрителя с помощью цвета, линии, объёма, перспективы, формата холста, единства точки зрения, высоты горизонта, характера освещения, места композиционного центра и пр. Художник нидерландской или фламандской школы, известной своими космическими, огромными пространствами пейзажа с высокой линией горизонта, выбирает такой ракурс, чтобы в композиции уравновесились группы людей и пейзаж. Высокий горизонт открывает величие природы. Главный действующий объект обычно размещается вблизи оптического центра картины. Так композиция охватывается одним взглядом и воспринимается на большом расстоянии.

В своем романе Й. В. Йенсен использует несколько повествовательных стратегий при построении авторской речи. Одной из них, интересной для настоящего исследования, является экфрастическое построение. К этой стратегии, визуализирующей происходящее, относится композиционное построение сцены как картины. Один тип – это портреты действующих лиц (короля Кристиана II, Сусанны), когда в описании задается обрамление – дверь или окно, источник света (видимый, невидимый), описание освещенности фигуры и лица (слева сверху), детали туалета, фактура и цвет ткани [Ломагина 2018].

В качестве примера второго типа можно привести панорамные описания двух битв – в Дитмаршене и при Свенструпе. Другие сцены сражений в романе не имеют отчетливых элементов конструктивного

интермедиального взаимодействия. Это позволяет еще раз подтвердить догадку о намеренном уподоблении словесного описания живописи и о наличии живописного прототипа (или нескольких прототипов), с которым осуществляется взаимодействие.

В обеих сценах присутствует наблюдатель, свидетель, который задает пространственную и временную перспективу и заключает описание битвы как картину в раму – в битве при Дитмаршене, как уже говорилось, это происходит благодаря смене интонации повествования. В битве при Свенструпе – это протагонист Миккель Тегерсен, чьими глазами читатель смотрит на сражение. Поэтому панорама военных действий дается с помощью претерита для передачи одновременности действия и наблюдения за ним.

Первая сцена задает вынесенную точку зрения и взгляд с высоты птичьего полета с помощью словесного описания войска, которое на расстоянии выглядит как единое целое, состоящее из многих воинов: «Армия, простершаяся на мили, занимая весь обзор», «Черные знамена колыхались до самого горизонта» [Jensen 1950, с. 80]. Созданию пространственной иллюзии и взгляда сверху способствует использование метафоры и сравнения: армия – это тело (*legeme*), единая плоть (*fylde*), ядра прорывают холмы мертвых тел, как кроты на грядках.

Природа, на фоне которой разыгрывается историческое сражение, представлена как часть панорамного пейзажа, а перечислительная интонация и ряд существительных создают дополнительный эффект статичности живописного полотна: буря, прорыв плотины, дождь, снег и мощное наводнение с моря.

Вторая сцена битвы тоже дана в описании с высоты птичьего полета. Присутствует характерное для живописи единство точки зрения, высокая линия горизонта, Миккель «смотрит на расположенные внизу низкие холмы», пространственную перспективу задает «бесконечное небо» над «огромной равниной, раскинувшейся на много миль» [Jensen 1950, с. 189]. Преобладающие краски «холодные» и «серые». Задан источник освещения – битва происходит «на восходе солнца».

Если внимание зрителя картины сразу же приковано к композиционному центру, то в тексте романа – к сближающимся войскам в долине под огромным небом. Далекая перспектива задается описанием войск как движущихся пятен на фоне огромного пейзажа и сравнениями – нападающие похожи на «мух на куске сахара» [Jensen 1950, с. 189].

Сцена вбирает не только композиционные живописные элементы, но и трактовку полотна: «Одна только земля пребудет вечно, а поколения людей одно за другим проходят по ней, словно тени облаков» [Jensen 1950, с. 65]. Такое противопоставление божьего мира и мгновения человеческой жизни носит двойственный характер. С одной стороны, это концептуальное воссоздание мировоззренческой концепции XVI в., с другой – избавленное от присутствия Бога воплощение закона природы и эволюции начала XX в.

Заключение

Таким образом, писатель передает душу изображаемой исторической эпохи с помощью следующих интермедийных приемов взаимодействия с искусством XV–XVI вв.:

- проекции концептуальных моделей эпохи, имплицитно представленные в картинах Питера Брейгеля Старшего, «величия бога-природы и ничтожности человека» и «memento mori» – иронического отношения к мирским благам, славе, политическому влиянию, эротическому влечению, внешности перед лицом приближающейся смерти;
- нарративных мотивов – смерть-скелет, скачущая с косою на коне; смерть-пародия, повторяющая жесты живого; пахарь, безучастный к гибели других;
- переноса конструктивных признаков и перевода живописного кода в знаковую словесную систему, которая сохраняет единство точки зрения, перспективу, линию горизонта, освещение, рамочную композицию описания, свойственные живописи.

В выстраивании стратегии взаимоотношений с читателем автор привлекает произведения изобразительного искусства, фольклора, музыкальных произведений как источники информации в попытке воссоздать культурный код эпохи XV–XVI вв. и создать синкретический портрет изображаемого времени.

Историческая эпоха получает в романе новое прочтение, созвучное времени написания, автор вскрывает причину болезни нации, ничтожество человека обнаруживается перед лицом природы и ее эволюционных законов, а концепция смерти истолковывается не только как физическое, но и как духовное уничтожение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. М. : Наука, 1977. С. 259–283. [Braginskaya, N. V. (1977). Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii) (Eckphrasis as a type of text (to the problem of structural classification)). In *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochnoslavjanskije paralleli* (pp. 259–283). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Куприянова И. П. Роман Й. В. Йенсена «Падение короля» // Скандинавская филология. 2011. Вып. 11. С. 96–104. [Kupriyanova, I. P. (2011). Roman I. V. Iensena «Padenie korolya» (J. W. Jensen's novel "The Fall of the King"). *Scandinavica*, 11, 96–104. (In Russ.)].
- Ломагина А. В. Экфрасис как средство реконструкции исторической эпохи в романах Й. В. Йенсена (Падение короля, 1901) и Х. Стангерупа (Брат Якоб, 1991) // Скандинавская филология. 2018. Т. 16, вып. 1. С. 116–137. [Lomagina, A. V. (2018). Ekfrasis kak sredstvo rekonstruktsii istoricheskoi epokhi v romanakh I. V. Iensena (Padenie korolya, 1901) i Kh. Stangerupa (Brat Yakob, 1991) (Ekphrasis as a means of reconstruction of the historical era in the novels of J. W. Jensen (The Fall of the King, 1901) and H. Stangerup (Brother Jacob, 1991)). *Scandinavica*, 16(1), 116–137. (In Russ.)].
- Маклюэн М. Понимание медиа. Внешнее расширение человека. М.; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, 2003. 464 с. [McLuhan, M. (2003). Ponimanie media. Vneshnee rasshirenie cheloveka (*Understanding media. The extensions of man*). Moscow, Zhukovskii: KANON-press-Ts. (In Russ.)].
- Салтыков А. А. Творчество Й. В. Йенсена в отечественном и зарубежном литературоведении // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 9, вып. 1. С. 34–39. [Saltykov, A. A. (2012). Tvorchestvo I. V. Iensena v otechestvennom i zarubezhnom literaturovedenii (J. V. Jensen's work in domestic and foreign literary criticism). *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9, 1*, 34–39. (In Russ.)].
- Тимашиков А. Ю. К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 3. Культурная динамика. СПб., 2008. С. 112–119. [Timashkov, A. Yu. (2008). K istorii ponyatiya intermedial'nosti v rossiiskoi i zarubezhnoi nauke (On the history of the concept of intermediality in Russian and foreign science). In *Fundamental'nye problemy kul'turologii* (vol. 3. Kul'turnaya dinamika, pp. 112–119). St. Petersburg. (In Russ.)].
- Тишунина Н. В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Серия «Symposium». Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12. СПб., 2001. С. 149–154.

- [Tishunina, N. V. (2001). Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Intermediate analysis methodology in the light of interdisciplinary research). *Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. Seriya "Symposium"*, 12, 149–154. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Тишунина Н. В. Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств – опыт интермедиального анализа. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. [Tishunina, N. V. (1998). Zapadnoevropeyskiy simbolizm i problema vzaimodeystviya iskusstv – opyt intermedial'nogo analiza (*Western European Symbolism and the Problem of the Interaction of Arts - the Experience of Intermediate Analysis*). St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russ.)].
- Ханзен-Лёве О. А. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2016. [Khanzen-Leve, O. A. (2016). Intermedial'nost' v russkoi kul'ture. Ot simbolizma k avangardu (*Intermediality in Russian culture. From symbolism to the avant-garde*). Moscow: Rossiiskii gos. gumanitarnyi un-t. (In Russ.)].
- Хейзинга Й. Осень Средневековья. М. : Азбука-Классика, 2018. 380 с. [Kheizinga, I. (2018). Osen' Srednevekov'ya (*Autumn of the Middle Ages*). Moscow: Azbuka-Klassika. (In Russ.)].
- Kraftlinjer: om Johannes V. Jensens forfatterskab (Power lines: about Johannes V. Jensen's authorship) / ed. by Stefan Iversen. Aarhus : Syddansk Universitetsforlag, 2004. (In Dan.)
- Jensen J. V. Nordvejen (Northern way). URL: johannesvjensen.dk/jensenonline/nordvejen/ (accessed 10.04.2018). (In Dan.)
- Jensen J. V. Kongens Fald (The fall of the king). Kbh. : Gyldendal, 1950. (In Dan.)
- Jensen J. V. Aandens stadier (Stages of the spirit). URL: johannesvjensen.dk/jensenonline/aandens-stadier/ (accessed: 10.04.2018). (In Dan.)
- Wamberg N. B. Affections: essays. Copenhagen : Gyldendal, 2010. URL: play.google.com/store/books/details?id=G0PBDgAAQBAJ&rdot=1&source=gbs_vpt_read&pcampaignid=books_booksearch_viewport (accessed: 10.04.2018).

УДК 81'25, 811.113.4

Г. К. Орлова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языков стран Северной Европы и Балтии, Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел; e-mail: gajane-orlova@yandex.ru

**«КРЕАТИВ-НОН-ФИКШН»:
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА С ДАТСКОГО ЯЗЫКА
СОВРЕМЕННОЙ НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ**

В статье рассматриваются проблемы перевода популярной нехудожественной литературы с датского языка на русский. В рамках исследования обозначены границы понятий «нон-фикшн» и «креативный нон-фикшн», описаны переводческие трудности, характерные для некоторых видов нехудожественного словесного творчества. На основе сопоставительного анализа выделены особенности переводческого подхода к креативному нон-фикшн по сравнению с другими разновидностям нехудожественной литературы, выявлена зависимость переводческой стратегии от степени присутствия в тексте креативного начала.

Ключевые слова: креативный нон-фикшн; нехудожественная литература; художественный перевод; датский язык; жанр; стилистика; стратегии перевода.

G. K. Orlova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of North European and Baltic Languages, Moscow State Institute of International Relations (University); e-mail: gajane-orlova@yandex.ru

**«CREATIVE NONFICTION»:
TRANSLATING CONTEMPORARY DANISH LITERATURE**

The article deals with several problems in translating popular nonfiction from Danish into Russian. The definitions of “nonfiction” and “creative nonfiction” and the most common challenges faced by nonfiction translators are considered. Based on comparative analysis, the study distinguishes approaches to translation of creative nonfiction among the other varieties of nonfiction genres and reveals dependence of translation strategies on the level of creativity in the source text.

Key words: (creative) nonfiction; literary translation; Danish; genre; stylistics; translation strategies.

Введение

Перевод нехудожественной литературы представляет собой едва ли не более сложную задачу, нежели перевод литературы художественной.

Специфика перевода при этом, с одной стороны, определяется природой нехудожественной литературы в целом во всем ее многообразии, с другой – зависит от жанрово-стилистической отнесенности произведения. Креативный нон-фикшн, находясь на стыке нехудожественной и художественной литературы, обладает целым рядом особенностей, которые формируют характер переводческих трудностей и стратегию работы с текстом.

Креативный нон-фикшн как литературный жанр

В отечественной науке нет полного единства относительно жанровой классификации произведений нехудожественной литературы. Разногласия, имеющие терминологический характер, касаются употребления термина «нон-фикшн», а именно – определения объёма этого понятия, которое может охватывать как весь корпус нехудожественных текстов, включая научную, техническую, справочную, учебную литературу, так и некоторую совокупность жанров неспециальной нехудожественной литературы [Словарь иностранных слов 2006; Местергази 2007; Чупринин 2007], а также «креативный нон-фикшн» [Черняк 2015, с. 22; Савельева 2018, с. 88]. Последнее толкование, на наш взгляд, представляет собой неоправданное сужение понятия и приводит к терминологической путанице.

В данной статье под литературой «нон-фикшн» понимается совокупность различных в жанровом отношении нехудожественных текстов, общим для которых является их неспециальный характер и наличие повествовательного начала.

Термин «креативный нон-фикшн», или «креатив-нон-фикшн» (creative non-fiction) маркирует ориентированность нехудожественной литературы на приближение к художественной по способу изложения и организации текста или, иными словами, использование приемов художественной литературы в нехудожественной прозе. Данная тенденция представлена в датской литературе такими жанрами, как роман-репортаж, документальный роман, криминальная новелла и т. п. Явление, возникшее в США в конце 1950–1960-е гг., изначально соотносилось с так называемым новым журнализмом, однако постепенно термин приобрел более широкое значение. Несмотря на то, что «художественность» в нехудожественном тексте – далеко не новое явление, о чем свидетельствуют традиционные

обозначения ряда прозаических жанров как «научно-художественных» и «художественно-публицистических», в последние десятилетия оно приобрело особый характер: всё большую актуальность получает установка на развлекательность, что влечет за собой ослабление информационной компоненты в сопоставлении с эстетической.

Креативный нон-фикшн – массовая литература эпохи тотальной зависимости от новой информации и развлечений на фоне неумения отделять одно от другого. В сочетании с утратой абсолютной ценности знания и чистой эстетики это приводит к усилению спроса на информацию, поданную как развлечение, чем, собственно, и является креативный нон-фикшн.

А. Гвоздев в статье «Искусство факта. Понятие “креатив-нон-фикшн”», настаивая на необходимости отделить данное явление от публицистики, журналистики и научной литературы, определяет его следующим образом: «жанр произведения, где при описании реальных фактов и событий используются литературные стили и техники, художественно-изобразительные средства и прочие приметы художественного письма», а следовательно, «к произведениям изучаемого жанра может быть применен художественный анализ в той же степени, в которой его заслуживают традиционные литературные тексты» [Гвоздев 2011, с. 242]. Это, в свою очередь, означает, что к такому тексту можно применить все те переводческие техники, которые применяются при переводе художественной литературы, а сам перевод при этом может претендовать на статус художественного.

Правомерность обособления теории художественного перевода

Правомерно ли выделять теорию художественного перевода как самостоятельную научную дисциплину? С одной стороны, прибегая к лингвистическим методам анализа текста, исследователь остается в рамках общей теории письменного перевода, используя все понятия и термины, которые применимы для анализа письменного перевода как такового, и которые в отечественной науке систематизированы в классических трудах В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, Р. К. Миньяр-Белоручева и др. С другой стороны, право на существование литературоведческой теории художественного перевода как самостоятельной дисциплины аргументируется

тем, что художественная литература является преимущественно объектом изучения литературоведения. Тем не менее самостоятельным научным аппаратом для анализа перевода литературоведение не обладает, используя либо лингвистические инструменты в ограниченном объёме и достаточно поверхностно, либо подвергая текст художественному анализу, но именно как текст, а не как продукт деятельности переводчика, где исследователь оценивает, насколько удачно переданы особенности индивидуального авторского стиля, преимущественно основываясь на своем вкусе и языковом чутье. В этом случае правомерно, скорее, говорить о критике перевода или литературоведческом подходе, нежели о самостоятельной теории. Поскольку лингвистика, в свою очередь, не обладает специальным инструментом для анализа художественного перевода, то, пользуясь при изучении текста исключительно лингвистическими средствами, исследователь не может описать как раз то, что составляет его уникальность, а именно – эстетическую и культурную компоненты, которые являются предметом художественного анализа. Таким образом, художественный перевод становится объектом междисциплинарного изучения.

Пограничный характер литературы нон-фикшн как объекта переводческой деятельности

Как объект преобразования нон-фикшн, в том числе, креативный нон-фикшн представляет собой явление пограничное между информативным и художественным переводом. Необходимость уравновесить информационную и эстетическую составляющие тянет за собой целый комплекс трудностей, одни из которых характерны для перевода научной, другие – художественной литературы. Поскольку научно-популярная литература по отношению к собственно научной является в определенном смысле художественной, при разграничении разновидностей нехудожественной неспециальной литературы можно опираться на степень присутствия в произведении креативного начала.

Займствуя выразительные приемы художественной прозы и в то же время оставаясь литературой факта, современная нехудожественная литература требует от переводчика синтезированного подхода к тексту, и в этом смысле текст по сложности может превосходить художественный.

К креативному нон-фикшн относятся произведения, по своей форме тяготеющие к роману или новелле. Для них характерна большая динамичность, простроенный сюжет, на первом плане находится эстетическая функция текста, и действия переводчика при работе над таким произведением подчинены интуитивным механизмам мышления, его основная задача – уловить ритм, пульсацию текста, все то, что образует авторский стиль. К креатив-нон-фикшн относятся различные в жанровом отношении произведения: роман-репортаж Матильды Кимер «Война изнутри», детективные новеллы начальника «убойного» отдела Ове Даля, юмористический самоучитель по выживанию в столице Якоба Вёльвера и др. [Kimer 2016; Dahl, Bolther 2012; Vølver 2010]. Граница с художественной литературой в таких произведениях может практически стираться, и в этом смысле они сближаются с художественно-публицистическими жанрами, работая с которыми необходимо уделять особое внимание передаче средств речевой выразительности, эмоционально-экспрессивных языковых средствах и т. п. (ср., например, роман-эссе Сольвай Балле «Фрюдендаль – и другие заложники» [Balle 2008]).

Широко представлены на книжном рынке разновидности невымышленной литературы, не являющиеся собственно креативным нон-фикшн, но обладающие таким его признаком, как повышенная занимательность. Основной проблемой для переводчика в этом случае становится информационная составляющая вкупе со стилистическими контрастами.

Лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода нехудожественной литературы

При работе над произведением нехудожественной литературы переводчик сталкивается с большим объёмом как лингвистических, так и экстралингвистических трудностей. Преодоление последних требует от переводчика обладания определенным интеллектуальным цензом и способности находить информацию, касающуюся разных сфер деятельности человека и областей мироустройства, поскольку в переводимой книге могут затрагиваться самые разнообразные темы. Относительно большой объем когнитивной информации, содержащийся в произведении, необходимость воспроизведения фактического материала подразумевает определенный объем исследовательской

работы, следовательно, наличие такого дефицитного и невосполнимого ресурса, как время. Для создания адекватного перевода необходимо иметь хотя бы минимальное общее представление об описываемом предмете. Помимо этого, переводчику бывает нужно освоить значительный объём лексики специального характера, в том числе, научной терминологии.

Имена собственные, географические названия и прочие реалии требуют более точного и ответственного обращения, нежели при работе над художественным произведением: если переводчик пожертвует фактами при переводе литературы нехудожественных жанров, то сведет на нет труд автора произведения и обесценит свой собственный. К экстралингвистическим трудностям отчасти относится воспроизведение на языке перевода цитат и названий художественных произведений, а именно – поиск первоисточника и кодифицированного варианта на языке перевода, если таковой имеется, возможно, также поиск информации об авторе цитаты или истории ее бытования. Перечисленное касается литературы нон-фикшн в целом.

Так, в биографии Астрид Линдгрэн датского исследователя Йенса Андерсена названия произведений шведской писательницы в датском переводе не всегда совпадают не только с русским переводом, но и с оригинальными названиями [Andersen 2014]. Сказка *Britt-Mari lättar sitt hjärta* («Бритт Мари изливает душу», пер. Л. Брауде) на датский переведена как *Britt-Mari finder sig selv* (букв. «Бритт-Мари находит себя»), «На острове Сальткрока», пер. О. Мязотс) превращается в *Vi på Krageøen*, а *Madicken och Junibäckens Pims* («Мадикен и Пимс из Юнибаккена», пер. И. Стребловой; «Мадикен и Пимс из Юнибаккена», пер. Е. Тиновицкой) в датском переводе звучит как *Grynet og lille Splint* (букв. «Зернышко и Щепка»).

Отдельную проблему представляет включение в нехудожественное произведение фрагментов переводных художественных текстов, в ряде случаев сопровождающееся лингвистическим анализом самого перевода или близкого к нему в случае перевода с одного скандинавского языка на другой. С точки зрения использованных языковых средств такой текст будет значительно отличаться от известного русскоязычному читателю варианта произведения, следовательно, анализ окажется нерелевантным. Так, автор упомянутой биографии производит подсчет эпитетов в сказке «Мио, мой Мио!»

«на 60 страницах, посвященных пребыванию Мио и Юм-Юма среди ... скал Чужедальной страны» [Андерсен 2016] и анализирует повторяющийся элемент заклęcia Юм-Юма, а отсылая читателя к повести «Мы все из Бюллербю», особо отмечает тот факт, что книга начинается с «маленького сенсационного местоимения» я [там же, с. 259]. Однако в русском переводе Л. Горлиной, по вполне понятной причине, эта книга начинается со слов «Меня зовут...» [Линдгрэн 1975, с. 3].

В каждом из этих случаев переводчик решает, надо ли приводить узнаваемые в культуре тексты в узнаваемом виде или же любой ценой избегать смысловых противоречий.

В тексте могут также содержаться отрывки не переведенных ранее на русский язык иноязычных текстов художественных произведений, которые требуют прямого или опосредованного перевода. При этом желательно, чтобы стиль известного автора, знакомого читателю по переводам других произведений, оставался узнаваемым. Таким образом, переводчику литературы нон-фикшн приходится иметь дело также и с художественным текстом.

Названия неизвестных переводчику книг на различных языках, иноязычные крылатые выражения и «вкрапления» можно отнести к трудностям пограничным, имеющим отношение как к языку, так и к внеязыковой сфере. То же касается реалий (в том числе, третьих стран): названий издательств, журналов и газет, организаций, военных реалий, топонимов и архаизмов. Перечисленные явления, подразумевая исследовательскую работу, одновременно представляют собой и лингвистическую проблему.

Так, названием одной из глав в биографии А. Линдгрэн служит архаизм *trolovningsbarnet* [Andersen 2014, с. 74], производное от архаизма *trolovelse* – старинного скандинавского обозначения помолвки или обручения, переведенного на русский язык как *сговор* [Андерсен 2016, с. 78]. Лексема *trolovningsbarnet* – особый статус добрачного ребенка, родители которого были официально обручены до его рождения – не имеет понятийного соответствия в русском языке, а потому в данном случае использован описательный перевод – *ребенок по сговору* [там же, с. 78], при этом сохранение стилистической окраски связано с утратой терминологичности и компактности.

По пути описательности достаточно часто приходится идти при переводе общественно-политических реалий, не имеющих соответствия в языке перевода.

Стилистические аспекты перевода

Информационная составляющая доставляет меньше неудобств при переводе креативного нон-фикшн, поскольку отчасти «принесена в жертву» «романной» форме. Гораздо важнее, с точки зрения восприятия книги, стилистические аспекты перевода. «Принесение в жертву» эстетического элемента не лишает креативный нон-фикшн главного его преимущества – занимательности – напрямую, но практически сводит на нет достоинство данной разновидности литературы, поскольку более строгие жанры нехудожественной литературы значительно выигрывают с точки зрения информативности. Однако погрешности стиля в занимательной биографии или журналистском репортаже, в отличие от художественного произведения, необязательно означают низкое качество работы автора в целом. Ценность «художественной» составляющей в определенной степени зависит от степени информационной насыщенности, иными словами, от цели, которую перед собой ставит пишущий. В любом случае, переводчику необходимо, с одной стороны, сделать информацию столь же доступной, сколь она предстает в оригинале, с другой – подать ее в приемлемой с точки зрения языка перевода форме; с одной стороны, важно сохранить индивидуальный авторский стиль, с другой – преодолеть возможные стилистические погрешности таким образом, чтобы не впасть в иную крайность и не взять на себя часть функций автора.

В произведении креатив-нон-фикшн переводчик сталкивается практически с тем же кругом лингвистических задач, которые необходимо решать при переводе художественной литературы: образность, эмоциональность речи, разнообразие средств художественной выразительности, обилие диалогической речи, разговорных слов и выражений при неявном вводе информационной компоненты.

Так, отрывок из романа-репортажа М. Кимер «Война изнутри», обладая такими признаками художественности, как функция эстетического воздействия, образность, наличие речевых портретов персонажей, экспрессивность, оценочность, требует соответствующего

переводческого подхода. При передаче диалогической речи, в частности, на первый план выходит прагматика:

“Guuuuud, har jeg vist dig billedet af Ljudmila?”

Jeg var tabt et øjeblik.

“Neeeeej, det tro jeg ikke. Hvem er Ljudmila?”

“Det er vores skønne førstedame.”

Hans hænder strøg hen over telefonen for at finde det billede, der skulle præsentere mig for den bortløbne præsidents hustru.

“Ja, han kunne plyndre vores land og stikke af til Rusland med mere end 100 millioner dollar. Men nogle ordentlige tænder til konen var der åbenbart ikke råd til,” ironiserede Vova.

En korthåret kvinde med et lidt firskåret ansigt og sortrandede øjne smilede anstrengt på skærmen og afslørede et ganske markant mellemrum mellem de gulnede fortænder... [Kimer 2016, с. 71].

– Слууушай, я тебе показывал фотографию Людмилы?

На мгновение я задумалась.

– Нееет, не думаю. Что за Людмила?

– Наша великолепная первая леди.

И он стал листать фотографии на телефоне, чтобы продемонстрировать мне супругу сбежавшего президента.

– Ну вот, ограбить страну и сбежать в Россию со 100 миллионами долларов, если не больше, он смог, а на нормальные зубы жене, видно, не хватает, – иронизировал Vova.

С экрана напряженно улыбалась коротковолосая женщина с угловатым подбородком: под глазами – черные круги, между желтоватыми верхними зубами виднеется щель (перевод авт. – Г. О.).

В нон-фикшн более строгой, «некреативной» направленности информационная составляющая присутствует явно, будучи самоцелью. Несмотря на то, что в произведении могут использоваться различные средства художественной выразительности, действительную проблему представляют собой цитирование из источников, «контрастирующих с научно-популярным текстом по типологическим признакам» [Родичева, Зайцева 2015, с. 87], т. е. переключение между стилями и жанрами – элементами второго порядка в рамках первичного текста, и сложный (иногда – искусственно усложненный) синтаксис, пришедший в эту область из научной литературы. Именно синтаксис, с учетом различий в структурах датского и русского языков, составляет

одну из основных специфических трудностей при переводе «некреативного» нон-фикшн. В результате синтаксического сопротивления оригинала в работе переводчика могут возникать такие недостатки, как отсутствие емкости, калька, казенщина, нарушения логики, невнятность, распадение смысловых связей. Даже при неполной установке на занимательность, которая в той или иной степени обязательно присутствует в популярной литературе, это способно существенно затруднить чтение книги.

Большое количество вводных слов, сложных предложений, в частности, предложений с подчинительной связью, многоуровневость синтаксических связей, дистантный порядок следования подчиненных предложений приводят к утяжелению переводного текста. Для облегчения конструкции переводчику приходится прибегать к таким видам синтаксических трансформаций, как изменение типа синтаксической связи, членение сложных предложений (далее – СП), перестановка частей СП, замена типа придаточного предложения, преобразование активной конструкции в пассивную, и наоборот, – замена причастных оборотов на предложные конструкции и т. п.

В приведенном далее примере преодоление синтаксического сопротивления оригинала происходит благодаря использованию таких приемов, как демегафоризация, опущение, перестановка, грамматическая замена на уровне части речи, контекстуальная замена, модуляция, замена типа придаточного предложения, перестановка частей СП:

En vis Ingvar Kamprad fra Agunnaryd i det sydligste Småland var netop begyndt at eksportere sine spånplademøbler, da marxisterne fra Ord & Bild skar en kapitalistisk træmand ud af den ustyrlige, uforudsigelige drengeskikkelse fra feudaltidens Småland. I modsætning til de hundredtusinder af nordiske børn og voksne, der elskede Astrid Lindgren (og omkring 1970 var ved at blive afhængige af varer fra den smålandske møbelfabrikant), kunne de tre litteraturforskere på ingen måde glæde sig over den udvikling i det nordiske velfærdssamfund, Emils karakter afspejlede [Andersen 2014, c. 336].

Марксисты из «Орд & Бильд» заклеили неуправляемого, непредсказуемого мальчишку из феодального Смоланда как капиталиста как раз в то самое время, когда некий Ингвар Кампрад из южного Смоланда начал экспортировать мебель из ДСП. В противоположность сотням тысяч скандинавов – детей и взрослых, – которые любили Астрид Линдгрэн (и мебель смоландского производителя), три этих исследователя были

не способны радоваться превращению Швеции в общество благосостояния, то есть тому новому, что Астрид уловила в книге об Эмиле [Андерсен 2016, с. 353].

В следующем отрывке, желая уйти от громоздкой конструкции, переводчик предпринял кардинальное упрощение исходного текста, представляющего собой многоуровневое сложное предложение с четырьмя придаточными двух степеней:

Forekom det sjældent, at nordiske børnebogsforfattere i 1970'erne skrev om undertrykkelse, terror og forræderi i en så fabulerende, allegorisk form, så var det nærmest uhørt, at en moderne børnebog skildrede døden så naturligt og ublufærdigt, og samtidig vovede at gå så dybt ind i børns forestillinger om, hvad der kommer efter livet [Andersen 2014, с. 342].

Детские писатели Скандинавии 1970-х вообще редко писали об угнетении, терроре и предательстве в такой художественной аллегорической форме, а подобное натуралистичное и беззастенчивое изображение смерти и глубокое погружение в представления ребенка о жизни после жизни было и вовсе неслыханным [Андерсен 2016, с. 360–361].

При переводе креатив-нон-фикшн, следует учитывать, что хотя, с одной стороны, синтаксис в подобного рода произведениях редко бывает перегружен, а количество терминов по сравнению с «некреативным» нон-фикшн относительно небольшое, плотность информации ниже, цитирование из типологически контрастных источников, а также средства, обеспечивающие объективность изложения, используются в меньшем объеме, с другой – в большем объеме используются средства, создающие эффект сближения автора с читателем, эмоционально-оценочные средства, различные средства передачи эстетической информации. Иными словами, по сравнению с художественной литературой в интересующих нас текстах усилен информационный компонент, по сравнению с нехудожественной – креативно-стилистический, что и определяет пограничный характер трудностей, с которыми сталкивается переводчик.

Заключение

Таким образом, с точки зрения перевода креатив-нон-фикшн относится к более строгим видам нехудожественной литературы так же, как последние относятся к специальной литературе.

Перевод «художественных» жанров нехудожественной литературы имеет свою специфику, может быть приравнен к художественному и предполагает, наряду с освоением определенного объема информации и специфической лексики, как и в случае с собственно художественными текстами, воспроизведение средств художественной выразительности и эмоционально-оценочной лексики (с помощью которой транслируется мнение автора), заполнение понятийных и лексических лакун, передачу стилистических особенностей, обеспечивающих цельность текста и сохранение его ритмической структуры, в то время как основной проблемой при переводе нехудожественной литературы, в целом, является синтезированный характер текста, который требует умения выполнять различные виды перевода с присутствующими им особенностями и комбинировать подходы к переводу таким образом, чтобы не нарушить организованную целостность авторского замысла и стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсен Й. Астрид Линдгрэн. Этот день и есть жизнь: пер. с дат. Г. Орловой. М.: Колибри, 2016. [Andersen, J. (2016). *Astrid Lindgren. Jetot den' i est' zhizn'*, transl. by G. Orlovoj. Moscow: Kolibri. (In Russ.)].
- Гвоздев А. Искусство факта. Понятие «креатив-нон-фикшн» // Балтийский филологический курьер. 2011. Вып. 8. С. 241–249. [Gvozdev, A. (2011). *Iskusstvo fakta. Ponyatie «kreativ-non-fikshn»* (The art of fact. The concept of “creative non-fiction”). *Baltic philological courier*; 8, 241–249. (In Russ.)].
- Линдгрэн А. Мы все из Бюллербю / пер. со швед. Л. Горлиной. М.: Детская литература, 1975. [Lindgren, A. (1975). *My vse iz Bjullerbju*, transl. by L. Gorlinoj. Moscow: Detskaja literatura. (In Russ.)].
- Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 328 с. [Mester-gazi, E. G. (2007). *Literatura non-fikshn / non-fiction: Eksperimental'naya entsiklopediya. Russkaya versiya. (Literature non-fiction: An experimental encyclopedia. Russian version)* Moscow: Sovpadenie. (In Russ.)].
- Родичева А. А., Зайцева Т. А. Диалогичность и эмоционально-оценочная информация в медицинских научно-популярных текстах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8. С. 86–90. [Rodicheva, A. A., Zaitseva, T. A. (2015). *Dialogichnost' i emotsional'no-otsenochnaya informatsiya v meditsinskikh nauchno-populyarnykh tekstakh* (Dialogue and emotional-evaluative information in medical popular science texts). *Bulletin of Cherepovets State University*, 8, 86–90. (In Russ.)].

- Савельева Е. А. Между литературой и журналистикой: нон-фикшн в зарубежном и отечественном литературоведении // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 2. С. 85–91. [Savel'eva, E. A. (2018). Between literature and journalism: non-fiction in foreign and domestic literary criticism. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2, 85–91. (In Russ.)].
- Словарь иностранных слов / под ред. Н. Г. Комлева. М., 2006. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/23567/НОН (дата обращения: 24.04.2019). [Komlev, N. G. (ed.). (2006). *Slovar' inostrannykh slov (Dictionary of foreign words)*. Moscow. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/23567/NON (accessed: 24.04.2019). (In Russ.)].
- Черняк В. Д. Массовая литература в понятиях и терминах. М. : Флинта : Наука, 2015. [Chernyak, V. D. (2015). *Massovaya literatura v ponyatiyakh i terminakh (Mass literature in concepts and terms)*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].
- Чупринин С. И. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М., 2007. URL: www.e-reading.club/book.php?book=101082 (дата обращения: 24.04.2019). [Chuprinin, S. I. (2007). *Russkaya literatura segodnya. Zhizn' po ponyatiyam (Russian literature today. Life by concepts)*. Moscow. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=101082> (accessed: 24.04.2019). (In Russ.)].
- Andersen J. Denne dag, et liv. En Astrid Lindgren-biografi. Gyldendal, 2014. 440 p.
- Kimer M. Krigen inden. Politikens Forlag, 2016. 320 p.
- Dahl O., Bolther S. Drabschefen. Ekstra Bladets Forlag, 2012. 338 p.
- Vølver J. Jydens håndbog til overlevelse i København. Gads Forlag, 2010. 180 p.
- Balle S. Frydendal – og andre gidsler. Gyldendal, 2008. 139 p.

УДК 398.61

Н. В. Кондратьева, Т. И. Зайцева

Кондратьева Н. В., доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания,
Удмуртский государственный университет;
e-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Зайцева Т. И., доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России,
Удмуртский государственный университет; e-mail: uavoz@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИНСКОЙ ЗАГАДКИ

Загадка – один из распространенных жанров устного поэтического творчества, способный активно повторять свой вид и форму построения образа в различных текстах. На материале традиционных финских загадок в статье выявляются основные группы заместительных образов, характерных для традиционной финской культуры и представляющих собой: а) предметный код; б) зооморфный код; в) антропонимический код. Отдельное внимание уделяется выявлению стилистических особенностей финской загадки. Анализ языкового материала позволяет заключить, что финская загадка как фольклорный жанр обладает сложной и неоднородной семантической структурой.

Ключевые слова: финский фольклор; загадка; предметный код; зооморфный код; антропонимический код.

N. V. Kondratieva, T. I. Zaitseva

Kondratieva N. V., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Department of General and Finno-Ugric Linguistics,
Udmurt State University; e-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Zaitseva T. I., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Head of the Department of Udmurt Literature and Literature of Peoples' of Russia,
Udmurt State University; e-mail: uavoz@rambler.ru

POETIC PECULIARITIES OF THE FINNISH RIDDLE

Riddle is one of the most widely spread genres of oral poetic tradition, characterized by reproduction of its form in different texts. The article describes major groups of imagery typical for the Finnish culture, which is used in traditional Finnish riddles:

1) an object code (based on reference to household utensils, etc.); 2) a zoomorphic code; 3) an anthropomorphic code. The article focuses on personification as a poetic device. According to the analysis of the linguistic properties of the material, the Finnish riddle as a folklore genre has a complex and diverse nature.

Key words: Finnish folklore; riddle; object code; zoomorphic code; anthropomorphic code.

Введение

Загадка – один из распространенных жанров устного поэтического творчества, способный активно повторять свой вид и форму построения образа в различных текстах. В финской культуре русскому слову *загадка* соответствует дефиниция *arvoitus* (ср. *arvella* ‘подразумевать, догадываться, предполагать’; *arvelu* ‘мысль (идея), мнение’). Финский исследователь А. Кайвола-Брегенхёй замечает, что «загадочная картина содержит мнимые, противоречивые и обманывающие детали, разумность которых раскрывается только тогда, когда узнаем ответ» [Kaivola-Bregenhöj 1990, с. 5]. Эта особенность дает возможность выявить в загадке не только повторяющиеся элементы, но и целые формулы, служащие основой создания новых текстов загадок.

Традиционно семантическая структура загадки определяется соотношением трех ее компонентов:

- а) объекта, загадываемого и подлежащего дешифровке;
- б) заместительного объекта, имеющего определенные точки пересечения со свойствами / функциями загаданного объекта;
- в) «образа», т. е. некоторого описания, соотносящегося с обоими вышеуказанными объектами.

Целью данной статьи является изучение центральных групп заместительных образов, представленных в финской загадке. Материалом исследования послужили тексты финских загадок, опубликованные в книгах «Suomen kansan arvoituskirja» (Juva, 1991; далее – SKAK) и «Suomen kansan arvoituksia» (Espoo, 1982; далее – SKA); «Mikä se on? Vanhoja arvoituksia» (Hämeenlinna, 1990; далее – VA), «Kansanviisauden aarrearkku» (Helsinki, 2002; далее – KA). Кроме того, авторы пользовались двумя сборниками марийского и удмуртского фольклора: Китиков А. Е. Марийские народные загадки (Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967; далее – МНЗ) и Перевозчикова Т. Г. Удмуртский фольклор. Загадки. (Устинов: Удмуртия, 1987; далее – УФ).

Заместительные объекты традиционной финской загадки

Анализ текстов загадок, представленных в указанных сборниках, дает обоснование выделить следующие группы заместительных объектов, характерных для традиционной финской культуры:

1. Чаще всего в финских загадках заместительный объект выражается предметным кодом, описывающим номинации бытовой утвари, предметов гардероба, рукоделия. К примеру, в представленных изданиях самыми частотными предметами являются *разные виды посуды, шуба, пояс, сумка, пуговица*; при этом выбор образа, как правило, обусловлен сходством по форме, например:

Maha kuin sammio, selkä kuin sormi. – Pata ja sankka (SKAK 1991, с. 49). – «Живот как кадка, спина как палец. – Горшок и его ручка»¹.

Важнейшая отличительная черта загадки – отражение наиболее типичных признаков предметов или явлений. В этом отношении, с точки зрения композиционной структуры, загадки могут быть простыми и сложными. В простых загадках в качестве заместительного образа используется один объект, например:

Ukko nurkassa istuu, suussa aina selällään. – Uuni (VA 1990, с. 113). – *букв.* ‘Сидит дед в углу, рот на спине. – Печь’.

В сложных – два и более объектов:

Ukko kultainen, jalat rautaiset, seinällä seisoo, laudalla laulaa, ihmisen polvelle itkemään tulee. – Kantele (SKAK 1991, с. 338). – «Золотой старик с железными ногами, стоит у стены, поёт на доске, на колени к человеку плакать приходит. – Кантеле».

Следует подчеркнуть, что описанию подлежат далеко не все свойства, качества и функции объекта загадывания. Поэтому при выборе тех или иных свойств и качеств предмета, которыми они наделяются, возникает явление омонимии текстов загадок, т.е. появляется возможность нескольких отгадок, например:

Sata santsia, tuhat tuntsia, yhdeltä laiturilta vettä juovat. – Parta (SKAK 1991, с. 11). – *букв.*: ‘Сто сотен, тысяча тысяч, из одной платформы воду пьют. – Борода’;

¹Здесь и далее перевод авт. – Н. К., Т. З.

Sata santsia, tuhat tuntsia yhteen tammeen istutettu. – Villakartta (SKAK 1991, с. 147). – *букв.*: ‘Сто сотен, тысяча тысяч, на одной плотине сидят. – Кусок картона для ниток’.

Данная особенность характерна не только для традиционной финской загадки, но ее можно отнести к фольклорным универсалиям, ср.:

удм. Пислэсь-пулэсь жужыт, турын-куарлэсь лапег. – Сюрес. – «Выше дерева, ниже травы. – Дорога» (УФ 1982, с. 127);

Писпулэсь жужыт, турын-куарлэсь лапег. – Писпу вужер. – «Выше дерева, ниже травы. – Тень от дерева» (УФ 1982, с. 151);

мар. Вўдыш шуэт – ок воло, тулыш шуэт – ок йўлө. – Ий. – «В воде – не тонет, в огне – не горит. – Лёд» (МНЗ 1967, с. 39);

Тылышты ак йылы, вўдышты ак шылы. – Ёмыл. – «В огне не горит, в воде не мокнет. – Тень» (МНЗ 1967, с. 44).

2. В образной системе финно-угорских загадок большое значение имеет зооморфный код. Так, в финской фольклорной традиции в создании заместительных образов активно участвуют:

– представители животного мира:

Punainen koira haukkuu luisen aidan läpi. – Kieli (SKAK 1991, с. 9). «Красная собака лает из-за костяных ворот. – Язык».

Kaksi sonnia tappelisi, mutta on vuori välissä. – Silmät (SKAK 1991, с. 14). – «Два быка подрались бы, не будь между ними горы. – Глаза».

– далее по частотности следуют образы птиц:

Kaksi kultaista kanaa yhden niemen notkossa. – Silmät (SKAK 1991, с. 13). – «Две желтые курицы на лощине одного мыса. – Глаза».

Kukko laulaa lähteellä. – Kaula (SKAK 1991, с. 6). – *букв.*: ‘Петух поет, отправляясь. – Горло’.

– и насекомых:

Kirppu metsähän menee eikä tuhannellakaan hevosella kotia saada. – Tulikipinä (SKAK 1991, с. 128). – «Блоха в лес идет, а не в хлев, в котором тысяча лошадей обитает. – Искра»;

– названия диких животных и рыб в качестве ключевых номинаций здесь используются крайне редко.

При выборе зоонимов в финских загадках самыми распространенными зооморфизмами являются образы волка, коровы, лошади, быка, медведя, теленка, овцы; среди птиц можно выделить петуха, курицу, гуся, синицу, утку, сову; встречаются также насекомые и пресмыкающиеся: змея, таракан, комар, муха и т. д. Например, утка может одинаково успешно обозначать чайник, ложку, капусту; для изображения самовара могут использоваться такие заместительные образы, как лошадь и курица.

3. Известно, что в загадках разных народов существенную роль играет прием персонификации, предполагающий обозначение или представление природных явлений, человеческих свойств, отвлеченных понятий в образе человека, т. е. в подавляющем большинстве случаев в загадках предметы неживого мира сопоставляются с живыми существами. Это обусловлено, прежде всего, стремлением загадки сделать ее отгадывание возможно более затруднительным:

Mies hiihtää rautasukset jaloissa. – Aura (*SKA 1982, c. 226*). –
«Мужик катается на железных лыжах. – Плуг».

Олицетворения, оживляя и одухотворяя неживой мир, еще больше приближают его к человеку, придают загадке своеобразную поэтичность.

В финно-угорской традиции в качестве заместительного образа выступают как имена существительные, обозначающие лицо, так и термины родства и свойства. Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что в финских загадках широко представлены образы отца, матери, брата, сестры, девушки, невестки, свекрови, тещи. Однако в частотном плане преобладает использование образов мужчины, старика и старухи. Примечательно, что, в отличие от финского языка, в системе которого отсутствует функционирование отдельных лексем для выражения старших и младших братьев / сестер, ср., например:

Wijsi veljestä edellä menöö, paljas pää takaa ajaa. – Warpaat edellä, kantapäähäljistä (*SKAK 1991, c. 19*). – «Пятеро братьев вперед идут, лысая голова ими сзади управляет. – Пальцы на ногах и пятка».

Poika postiin menee, isä vasta ilmestyu. – Tuli ja savu (*SKAK 1991, c. 120*). – «Сын на почту идет, отец навстречу шагает. – Огонь и дым».

Monta veljestä varvissa, kaikilla sama nimi. – Hampaat (*SKAK 1991, c. 7*). – «Много братьев на верфи работают, все одинаковое имя носят. – Зубы».

В удмуртских и марийских загадках в подобных загадках представлено четкое возрастное разграничение:

Сьод агай каргетэ, низили, нумыр октэ. – Сьод куака (КМ 1992, с. 22). – «Черный (старший) брат каркает, дожدهвых червей собирает. – Черная ворона».

Ньыль выньёслэн изызы одйг. – Жök (КМ 1992, с. 6). – «У четырех (младших) братьев одна шапка. – Стол».

удм.: Шкапын горд дядяй пуке. – Гөршок (УФ 1982, с. 98). – «В шкафу рыжий дядька сидит. – Горшок».

Кык апайёс шур дуре пыласькыны мынйзы. – Ведроас (УФ 1982, с. 101). – «Две (старшие) сестры на речку купаться пошли. – Ведро».

мар.: Чевер енгамын мұшкыржө шельын. – Ошшыдан (МНЗ 1967, с. 52). – «У красавицы-тетки брюхо распорото. – Пшеница».

Кува куржеш – Куп лўнгалтеш. – Шорык (МНЗ 1967, с. 63). – «Бабка бежит – болото дрожит. – Овца».

Если группа заместительных объектов, отражающих предметный код, позволяет создать быт финского народа, то персонификация дает возможность использовать образы из финского народного эпоса «Калевала» или образы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями финского народа, например:

Iski tulta Ilmarinen, välähdytti Väinämöinen. – Ukkonen (VA 1990, с. 45). – «Ударил огнём Ильмаринен, сверкнул Вяйнямейнен. – Гроза».

Mikä Eevalla on edessä, sitä Aatamilla ei ole ollenkaan, mikä Aatamilla on edessä, se Eevalla perässä. – E ja A (SKAK 1991, с. 344). – «Что у Евы впереди, того у Адама нет, что у Адама впереди, то у Евы позади. – Е и А».

Mikäs on Iisakin poikien isän nimi. – Iisakki (SKAK 1991, с. 330). – «Какое имя у отца Иисака сына. – Иисак».

Особого внимания заслуживают антропонимы, которые представляют собой антропонимический код, поскольку посвящены одному из традиционных способов загадывания в паремиях многих народов – персонификации денотата и наречению его определенным именем. Антропонимический код одновременно является и звукосемантическим,

так как с помощью имени в загадках создается самобытный художественный колорит:

фин.: Tuli **Nikki** naapurista, suuhun sylkeä tuppaа. – Nälkä (*SKAK 1991, с. 30*). – «Пришел Никки от соседа, со слюной во рту. – Голод».

Isä **Jussi**, poika **Jussi**, pojan kaulassa musta pussi. – Naahlat (*SKAK 1991, с. 54*). – «Отец Юсси, сын Юсси, у сына на шее черный мешок. – Крючок».

Pentti seisoo tien vieressä, **Penttin** jalat tervatut. – Virstantolppa (*SKAK 1991, с. 295*). – «Стоит Пентти у дороги, ноги у Пентти испачканы в смоле. – Верстовой столб».

удм.: Сизьымдон полэс дйсен **Онтон** сылэ. – Кубиста (*УФ 1982, с. 117*). – «В семидесяти одеждах Антон стоит. – Капуста».

Пересь **Микайло** агай дыр дырекъяса пукоз. – Вуко (*УФ 1982, с. 166*). – «Старый дядька Михаил дрожмя дрожит. – Мельница».

мар.: **Метрий** вуй тўжем тумышан. – Ковшта (*МНЗ 1967, с. 55*). – «У Метрия голова тысячу раз заплатана. – Капуста».

Ик пыргенчык йымалне кум **Майра** шинчат. – Шүльö (*МНЗ 1967, с. 52*). – «Под одним платком сидят три Марьюшки. – Овёс».

Как показывают материалы исследования, в удмуртском языке чаще всего представлены имена *Окыльна* (Акулина), *Петыр* (Пётр), *Ондрей* (Андрей); в марийском – *Майра* (Марьюшка), *Метрий* (Дмитрий), *Стьопан* (Степан); в финском – *Jussi* (Юсси), *Pentti* (Пентти), *Рекка* (*Пекка*) и др.

С точки зрения представленности социальных характеристик в структуре заместительных объектов, обладающих чертами одушевленности, нельзя не отметить и такую ярко выраженную тенденцию, как активное обращение к образам короля, героя, богатыря. Однако, в отличие от волжско-пермской группы языков, в финских загадках представлены также образы священника и судьи:

Pappi seisoo pajan katolla, vettä selkään sataа, lunta suuhun tuiskuaа. – Savuriippu (*SKAK 1991, с. 122*). – «Стоит священник на крыше кузницы, вода на спину льется, в рот снег заматается. – Дымовая труба».

Tuomari nurkassa istuu, päänsä pihalle pistää. – Uuni ja piippu (*SKAK 1991, с. 122*). – «Судья в углу сидит, головой во двор выходит. – Печь и труба».

4. В качестве заместительного объекта в традиционной финской культуре широко распространены местоимения:

фин.: *Itse* ikkunansa tekee, itse ikkunastaan katsoo. – *Varvas ja reikä sukassa* (SKAK 1991, с. 18). – «Сам окно прорубает, сам же из окна выглядывает. – Палец и дыра в носке».

Minä tiedän, *sinä* tiedät, papit paljonkin tietää, kuningas ylen vähän tietää, Jumala ei yhtäkään. – *Vertaistansa* (SKAK 1991, с. 38). – «Я знаю, ты знаешь, священники довольно много знают, король немножко знает, Бог никогда. – Равенство».

Данная тенденция характерна и для других финно-угорских языковых систем:

удм.: Та коркан *мон* анай. – Шуныт (УФ 1982, с. 93). – «В этом доме я мать. – Тепло».

Котьмар но уллань васькыны яратэ, со гинэ вылланы тубыны яратэ. – Чаг возённысь тыл (УФ 1982, с. 95). – «Всем нравится спускаться вниз, только ему – наверх взбираться. – Огонь в светце».

мар.: *Шке* ок кой – мўгырен-мўгырен шортеш. – Кўдырчө (МНЗ 1967, с. 42). – ‘Плачет рёвом, а самого не видно. – Гром’.

Мемнан чыланат вучат, толына – чылан шылыт. – Кўдырчө, волгенче, йўр (МНЗ 1967, с. 42). – «Все нас ждут, а как придём – прячутся. – Гром, молния, дождь».

5. Имеется также группа загадок, когда заместительный образ опускается полностью. Это свойственно как финскому, так и удмуртскому и марийскому языкам:

фин.: *Ei ole käsiä, ei jalkoja, oven avaa.* – *Tuuli* (SKAK 1991, с. 432). – «Нет рук, нет ног, двери открывает. – Ветер».

Ei ole ruumista eikä sielua, mutta taitaa sekä puhua että vastata. – *Kaiku* (SKAK 1991, с. 438). – «Нет тела и нет души, но умеет, как говорить, так и отвечать. – Эхо».

удм.: Пыдыз ке но өвёл, ветлэмьсы уг дугдылы. – Час (УФ 1982, с. 79). – «Хотя и ног нет, ходить не перестают. – Часы».

Эктэ, эктэ но – сэргы пуксе. – Їужон (УФ 1982, с. 81). – «Попляшет, попляшет и в угол сядет. – Веник».

мар.: Ик шинча чылаамат онча да шымата. – Кече (МНЗ 1967 с. 34). – «Глаз один, а видит и ласкает всех. – Солнце».

Ок курж, ок кудал – кая веле. – Пыл (МНЗ 1967, с. 37). – «Не бежит, не скачет – только идёт. – Облако».

Стилистические особенности финской загадки

Финские загадки отражают национальную самобытность финской культуры. В контексте рассуждений представляет особый интерес группа загадок, в которых использованы географические названия, благодаря которым формируется своеобразный колорит: как показывают примеры, чаще всего в финских загадках представлены такие страны, как Эстония, Германия, Швеция, а также Лапландия:

Virosta tuotu vakka, ei ole lukkoa eikä läpeä. – Muna (VA 1990, с. 7). – «Из Эстонии привезли лукошко без замка и отверстия. – Яйцо».

Среди названий городов чаще всего упоминается город Хельсинки:

Неро hirnuu Helsingissä, tänne valjaat välkähtää. Mikä se on? – Ukkonen (КА 2002, с. 101). – «Лошадь в Хельсинки ржет, а сбруя здесь сверкает. – Гроза».

На способы построения загадки как формы выражения национального мировидения оказывает влияние не только национально-культурный колорит, но и структура языка – его фонетический, морфологический и синтаксический уровни. В частности, только знание особенностей лексической системы финского языка позволяет отгадать загадки, построенные на многозначности одного слова:

Kaksi keksiä kulki kadun yli, kun toinen jäi auton alle. Mitä toinen huusi? – Tulehan muruseni! (КА 2002, с. 216) – *букв.*: ‘Два печенья переходили улицу, когда один из них попал под машину. Что кричал ему другой? – Вернись, крошка!’ (сущ. *tuuri* имеет значение 1. крошка, крупинка; 2. детка, крошка).

Miksi nunnat eivät saa juoda kahvia? – Jottei tekisi mieli munkkia (КА 2002, с. 213). – *букв.*: ‘Почему монахини не могут пить кофе? – Чтобы не захотелось пончиков’ (сущ. *munkki* обозначает одновременно «монах» и «пончик»).

Морфологический уровень языка играет немаловажную роль при создании сравнений. В частности, в системе финского языка сравнения могут быть выражены следующими конструкциями:

А. Сравнительная конструкция,

выраженная именем прилагательным:

а) в сравнительной степени:

Mettä makeampi, miekkaa terävämpi. – Kieli (SKAK 1991, с. 10). – «Вкуснее меда, острее меча. – Язык».

Mikä on syttää mustempi? – Synti (SKAK 1991, с. 334). – «Что чернее угля? – Грех».

б) в превосходной степени:

Mikä on kaikista vanhin. – Aika (SKAK 1991, с. 299). – «Что из всего самое старое? – Время».

Kaikkein pienin on talossa, kaikkein suurin valta on. – Lapsi (SKAK 1991, с. 27). – «Меньше всех в доме, а власть больше всех. – Ребенок».

Б. Сравнение, включающее в свою композиционную структуру союзные слова:

а) *kuin* (как):

Tuvi kuin neula, keskus kuin kerä, latva kuin vasta. – Nauris (SKAK 1991, с. 252). – «Основание как иголка, середина как клубок, верхушка как веник. – Репа»;

б) *kokoinen* (величиной с):

Kananmunan kokoinen, kirkonseinän pituinen. – Lankakerä (SKAK 1991, с. 161). – «Величиной с куриное яйцо, длиной в церковную стену. – Клубок ниток».

В. Комбинированные сравнения (союзное слово + отрицание):

Puree kuin kärpänen, ei ole kärpänen, hyppää kuin sirkka, ei ole sirkka, musta kuin syysi, ei ole syysi. – Kirppu (SKAK 1991, с. 348). – «Кусает как муха, но не муха; прыгает как сверчок, но не сверчок; черный как уголь, но не уголь. – Блоха».

Musta kuin pappi, ei ole pappi, kiiltää kuin nappi, ei ole nappi, menee maahan kuin mato, ei ole mato. – Sontainen (SKAK 1991, с. 352). – «Черный как священник, но не священник; блестит как пуговица, но не пуговица, уходит в землю как червяк, но не червяк. – Навозный жук».

В такого плана загадках формально отрицается сходство загадываемого предмета с другим предметом, по сути же, этот предмет дает намек на загаданный.

Загадки поэтичны не только по своей внутренней форме, но и по звуковой организации. Наиболее яркой чертой эстетического своеобразия финской загадки является использование аллитерации в форме созвучия начальных слогов, придающих загадке своеобразную звуковую окраску. В финских загадках аллитерация чаще всего представлена на согласные звуки, например:

Kieli keskellä kitaa. – *Verkon kutomiseen käytetty käpy* (VA 1990, с. 70). – «Язык посреди глотки. – Плетеная сетка, сделанная из шишки».

Mikä männikkö mäellä, mikä miero männikössä? – Ihmisen pää, hiukset ja täit (SKAK 1991, с. 5). – «Какой сосновый бор на горе, какие насекомые в сосновом бору? – Голова человека, волосы и вши».

Kukko luisen lukon takana laulaa ja lavertaa. – *Kieli* (SKAK 1991, с. 9). – «Петух за костяным замком поет и щебечет. – Язык».

Реже встречаются примеры на употребление аллитерации на уровне гласных. Например:

Ori juoksee, ohjat seisoo. – *Joki ja rannat* (VA 1990, с. 131). – «Жеребец бежит, вожжи стоят. – Река и берега».

Именно благодаря аллитерации загадка становится поэтичной, музыкальной, что облегчает ее запоминание.

Звуковая организация загадок допускает употребление выразительных междометных слов, создающих в тексте загадки неповторимый колорит:

Hik hak, hiki haka, hela tuna, hela tuuna ja viina, lakilamppu ja trumpu, helnotin helinä ja ponnotin polina. – *Vaunut* (VA 1990, с. 37). – «Хик-хак, хики-хака, хела-туна, виина, лакилампу и трумпу, дребезжание и грохот, лязг и звон. – Вагоны».

Чаще всего такого рода загадки строятся на звуковых соответствиях, поэтому набор лексем здесь не имеет большого значения: *hiki* ‘пот’, *haka* ‘огороженное пастбище’, *hela* ‘оправа’, *tuna* ‘недотепа’, *viina* ‘вино’, *helnotin helinä* ‘звон’ и т. д.

Одним из употребительных художественных приемов в тексте загадки является также повторение отдельных слов или целых строк с их незначительными вариациями. Например:

Pala lihaa, pala luuta, pala nahkaa, pala rautaa, pala puuta. – *Härkäpari (VA 1990, с. 133).* – «Кусок мяса, кусок кости, кусок кожи, кусок железа, кусок дерева. – Пара быков».

Yksi pane tuts tuts, toinen pane tuts tuts, kolmas pane tuts tuts, neljäs pane tuts tuts, viiles pane viuh vauh. – *Hevosen jalat ja häntä (VA 1990, с. 199).* – «Первый стучит тутс-тутс, второй стучит тутс-тутс, третий стучит тутс-тутс, четвертый стучит тутс-тутс, пятый шумит виух-ваух. – Копыта и хвост лошади».

Нарочитое повторение одного звука или сочетаний звуков, как и в случае употребления междометий, помогает зрительно представлять отгадку.

При изучении жанрового своеобразия финской загадки нельзя не обратить внимания на проблему ритма и рифмы. Удмуртский фольклорист Н. П. Кралина отмечает, что «некоторые загадки построены менее четко в смысле ритма и рифмы, но тем не менее и о них можно сказать, что они определенно тяготеют к ритмической, напевной речи. В некоторых случаях загадки совсем не имеют ритма и рифмы, а представляют собой просто разговорную речь» [Кралина 1954, с. 144]. Данные наблюдения применимы и к финской загадке:

Uusi talo tien vieressä, satatuhatta ikkunaan. – *Halkopino (KA 2002, с. 196).* – «Новый дом возле дороги, сто тысяч окон. – Поленища».

Заключение

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что загадка как фольклорный жанр обладает сложной и неоднородной семантической структурой: она имеет не только внутреннюю структуру и звуковое оформление, но и требует учета процессов языковой когниции. Жанр загадки отличает подлинная и высокая художественность, в значительной степени достигающаяся метафоричностью.

В традиционной финской культуре для выражения заместительного образа чаще всего используются:

- а) предметный код;
- б) зооморфный код;
- в) антропонимический код.

Причем на способы построения загадки, как формы выражения национального мировидения, оказывает влияние не только национально-культурный колорит, но и структура языка – его фонетический, морфологический и синтаксический уровни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа // Записки УдНИИ. Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 123–125. [Kralina, N. P. (1954). *Zagadki udmurtskogo naroda* (Riddles of the Udmurt people). In *Zapiski UdNII* (vol. 16, pp. 123–125). Izhevsk. (In Russ.)].
- Kaivola-Bregenhöj A.* Arvoitukset // Mikä se on. Vanhoja arvoituksia / Toimit. Kaivola-Bregenhöj A. Hämeenlinna, 1990. (In Udm.)

УДК 8.81.811

У. П. Природина

кандидат филологических наук, преподаватель частного образовательного учреждения дополнительного образования по изучению иностранных языков «Скандинавская школа»; e-mail: brasikaika@rambler.ru

ОСНОВНЫЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ДИНАМИКУ ШВЕДСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Имянаречение становится одним из очевидных средств сохранения этнической идентичности шведов в поликультурном обществе, когда сохраняются национальные традиции имянаречения, намеренно поддерживается региональная популярность ряда личных имен. В сфере именования человека взаимодействуют разные факторы, обуславливающие принципы номинации и типы онимов: мода на личные имена и происходящие в шведском обществе иммиграционные процессы. В исследовании, выполненном на материале из современных шведских источников, используются общенаучные и лингвистические методы: наблюдение, описание, моделирование.

Ключевые слова: шведские традиции имянаречения; антропоним; мода на имена; иммиграция; социально-психологические факторы.

U. P. Prirodina

PhD (Philology), Teacher at the Private Educational Institution of Additional Education for the Study of Foreign Languages "Nordic School", Moscow;
e-mail: brasikaika@rambler.ru

THE MAIN EXTRALINGUISTIC FACTORS DETERMINING THE DYNAMICS OF SWEDISH ANTHRONYMS

The name is becoming one of the means to protect the ethnic identity of Swedes in the multicultural society, preserving the national traditions of name giving and intentionally maintaining the regional popularity of certain names. Name giving is subject to interaction of various factors determining the principles of nomination and types of onyms: fashion for personal names and immigration processes in Sweden. To analyze the material selected from modern Swedish sources the author used such generally employed scientific and linguistic methods as observation, description, modeling.

Key words: Swedish traditions of naming; anthroponym; fashionable names; immigration; socio-psychological factors.

Введение

Исследование сферы именования, в том числе антропонимии, в последние годы развивается довольно динамично. Это связано

с взаимодействием различных факторов, обуславливающих принципы номинации и типы онимов. Важную роль здесь играют национальные культурные тенденции, благодаря которым корпус личных имен пополняется новыми антропонимами; мода на личные имена; заимствование иноязычных личных имен; предпочтения в использовании тех или иных онимов из-за наличия у них определенного стилистического содержания или новых коннотаций; активизация социально-психологических факторов, например в связи с распространением гендерных идей в обществе. Немаловажную роль в активизации неспецифичных типов номинации отводится процессу интенсивного заимствования англоязычной лексики под влиянием глобализации. Особым фактором развития принципов и способов номинации является увеличение разных видов интернет-активности: от торговой деятельности через Интернет до коммуникации в различных чатах, блогах. Наконец, серьезное влияние оказывают на ономастическую систему и миграционные процессы.

Актуальность темы определяется, с одной стороны, отсутствием в отечественной лингвистике исследований в области шведской антропонимии. С другой – важно понять, как влияют все перечисленные выше факторы на конкретные процессы номинирования в шведской ономастической системе. Это позволит не только представить тенденции ее развития, но и создать определенную фактическую и теоретическую базу для сравнения ее с другими языковыми системами, что очень важно для оптимизации процессов межкультурной коммуникации.

Научная новизна работы заключается в том, что проведен комплексный анализ различных историко-культурных, социально-общественных факторов, определяющих динамику шведской антропонимии, с опорой на личные имена.

Материал отобран из современной шведской научной и научно-популярной литературы.

Цель проведенного исследования – выявление основных экстралингвистических факторов, детерминирующих развитие шведского корпуса личных имен, и установление характера их взаимодействия. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

- изучение социокультурных, исторических и социально-психологических факторов, влияющих на становление и динамику антропонимической системы шведского языка;

- выявление отражения этих экстралингвистических факторов в структуре антропонимических образований.

В исследовании используются общенаучные и лингвистические методы, отвечающие поставленной цели и способные помочь интерпретировать разноаспектный фактический материал: наблюдение, описание, моделирование.

Мода на личные имена

Само по себе явление «мода» при всей неуловимости психологических причин его возникновения объективно. С одной стороны, мода помогает индивиду социализироваться, обозначить принадлежность к той или иной социальной группе и занять в ней определенное место благодаря ряду факторов, среди которых можно назвать и яркое неординарное имя, которое реализует в таком случае демаркационную функцию. С другой стороны, мода, в том числе на имена, сглаживает различия внутри группы (или между группами), выполняя нивелирующую функцию. В разные периоды развития шведского общества четко прослеживается мода на те или иные имена известных личностей, литературных героев или персонажей, имена без родовых различий (*Kim, Tim, Meo, Juno*), имена, заимствованные из ботаники (*Viola, Linnea, Lotus, Iris*), нестандартные имена (*Snöflingan, Månstrålen, Regnbåge, Kotte* – Снежинка, Лунный луч, Радуга, Шишка) и т. п.

Мода на имена возникла в далеком прошлом. При этом заимствование иноязычных имен было связано с рядом культурно-исторических событий и отчетливо выраженных социальных процессов. Так, благодаря южным крестовым походам в Швеции стали популярны библейские имена и имена святых. А в эпоху великодержавия корпус личных имен шведского языка пополнился немецкими антропонимами: (*Vilhelm, Rudolf, Otto, Amalia, Ida* и др.). В XVIII в. моду на имена диктовала, по данным Р. Оттербьёрка, Б. ав Клинтберга и К. Нюман, в основном Франция [Otterbjörk 1973; af Klintberg 2005; Nyman 2009]. Имена *Charlotte, Louise, Marianne* и др. пользовались популярностью сначала у аристократии и духовенства, позже они стали модными у городской буржуазии, а затем и у жителей наиболее развитых провинций: ремесленников, торговцев, солдат. Практически в тот же период новорожденным часто стали давать двойные имена: *Anne-Charlotte, Beate-Sophie* и *Marie-Louise*.

Начиная с XIX в. на антропонимические предпочтения шведов сильное влияние оказывала художественная литература и массовая культура. В XX–XXI вв. мода на имянаречение по-прежнему тесно связана с книжными персонажами, но одновременно усиливается влияние медиа- и киноиндустрии, а также спорта. Так, благодаря известному шведскому бегуну, многократному рекордсмену мира Гундеру Хэггу (Gunder Hägg) в 1942–1943 гг. (именно на это время приходится его лучшие достижения в спорте) было очень модно нарекать мальчиков именем *Gunder*. Имена представителей королевской династии также становятся образцами для подражания при выборе имени для ребенка.

Б. ав Клингберг и А. Мальмстен полагают, что одним из тех, чье творчество особенно заметно повлияло на состав антропонимов в Швеции, был Исая Тегнер (Esaias Tegnér) [af Klintberg 2005; Malmsten 1996]. В XIX в. стали популярными не только имена главных героев «Саги о Фритьофе» (*Fritiofs Saga*) – викинга Фритьофа и его Ингеборги, но и имена второстепенных персонажей – Бьёрна, Хильдинга, Торстена, Хельге.

В XX в. главным «законодателем моды на имена», как указывают Б. ав Клингберг и К. ван Луик, была писательница Астрид Линдгрэн [af Klintberg 2005; van Luik 2009]. Имена многих персонажей ее произведений для детей – *Ida*, *Emil*, *Rasmus*, *Madicken*, *Jonatan* и даже *Mio* и *Pippi* – стали частотными во всех социальных стратах общества.

Имена литературных героев становятся особенно популярными после экранизации литературных произведений. Так, повесть Астрид Линдгрэн «Мы – на острове Сальткрока» (*Vi på Saltkråkan*) вышла в свет в 1964 г., но имя ее доброй героини *Malin* стало модным лишь в 1970–1980-х гг., после выхода на экран в 1968 г. снятого по книге фильма. То же самое произошло с именем девочки *Ronja* из произведения писательницы «Рони, дочь разбойника» (*Ronja Rövardotter*). Книга появилась в 1981 г., а была экранизирована в 1984 г. (именно в этот период многие родители выбирали для своих новорожденных девочек имя *Ronja*). Таким же образом после экранизации в 1989 г. книги Ульфа Старка «Чудаки и зануды» (*Dårfinckar & Dönickar*) приобрело популярность имя ее главной героини *Simone*.

В свое время мы подробно рассматривали вопрос, касающийся модных тенденций в имянаречении в шведской культуре, подчеркивая изменчивость и цикличность моды на личные имена [Природина 2011].

Одна из модных тенденций XXI в. – наречение гендерно-нейтральными именами, или именами без родовых различий (шв. *könsneutrala namn, unisexnamn*). К. ван Луйк называет 59 подобных имен, но без этимологии [van Luik 2009, с. 195]. С. Нурберг представила список из 350 имен, указав происхождение каждого [Norberg 2011, с. 193–208]. В ее списке присутствуют имена ирландского (*Afon, Aine, Aran*), китайского (*Le, Rong, Shan* и др.), лаосского (*Kalani, Keanu, Lae, Loe/Lo, Makaio* и др.), нигерийского (*Huso, Kei, Kendi, Kendis, Kiho* и др.), французского, испанского и иного происхождения (*Ange, Camille, Dominique, Javier* и др.). Можно даже говорить об опасности вытеснения подобными именами распространенных, традиционных для шведской культуры имен, учитывая влияние активной государственной политики в целях достижения гендерного равенства, а следовательно, увеличения популярности имен без родовых различий.

Иммиграционные процессы и их влияние на шведские традиции имянаречения

Сегодня Швеция – страна иммигрантов. Поэтому состав корпуса личных имен в современной Швеции определяется не только факторами, традиционно воздействующих на антропонимическую систему, но и под влиянием культуры имянаречения иных народов. Иммиграционные процессы становятся новым фактором, активно воздействующим на динамические процессы в шведской антропонимии, которая пополняется необычными для шведской культуры личными именами, и действие этого фактора по сравнению с XX в. усиливается.

Так, в начале Второй мировой войны Швеция принимала в страну детей, эвакуированных из Финляндии, благодаря чему многие шведы познакомились с такими именами, как *Aili, Eila, Hilja, Jussi*. Второй приток иммигрантов из Финляндии пришелся на период с 1960 по 1970 г., когда в шведской антропонимии появились *Aulikki, Kari, Roine*. Начиная с конца 1970-х гг., как отмечает Э. Брюлла, число иммигрантов резко увеличилось. Швеция быстро превратилась в мультикультурное общество, в котором, помимо шведского языка, функционирует около 200 других [Brylla 2004, с. 9]. Это закономерно привело к расширению антропонимической системы в целом и корпуса личных имен, в частности: в Швеции все чаще можно услышать арабские имена *Mohamed, Ali, Omar, Fatima*, сербское *Dragan*, польское

Jadwiga, хорватское *Zoran* и др. Например, в 2019 г. имя *Mohamed* занимало 33-е место в списке популярности мужских имен в шведском обществе, *Ali* – 94-е, *Omar* – 98-е.

Однако иммиграционные процессы, вынуждая людей разных национальностей жить рядом, так или иначе приспособляясь друг к другу, активизируют и противоположный процесс – усиление стремления к этнической идентичности, что проявляется и в актуализации традиционно шведского имянаречения, причем возврат к архаическим личным именам воспринимается как сохранение и поддержание традиций. Но компоненты антропонимии, заимствованные из других языков, остаются активными в процессе формирования личных имен, и поэтому в современном шведском языке частотны имена, созданные на основе иноязычных компонентов. Так, с одной стороны, особенная любовь шведов к природе нашла отражение в образовании личных имен с использованием наименований животных (*Katt* ‘Кошка’, *Orm* ‘Змея’), птиц (*Duva* ‘Голубь’), растений (*Koriander* ‘Кориандр’, *Skilla* ‘Пролеска’), кустарников (*Hallon* ‘Малина’), деревьев (*Ask* ‘Ясень’, *Vide* ‘Ива’), природных реалий (*Skymning* ‘Сумерки’, *Vinter* ‘Зима’). Но эта закономерная тенденция теперь часто воплощается в именах, образованных с помощью заимствований из английского языка: *Summercloud* (*summer* ‘лето’, *cloud* ‘облако’), *Sun* (‘солнце’), *Sunshine* (‘солнечный свет’), *Forest* (‘лес’), *Pebbles* (‘галька, мелкие камни’) и др.

В книге «Шведский менталитет» этнолог О. Даун, рассматривая формирование межличностных и социальных отношений как фрагмента культуры, среди совокупности характеристик, определяющих их «шведскую составляющую», выделяет коллективизм и одновременно индивидуализм [Daun 1998, с. 46]. Определяя индивидуализм как проявление независимости, а понятие «коллективизм» – через принятие индивидом «общих точек зрения и стереотипов поведения», он подчеркивает, что эти принципы общественной жизни синхронически реализуются в постоянном взаимодействии [Daun 1998, с. 121–127]. Неудивительно, что это находит отражение в современной культуре имянаречения: с одной стороны, шведы стремятся проявить свою индивидуальность посредством использования «особенного» имени, но поскольку такая интенция характерна для любого индивида, подобные действия постепенно становятся частотными и начинают характеризовать коллектив в целом.

Заимствованные личные имена оказывают специфическое воздействие на давно используемые в Швеции имена. Так, в последние 10-20 лет родители нередко дают детям довольно распространенные и популярные имена, но в оригинальном, непривычном, написании: *Julija, Allis, Mayah, Melizza, Viljam, Allexzander, Izack* (вместо традиционных *Julia, Alice, Maja, Melissa, William, Alexander, Isak*). Видимо, таким образом они хотят выделить своего ребенка, подчеркнуть его индивидуальность,

Впрочем, противоположная тенденция тоже реализуется. Так, для сохранения национальных традиций имянаречения намеренно поддерживается региональная популярность некоторых имен: в провинции Даларна – *Engelbrekt, Hjalmar, Majt* и др.; в Бохуслене – *Alf, Halvor, Påske* и др.; в Сконе – *Ale, Asmund, Assar, Bonde* и др.; в Смоланде – *Åbjörn, Lage, Svenborg* и др.; в Вермланде – *Atte, Brynolf, Elof* и др.; в Емтланде – *Kjell, Gunborg, Seborg* и т. д.

При этом в корпусе личных имен сохраняется устойчивое ядро, являющееся константным на протяжении всей истории шведского имянаречения: *Erik / Eric, Karl / Carl, Lars, Oscar; Anna, Elisabet / Elisabeth, Maria* и т. п. Носителей шведской культуры по-прежнему привлекают имена эпохи викингов, как мужские (*Björn, Sten, Sven, Ulf*), так и женские (*Ingegerd, Sigrid*).

Заключение

В настоящее время наряду с общеизвестными факторами, традиционно детерминирующими систему шведских личных имен, в частности мода на те или иные имена, выделяется и новый фактор – иммиграционные процессы, обуславливающие приток новых имен и словообразовательных формул в шведскую антропонию. Этот процесс до настоящего времени не получал освещения в научной литературе, в то время как влияние фактора миграции на ономастическую систему, как показано нами на примере имен собственных, существенно.

Поликультурность современного шведского общества способствует одновременному развитию различных тенденций имянаречения: с одной стороны, это сохранение общих национальных традиций и поддержание стабильного ядра корпуса шведских антропонимов, а также активизация региональной популярности ряда личных имен.

С другой – исследованный нами материал демонстрирует, что под влиянием инокультурных заимствований возникают особые, синкретические формы имянаращения, когда традиционные способы имянаращения взаимодействуют с новыми, образуя специфическую модную тенденцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Природина У. П.* Мода как фактор формирования антропонимической базы (на примере шведского языка) // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований» 25–26 марта 2011 г. Пенза – Москва – Репт: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 88–94. [Prirodina, U. P. (2011). *Moda kak faktor formirovaniya antroponimicheskoy bazy (na primere shvedskogo yazyka)* (Fashion as a factor in the formation of an anthroponymic base (on the example of the Swedish language)). In *Topical Issues of Theory and Practice of Philological Research* (pp. 88–94). Penza, Moscow, Resht: Nauchno-izdatel'skiy centr «Sociosfera». (In Russ.)].
- Brylla E.* Förnamn i Sverige. Kortfattat namnlexikon (First names in Sweden. Brief name dictionary). Stockholm: Liber, 2004. (In Swed.)
- Dawn Å.* Svensk mentalitet (Swedish mentality). Stockholm: Rabén Prisma, 1998. (In Swed.)
- Klintberg af B.* Namnen i almanackan: fakta och kulturhistoria om svenska förnamn (The names in the almanac: facts and cultural history about Swedish first names). Stockholm: Norstedts akademiska förlag, 2005. (In Swed.)
- Luik van C.* Stora boken om namn (The great book about names). Stockholm: Alfabet, 2009. (In Swed.)
- Malmsten A.* Svenska namnboken (Swedish names book). Stockholm: Rabén Prisma, 1996. (In Swed.)
- Norberg S.* Namnguiden. 3365 namn från världens alla hörn (Name Guide. 3365 names from all corners of the world). Malmö : Kakao förlag, 2011. (In Swed.)
- Nyman C.* Namninspiration när barnet ska namnges. 2000 namn med förklaringar, betydelser, ursprung, popularitet, namnsdagar och trendlistor (Name inspiration when the child is to be named. 2000 names with explanations, meanings, origins, popularity, name days and trend lists). Malmö: Strategiförlaget, 2010. (In Swed.)
- Otterbjörk R.* Svenska förnamn (Swedish first names). Stockholm: Esselte Studium, 1973. (In Swed.)

УДК 372.881.1

К. Ю. Россолович

ассистент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: k.rossolovich@spbu.ru

РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ СПЕЦКУРСА ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Реалии часто изучают в связи с художественным переводом, однако их можно использовать и для изучения национальной идентичности. В качестве структуры для работы с реалиями выбраны параметры культурных измерений Геерта Хофстеде: дистанцированность власти, индивидуализм, маскулинность, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация, допущение. После успешного курса сделан вывод, что поиск реалий и изучение парадигмы Хофстеде мотивирует студентов к активной работе и создает поле для дискуссий.

Ключевые слова: реалии; национальная идентичность; нидерландский язык; лингвокультурология; преподавание ИЯ.

K. Ju. Rossolovich

Lecturer, Department of Scandinavian and Dutch Philology,
St. Petersburg State University;
e-mail: k.rossolovich@spbu.ru

REALIA IN A LITERARY TEXT AS MATERIAL FOR A COURSE ON NATIONAL IDENTITY

Realia often come to mind when we speak about translation, but they can also be used in lectures on national identity. We suggest to use the Hofstede cultural dimensions theory that helps us compare the cultures according to six parameters: power distance, individualism, masculinity, uncertainty avoidance, long term orientation and indulgence. This approach helped to motivate students look for realia in literary texts and to spark interest for comparative studies as well.

Key words: realia; national identity; Dutch language; culturespecific words; foreign language teaching.

Введение

В задачи преподавателей иностранного языка также входит знакомство обучающихся с культурой страны изучаемого языка. Для этого в учебники включают тексты по страноведению, в диалогах

обыгрывают особенности речевого этикета, демонстрирующие особенности культуры, на уроках слушают песни и смотрят фрагменты фильмов. Однако, если целью занятий ставится последовательное и структурное изучение особенностей национальной идентичности, то у преподавателя появляется задача найти подходящий материал. Думается, что в рамках такого спецкурса возможно не только использование учебников и обобщение опыта студентов, посетивших страну, но и рассмотрение литературных текстов с целью найти примеры проявления национальной идентичности в них. В статье приводится пример, как это можно сделать на занятиях, применив типологию культурных измерений Геерта Хофстеде.

1. Реалии в преподавании иностранного языка

Термин реалии часто появляется на занятиях в контексте перевода. Болгарские исследователи Влахов и Флорин, впервые давшие подробный анализ «реалий» в своих трудах, говорили о «словах и словосочетаниях, называющих объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [Влахов, Флорин 2012, с. 47]. В начале курса полезно рассмотреть этот термин подробнее – это поможет студентам осознанно подходить к поиску реалий в текстах, а также станет подспорьем в дальнейшей научной и практической деятельности. Для этого можно обратиться к работам следующих авторов: Л. Н. Соболев, В. М. Россельс, Р. К. Миньяр-Белоручев, А. В. Федоров, В. Г. Гак, Л. С. Бархударов, Г. Д. Томахин, А. А. Реформатский, В. С. Виноградов, И. С. Алексеева, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, Дж. Кэтфорд, П. Ньюмарк и Ю. Найда, Г. Вермеер, Д. Грит. В данной статье реалиями будут считаться слова, словосочетания, выражения и аббревиатуры, обозначающие явления любого порядка, которые не имеют аналога в русской культуре и несут в себе нидерландский колорит – в том числе имена собственные и топонимы.

Необходимо отметить, что описанный далее подход к использованию реалий на занятиях не является попыткой классификации реалий по проявлению в них идентичности. Не каждая реалия подойдет для этого спецкурса, поэтому преподавателю нужно заранее подобрать подходящие фрагменты произведений.

2. Типология культурных измерений Г. Хофстеде

На основе анкетирования сотрудников компании IBM в 1960–1970 гг. Геерт Хофстеде разработал типологию культурных измерений из четырех параметров: дистанцированность власти (далее – PDI), индивидуализм (далее – IDV), маскулинность и фемининность (далее – MAS), избегание неопределенности (далее – UAI). Дальнейшие исследования других аудиторий (студенты, пилоты, госслужащие, средний класс) в 1970–2010 гг. помогли обосновать предположения Хофстеде о четырех параметрах и добавить еще два: долгосрочная ориентация (далее – LTO) и допущение и сдержанность (далее – IND). Эту модель используют в изучении кросс-культурной коммуникации и международном бизнесе. Для нас этот подход интересен с двух точек зрения: во-первых, с помощью этой парадигмы мы можем проводить структурное сравнение культур. Естественно, модель Хофстеде не является единственно верной или абсолютной (что в принципе невозможно при исследовании культур), однако без какой-либо структуры и обобщения будет сложно говорить про изучение культуры или национальной идентичности. Данные по каждой стране, охваченной исследованием, можно найти в открытом доступе на сайте www.hofstede-insights.com/, что позволяет сравнивать страны между собой и дает интересный инструмент, дополняющий лекции и семинары. Во-вторых, данная модель разработана нидерландским социологом и антропологом, что представляет интерес для студентов нидерландского отделения: в рамках спецкурса можно посмотреть интервью с исследователем и прочитать статьи в оригинале.

3. Реалии в типологии культурных измерений

Рассмотрим, как именно реалии могут помочь нам обнаружить особенности национальной идентичности при помощи парадигмы Хофстеде [цит. по: Hofstede 2011]. Шкала измерений у Хофстеде идет от 0 до 120, где 0 – наименьший показатель параметра, 120 – наибольший.

Дистанцированность власти (PDI)

Этот параметр показывает отношение людей к понятиям равноправия и иерархии. В тех культурах, где дистанцированность власти мала, власть опирается на законность, старшие не имеют исключительного

авторитета, образование ставит в центр внимания учащегося. Если дистанцированность власти большая, то власть является основой общественного устройства, существует жесткая иерархия по возрасту и чину, доходы в обществе распределяются неравномерно. Реалии, которые могут помочь нам выйти на этот аспект национальной идентичности, могут быть обращениями, наименованиями денежных единиц, касаться униформ, должностей, ритуалов. Например, возьмем текст «Учитель Помпелмус и пылесос Юбел» (*Meester Pompelmoes en de Jubel-stofverwijderaar*) из цикла рассказов про учителя Помпелмуса писателя Ханса Андреуса:

Voor ik de volgende keer kom zorgt U er maar voor dat ik een nieuwe stofzuiger heb. Met dat stuk oudroest van U kan ik niet meer zuigen. <...> 't was echt geen goedkope: vijf en dertig gulden op de Rommelmarkt! <...> Maar U heeft gehoord wat ik U zei: een nieuwe stofzuiger of ik steek geen hand meer uit (*Andreas H. Meester Pompelmoes en de mompelpoes. Haarlem: Uitgeversmaatschappij Holland, 1968, c. 38*).

«До моего следующего визита позаботьтесь, чтобы у меня был новый пылесос. Этой ржавой рухлядью я больше не могу пылесосить. <...> И не из дешевых, стоил 35 гульденов на блошином рынке! <...> Вы слышали, что я сказала – или новый пылесос, или я больше и мизинцем не пошевелю» (перевод авт. – Е.Р.).

Это речь уборщицы, которая приходит к учителю Помпелмусу убирать его дом. С одной стороны, можно рассмотреть это как невоспитанность, однако нам кажется, что этот фрагмент всё же подходит для курса по нидерландской идентичности – из диалога можно сделать вывод об отсутствии жесткой иерархии в обществе. Подчиненный (или же ученик, ребенок, простой гражданин) может открыто высказать недовольство и критику, никого при этом не обидев. В книгах о национальной идентичности нидерландцев понятию «эгалитарность» часто уделяют целую главу (например, *De lage hemel* авторства *H. Van der Horst*), т. е. нидерландцы осознают этот параметр своей культуры, в дальнейшем актуализирующийся в их речи. Опыт учащихся, тех, кто уже был в Нидерландах на курсах или в туристической поездке, обычно подтверждает это утверждение. Соответственно, мы видим это и у Хофстеде: индекс дистанцированности власти в Нидерландах – 38, по сравнению с 93-мя в России.

Индивидуализм (IDV)

Этот параметр противопоставляет индивидуализм коллективизму. Здесь рассматривается то, как человек ощущает себя в обществе, исходит ли он в своей жизни из понятия «я» или чувствует себя частью группы, отдавая приоритет местоимению «мы». В обществах, стремящихся к индивидуализму, свободно выражается личное мнение, на работе выполнение задачи ставится выше дружеских взаимоотношений, в коллективистских обществах отношения внутри группы важнее всего остального, своя группа противопоставляется другим группам. Вероятно, здесь нельзя выделить конкретную группу реалий, которая поможет проследить эту черту, поэтому можно брать любой фрагмент, где реалия обращает наше внимание на ситуацию, связанную с проявлением коллективизма или индивидуализма. Например, мы видим это во фрагменте рассказа Анни М. Г. Шмидт:

Ze begonnen nu aan het thema waarvoor tante Mieke helemaal uit Joure gekomen was met een suikerbrood in haar koffer. Ze moesten het hebben over hun moeder, mijn godsdienstwaaninnige grootmoeder, die nergens was te handhaven en van het ene familielid naar het andere werd verschoven (Schmidt A. M. G. Wat ik nog weet. Amsterdam: Em. Querido's uitgeverij BV, 1992, c. 51).

«Они начали говорить о том, ради чего тетя Мике приехала из самого Йоуре с сахарным белым хлебом в чемоданчике. Им нужно было поговорить про свою мать, то есть мою сошедшую с ума религиозную бабушку, которую нигде не выносили и передавали от одного родственника другому» (перевод авт. – Е.Р.).

В данном случае мы видим, что интересы каждого родственника ставятся выше интересов семьи, каждый пытается избежать обузы и передать ее дальше. Это подтверждает, что Нидерланды, как развитая западная страна, отличаются индивидуализмом, индекс в парадигме Хофстеде – 80.

Маскулинность (MAS)

Этот параметр также иногда называют маскулинностью и фемининностью. Речь здесь идет о том, что маскулинное общество больше ценит настойчивость, напор, агрессивность в мужчинах, имеет более

четко прописанные гендерные роли, принимает эмоциональность и чувствительность только в женщинах. Если показатель низкий, то это означает, что общество больше стремится к фемининности. Фемининные общества принимают эмоциональность, заботливость и равнодушие как базовые человеческие черты. Те тексты, в которых мы встречаем мужскую эмоциональность (без негативной окраски), где речь идет о женщинах на руководящих должностях, о помощи слабым, сочувствии, о выборе между долгом и чувством можно использовать на занятии. Например, рассказы Симона Кармигелта, Ремко Камперта, Кееса ван Коотена. Индекс Нидерландов по этому параметру – 14, России – 36.

Избегание неопределенности (UAI)

Этот параметр показывает отношение внутри культуры к меняющимся обстоятельствам, нерегламентированным ситуациям и новым явлениям. Если индекс избегания неопределенности высокий, то в новых ситуациях люди испытывают стресс и страх, стараются с помощью правил, законов, истин создать ощущение того, что у них есть контроль над происходящим. То, что отличается от знакомого и понятного, кажется опасным. Если в обществе превалирует принятие неопределенности как факта этого мира, то люди не стремятся к правилам, не любят абсолютные истины и законы, чувствуют себя комфортно в непредсказуемом течении жизни, опираются на свой жизненный опыт и с любопытством относятся к неизведанному. Нидерланды больше склоняются к принятию неопределенности – индекс 53, Россия стремится к регламентированию действительности – индекс 95. Для иллюстрации этого параметра можно взять этот фрагмент из рассказов Ф. Спрингера:

Een oude oom, jaren geleden uit Indië thuisgevaaren, had hem nog met nadruk gezegd dat juist een jonge vrijgezel zich in de tropen een echt “thuis” moet scheppen als hij niet in de sos naar de verdommenis wou gaan. ‘En ach, je weet nooit,’ zei hij met zijn verlegen glimlachje, ‘je moet eens trouwen en dan heb ik alvast alles in huis.’ (*Springer F. Zaken oversee. Amsterdam: Em. Querido’s uitgeverij BV, 1990, c. 63*).

«Старый дядя, уже годами ранее вернувшийся из Индии, сказал ему с важностью, что для молодого холостяка важно создать себе в тропиках настоящий дом, если он не хочешь раствориться в забвении. “Ах,

никогда не знаешь наперед, – сказал, он смущенно улыбаясь, – сначала нужно жениться, а потом и дома все будет”» (перевод авт. – Е.Р.).

Герой рассказа «Заморские дела» (*Zaken overzee*) не стремится все держать под контролем, он открыт к разным сценариям своего будущего.

Долгосрочная ориентированность (LTO)

Данный параметр сравнивает долгосрочную и краткосрочную ориентированность в разных культурах. Общества с краткосрочной ориентированностью (США, Австралия, Латинская Америка) ставят потребление выше сбережений, считают, что личность имеет некоторый постоянный набор качеств (хороший человек всегда хорош), верят в удачу и везение. В странах, где превалирует долгосрочная ориентированность, люди верят в трудолюбие и упорство как залог успеха, экономию денег для будущих инвестиций или покупок, считают, что нет абсолютных истин и традиций. Фрагменты с размышлениями о деньгах, работе, трудолюбии могут стать ключом к рассмотрению этого параметра на занятиях, соответственно, здесь нам могут помочь реалии из сферы работы – например, сферы сельской жизни, заводов, фабрик, крупных индустрий. Например, можно использовать показывающий нидерландское трудолюбие фрагмент из романа «Тихая сила» Луи Куперуса:

...en Eldersma had het altijd druk. Hij werkte ‘s morgens, ‘s middags, ‘s avonds. Aan siesta deed hij niet. Hij rijstafelde even om vier uur en daarna rustte hij even uit (*Couperus L. De stille kracht. 10de druk. Wageningen: L. J. Veen, 1973, c. 37*).

«...и Элдерсма был всегда очень занят. Он работал утром, днем, вечером. Сиесты у него не было. В четыре часа он быстро съел свою порцию за рисовым столом, затем коротко отдыхал (*Куперус Л. Тайная сила / пер. И. М. Михайловой. СПб.: Геликон Плюс, 2014, с. 55*).

В данном случае реалии встречаются дважды – сиеста и рисовый стол. Это реалии Нидерландской Индии, нынешней Индонезии, которые часто встречаются в литературе про колониальный период. Из фрагмента мы видим, что секретарь Элдерсма не полагается на удачу в работе, а усердно трудится целый день, стремясь обеспечить свое будущее и будущее своей семьи. Индекс Нидерландов по этому параметру – 67 из 120.

Потворство (IND)

Параметр *сдержанность* и *потворство* показывает отношение к удовлетворению желаний. Если индекс высокий, то в культуре принято выполнять свои желания, баловать себя, не испытывая при этом негативных эмоций. В культурах, где преобладает сдержанность, больше правил и запретов, меньше ощущение ответственности за свою собственную жизнь. В Нидерландах этот индекс выше, чем в России: 68 против 20. В культурах, где возможно исполнять свои желания, люди чаще чувствуют себя очень счастливыми. Материал можно найти в произведениях Анни М. Г. Шмидт, Х. Андреуса, Армандо, так как детская литература часто обыгрывает ситуации потворства.

Заключение

Таким образом, реалии представляют интереснейший материал для познания культуры страны изучаемого языка и могут быть использованы как дополнительный материал к структурному изучению национальной идентичности. Они позволяют изучить аспекты национальной идентичности, актуализированные носителями в языке, чтобы студенты впоследствии могли сравнить сделанные выводы с существующими культурологическими исследованиями для закрепления изученного. Во время проведения спецкурса по языковым средствам национальной идентичности мы пришли к заключению, что анализ художественных текстов с использованием теории культурных измерений Хофстеде помогает учащимся глубже усвоить материал, так как студенты получают возможность более активно работать с материалом – искать закономерности, обобщать, рефлексировать, сравнивать с собственным опытом, вести дискуссии. Помимо лекций, чтения статей и учебников такой структурный подход к применению реалий художественных текстов на занятиях может стать инструментом мотивации студентов к дальнейшему самостоятельному анализу и изучению национальной идентичности. Важно отметить, что доступ к статистическим данным по культурным измерениям различных стран на сайте www.hofstede-insights.com/ предоставляется бесплатно. Таким образом, взяв за основу типологию культурных измерений Геерта Хофстеде и собрав фрагменты художественной литературы, содержащие реалии, представляется

возможным с нуля создать спецкурс по национальной идентичности страны изучаемого языка для студентов старших курсов программ бакалавриата или студентов магистратуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Влахов С. И., Флорин С. П.* Непереводимое в переводе. Изд. 5-е. М. : Р. Валент, 2012. 406 с. [Vlakhov, S. I., Florin, S. P. (2012). *Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in translation)*. Moscow: R. Valent. (5th ed.). (In Russ.)].
- Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2 (1). URL: doi.org/10.9707/2307-0919.1014 (accessed: 13.04.2020).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 5 (834)	Issue 5 (834)

Ответственный редактор выпуска 5 (834)
кандидат филологических наук Е. В. Воробьева

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 20.09.2020
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 19,4.
Заказ № 83/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.